

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ИНТЕГРИРОВАННЫЙ ПОДХОД С ПОЗИЦИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Издательство Томского университета
2019

УДК 316.6
ББК 88.52
М75

Авторы:

*Э.И. Мещерякова, А.В. Ларионова, Д.В. Карелин,
В.В. Орлова, О.М. Писарев, Е.П. Молчанова,
А.П. Фахретдинова, Н.А. Мишанкина, Е.В. Родионова*

Рецензент – *В.Ф. Енгальцев*, доктор психологических наук, профессор

Молодежный экстремизм: интегрированный подход с позиции гуманитарных наук: кол. монография /под ред. Э.И. Мещеряковой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. – 164 с.

ISBN 978-5-7511-2588-2

В коллективной практико-ориентированной монографии «Молодежный экстремизм: интегрированный подход с позиции гуманитарных наук» обсуждаются вопросы молодежного экстремизма с точки зрения психологии, социологии, юридической психологии, лингвистики. Подобный интегративный подход позволяет представить многоаспектный анализ молодежного экстремизма, его обнаружение, диагностику и профилактику. Данную монографию можно рассматривать как попытку разработки и применения интегрированной методологии в рамках обсуждения молодежного экстремизма как важной социально-психологической проблемы.

Для преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов, всех, кто занимается исследованиями в данной области.

**УДК 316.6
ББК 88.52**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-013-01116 А «Психология формирования и профилактики современного экстремизма»

ISBN 978-5-7511-2588-2

© Коллектив авторов, 2019

От редакции

Знание о сущности экстремизма содержится в самом термине «экстремизм», где латинское *extremus* – *крайний, чрезмерный* означает приверженность крайним взглядам, методам действий. Исследование экстремизма как отдельного предмета берет начало с конца 60-х – начала 70-х гг. XX в., когда в ряде развитых стран стали возникать леворадикальные террористические организации. Проблема экстремизма на сегодня еще не является решенной в силу сложности самого явления и его исторической изменчивости, а также многочисленности вариантов экстремизма по линии субъект–объект. Значимость теоретического обоснования и практической реализации межинституционального взаимодействия специалистов-гуманитариев в аспекте преодоления экстремистских угроз в современном мире не вызывает сомнения. В представляемой монографии имплицитно представлено одно из главных пониманий смысла экстремизма для молодежи как осуществления возможности выхода сознания молодого человека к трансцендентному физическому переживанию, дающему жизни смысл путем выворачивания её наизнанку. Это выворачивание смыслов наизнанку присутствует в радикалистских устремлениях молодежи, являясь одним из способов работы с тревогой, с очищением от социальных страхов, переполняющих современную молодежь в обыденном, повседневном существовании. Психоданализ сказал бы о катарсисе – транс-субстанциализации эмоций, эмоциональной разрядке в процессе высвобождения психической энергии, способствующей уменьшению или снятию тревоги, конфликта, фрустрации.

Проблема молодежного экстремизма в статье Э.И. Мещеряковой и А.В. Ларионовой рассматривается в отечественной и зарубежной психологической литературе в части ее детерминаций как радикалистского, деструктивного способа самореализации. В русле системно-антропологического подхода проведено исследование, в котором приняли участие 284 осужденных и студентов. Получены результаты сравнительного анализа взаимосвязи представлений об экстремизме и индивидуально-психологических характеристиках

молодежи и осужденных за экстремизм. В результате статистической обработки данных были выявлены особенности, характерные для обеих выборок: смысловые конструкторы феномена экстремизма и их различия.

Д.В. Карелин представляет нормативно-правовой и криминологическом дискурс в обсуждении правового нигилизма молодежи, базируясь на философско-социальных и политико-правовых смыслах. Дальнейшему познанию сущности и истоков возникновения этого феномена, а значит, и определению направлений по его преодолению и профилактике может способствовать комплексный, междисциплинарный подход, предполагающий интеграцию общеметодологических и частнонаучных подходов. Рассматриваются положения об условиях междисциплинарного взаимодействия, о «нормативном» понимании роли правового нигилизма, о месте правового нигилизма в системе детерминант преступности, о возрастной характеристике лиц, совершивших преступления экстремистской направленности.

На основе теоретико-методологических подходов социологии и социальной психологии В.В. Орлова рассмотрела и представила контексты молодежного экстремизма в социологии и социальной психологии, объектные и предметные различия, позволяющие выявить точки соприкосновения и водоразделы в методах изучения, а также специфику исследовательских методик. Эмпирическая основа изучения экстремизма в социологии и психологии представляет собой совместимые между собой исследовательские инструменты, вместе с тем имеющие определенные различия. Рассмотрение «экстремизма» как девиации позволяет учесть основной его признак – антисистемный насильственный характер. Важное значение имеет изучение механизмов распространения радикального контента в интернет-пространстве. Мультидисциплинарные технологии по созданию программного обеспечения служат вспомогательным инструментом в борьбе с терроризмом и насильственным экстремизмом. Тенденция насильственного экстремизма приводит сегодня к комплексным изменениям в механизмах обеспечения безопасности как в пределах государств, так и на межгосударственном уровне.

Ученые и практики отечественной пенитенциарной психологии Е.П. Молчанова и О.М. Писарев исследовали особенности смысловых установок осужденных за экстремизм и представили

результаты эмпирического исследования смысловых установок 20 осужденных, отбывающих уголовное наказание за преступления экстремистской направленности. Выявлено, что у осужденных, отбывающих наказание за преступления экстремистской направленности, преобладают прагматические компоненты в смысловых установках при отсутствии самооценочных составляющих. Констатируется необходимость дальнейшего глубокого изучения фактов, механизмов и закономерностей функционирования личности осужденных за экстремизм в условиях социальной изоляции, присущих им смысловых образований с учетом актуальных психических состояний при осуществлении психокоррекционной и психотерапевтической работы в пенитенциарный период.

Исследователи А.В. Ларионова и А.П. Фахретдинова представили анализ проблемы национального экстремизма и его профилактики в молодежной среде в различных странах и регионах. Отмечено, что молодежь чрезвычайно восприимчива к националистической риторике, и поскольку она представляет собой будущее общества, то совершенно очевидно, что рост экстремизма среди молодых людей ставит под угрозу реализацию потенциала развития социума. Было проведено комплексное исследование по трем направлениям – библиометрия, библиография и психодиагностика. Описываются особенности функциональной связи этноидентичности с конструированием враждебности по отношению к идентифицируемым «чужим». Проведенное исследование позволило авторам разработать ряд предложений по предупреждению экстремизма в молодежной среде.

Теория и практика анализа экстремистского видеоряда социальных сетей рассмотрены экспертом-лингвистом Н.А. Мишанкиной, где на материале лингвистических экспертных исследований рассматриваются критерии, на основании которых делается заключение о наличии / отсутствии признаков экстремизма в вербальном компоненте видеороликов, размещаемых пользователями социальных сетей. Практика экспертной деятельности лингвиста позволяет определить значимость каждого из критериев. Наиболее значимым должно быть признано доказательство факта публичности распространяемых материалов, а также характер его функционирования. Второй по значимости параметр – экспликация объекта описания, ее отсутствие аннулирует факт экстремизма. При этом экспликация может быть непрямой, и в этом случае задача эксперта –

установить референцию текста. Третий параметр – выявление наличия / отсутствия призывов к осуществлению террористической и экстремистской деятельности либо высказываний, оправдывающих их осуществление, – также может быть реализован в косвенной форме. Дополнительные критерии – наличие в тексте языковых структур, выражающих эмоциональную оценку, оскорбление религиозных и национальных святынь, наличие выражений, пропагандирующих исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, наличие установки на принципиальное противоречие, несовместимость социальных, национальных, религиозных групп – могут быть квалифицированы как экстремистские только при условии наличия трех базовых.

Проблема противодействия экстремизму рассматривается Е.В. Родионовой в аспекте применения метода дизайн-мышления, который служит концептуальной основой противодействия и профилактики молодежного экстремизма. Представлен теоретический обзор процесса дизайн-мышления, описаны его этапы и основные инструменты. Опыт дизайн-мышления применен для разработки методологии анализа стратегий вмешательства в противодействие и профилактику экстремизма. Концепция отражена в программе повышения квалификации, прошедшей в марте-апреле 2019 г. в Томском политехническом университете.

Комплексная интегративная модель и базовые агрегированные технологии психопрофилактических интеракций радикалистских настроений студенческой молодежи Э.И. Мещеряковой базируется на синтезе идей позитивной психологии М. Салигмана и транскультуральной психотерапии Н. Пезешкиана в духе новой персонологии как «науки синтеза» по определению Е. Старовойтенко. Описываются три «кита» построения системы психопрофилактики: вариативность содержания, форм, методов, персонализация, учет возраста и его самооценности, учет персональной истории и стратегий жизнеосуществления. Поэтому сборка модели психопрофилактических интеракций осуществляется с учетом следующих ценностно-смысловых линий: а) специфики работы со студенческой аудиторией различной наполненности, б) соблюдения теоретической цельности в интеграции различных теоретических подходов, в) примени-

мости тех или иных базовых технологий для соответствующих задач психопрофилактики.

Представляется, что монография внесет определенный вклад в разрешение ситуации назревшей объективной необходимости развития у молодежи умений делать сознательный личностный выбор в условиях лавинообразного нарастания количества информации, развития неопределенности глобализирующегося мира, экстремизации существования. Это позволит молодежи противостоять потоку негативных интеракций и осуществить осознанный выбор траектории жизнеосуществления и анти-экстремистского поведения.

Глава 1

ДЕТЕРМИНАЦИИ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА КАК ДЕСТРУКТИВНОГО СПОСОБА САМОРЕАЛИЗАЦИИ

В настоящее время проблема экстремизма и терроризма занимает одно из наиболее важных мест в современном научном дискурсе. Предпосылками актуализации этой проблемы в России являются сложный и разнообразный по многим параметрам состав российского общества и существующие социально-экономические и политические противоречия. Хотя проблема экстремизма исследуется в разных областях гуманитарного знания, однако в силу сложности самого явления и его исторической изменчивости, а также многочисленности вариантов экстремизма по линии субъект–объект проблема экстремизма на сегодня еще не является решенной. Исследование экстремизма как отдельного предмета берет начало с конца 60-х – начала 70-х гг. XX в., когда в ряде развитых стран стали возникать леворадикальные террористические организации.

Анализ современной отечественной литературы по проблеме экстремизма показал, что до сих пор не исследована смысловая сфера молодого человека с экстремистской направленностью, мало изучены содержательные характеристики его идентичности. В зарубежных исследованиях, как и в российской науке, наиболее актуальной проблемой является исследование терроризма как крайней формы экстремизма в структуре религиозного (исламизма) и этнокультурного терроризма. В отличие от российской науки, где экстремизм как предмет изучения обнаруживается более в социальных и юридических штудиях, зарубежом он представлен и в психологическом ракурсе. В этом плане можно выделить рассмотрение экстремизма в рамках теории дегуманизации (Michael A., Danielle L., 2011), в аспекте религиозного мировоззрения с целью профилактики (Hala-

foff A., Wright-Neville D., 2009; Halafoff A., Lam K., 2015), на фоне влияния угрозы экстремизма на психическое здоровье (Massey Z., Chartier K.G., Stebbins M.B., Canetti D., Hobfoll S.E., Hall B.J., 2015), во взаимосвязи ситуаций неопределенности в современном обществе и экстремизации населения (Michael A. Hogg, Arie Kruglanski and Kees van den Bos, 2013) [15–19]. Основные отличия разработанности и представленности проблемы экстремизма в отечественной и зарубежной науке – это различный «удельный вес» публикаций, объем и качественный состав выборки исследования, разнообразие методов исследования и выделенных социально-психологических особенностей экстремизма и личности экстремиста, доступность результатов исследования проблемы экстремизма ученым в смежных областях науки.

Психологические особенности молодежного экстремизма, который в научной литературе исследуется как его отдельный вид, О.В. Корнилова (2012) рассматривает с позиции экстремальности сознания молодого человека. Наиболее распространенными формами экстремальности являются индивидуальные и групповые настроения, представляющие собой преобладающий чувственный и рациональный уровни сознания молодежи. Рост экстремальности, проявляющийся в повседневной жизни молодежи в рисковом (девиантном) поведении, выступает предпосылкой как делинквентного (правонарушающего), так и виктимного поведения, а также специфических увлечений, в том числе необычными видами деятельности, экстремальными видами спорта, различными радикальными идеями [6]. О.В. Корнилова (2011) считает, что специфические экстремистские и террористические мотивы совершения правонарушений возникают в сфере пересечения экстремальности, делинквентности и радикальных идей, например вражды и ненависти к некоторым социальным группам и общностям. Экстремистская направленность, выражающаяся в принятии личностью экстремистской идеологии и перестройке всей мотивационно-поведенческой сферы в соответствии с этой экстремистской идеологией, является основной характеристикой содержания экстремизма как психического склада личности. Важнейшую роль в структуре этой направленности играет экстремистская потребность изменения жизненной ситуации. Поскольку эмоциональные переживания являются неотъемлемой частью психики человека, экстремистская направленность личности должна быть рассмотрена в связи с порождаемыми ею и сопровож-

дающими ее эмоциональными переживаниями, которые и являются существенным элементом экстремизма как специфического психического склада личности. То есть механизм реализации экстремистской направленности связан с особыми эмоциональными состояниями и особыми поведенческими актами [7, 9].

Склонность к экстремистскому поведению молодежи рассматривают Е.С. Майкова и Т.И. Бонкало (2013), выделяя следующие социально-психологические факторы, детерминирующие его формирование: макрофакторы (особенности социально-культурного развития), микрофакторы (особенности непосредственного социального окружения), индивидуально-психологические факторы (низкий уровень рефлексии, эмпатии, установки на эгоцентризм) и социально-психологические (низкий уровень самооценки, толерантности, локуса контроля) [10]. Как отмечает И.В. Погодин (2012), «лица, совершающие преступления экстремистской направленности, в основном, молодые люди с несформировавшимися взглядами, сторонники вульгарной идеологии, борющиеся за «чистоту» расы, проповедующие религиозную нетерпимость, стремящиеся к установлению примитивного миропорядка, основанного исключительно на насилии. Характерной чертой идеологов экстремизма является их пренебрежение жизнью как врагов, так и соратников» [13].

Так как экстремизм означает поиск молодежью оптимальных форм социального взаимодействия, то по проблеме молодежного экстремизма, как подчеркивает К.А. Абульханова (2002), необходимы исследования идентичности (самоидентичности) представителей молодежи, Личность, используя категоризацию и идентификацию, выстраивает модели собственного жизненного пространства, осознает свою идентичность [2]. В.Ф. Богуславская (2010), рассматривая структуру коллективистской идентичности экстремистских организаций, отмечает, что в основе молодежного экстремизма лежит этноцентризм – совокупность групповых конфликтных представлений, эмоционально-чувственных состояний и идеология вражды между своей и другими группами, причем позитивные характеристики своей группы резко подчеркиваются и преувеличиваются, а свойства других групп оцениваются по стандартам своей группы и при этом могут принижаться [3]. В.А. Соснин (2010) описывает процесс формирования индивидуальной идентичности и самооценки человека, когда тот принимает и начинает следовать поведенческим нормам

экстремистов, где эти нормы коллективной идентичности экстремистской организации чаще всего являются простыми и понятными [14]. Предполагается, что структура коллективистской идентичности экстремистских организаций обеспечивает психологическую основу индивидуального поведения, где на личностном уровне происходит формирование групповой идентичности [3]. Большинство исследователей проблемы молодежного экстремизма сходятся во мнении, что причина экстремизации молодежи кроется как в ее социально-психологических, так и индивидуально-психологических особенностях – незавершенности процессов экономической, политической и духовной социализации, мировоззренческой неустойчивости, недостаточной социально-психологической зрелости, поверхностности восприятия, противоречивости социального бытия, склонности к максимализму и неумеренности в выборе средств и способов достижения жизненных целей [1, 4–5, 7, 10–12]. Но в целом современное понимание психологами экстремистского в личности представлено противоречивыми взглядами на природу экстремизма, а исследование феномена сводится к изучению спектра эмпирически фиксируемых характеристик, процессов и событий. Но экстремизм как феномен имеет сложное психологическое содержание, которое не может быть сведено к отдельной функции или характеристике. Это сложный, многоуровневый и многокомпонентный феномен, изучение которого наиболее перспективно в русле системно-антропологического подхода. Этот подход позволяет сформулировать представление об экстремизме и экстремистской направленности как о системе взаимосвязанных компонентов, свойств и отношений – среда, личность и ситуация.

С целью изучения взаимосвязи представлений об экстремизме и индивидуально-психологических характеристиках как молодежи, так и осужденных за экстремизм был проведен сравнительный анализ результатов эмпирического исследования.

Логика эмпирического исследования

В качестве групп изучения были выбраны:

– осужденные за экстремистскую деятельность (модельная группа исследования) с целью изучения особенностей взаимосвязи структурных компонентов экстремистской направленности личности, реализованной в криминальном поведении (факт участия их в

экстремистской деятельности установлен в результате следственных действий);

– студенческая молодежь, не имеющая опыта участия в экстремистской деятельности, с целью выявления потенциальных проявлений экстремистской направленности личности.

Вначале был проведен анализ эмпирических данных в выборке осужденных за экстремизм. Анализ содержания их ответов на вопросы авторской анкеты, разработанной на основе критериев экстремистской направленности, позволил выделить типы экстремистской направленности личности осужденных. Результаты психодиагностики с помощью многомерного статистического анализа позволили получить характеристики особенностей взаимосвязи структурных компонентов экстремистской направленности личности. Результаты психодиагностического исследования осужденных за экстремизм выступили в качестве типологической модели вариантов взаимосвязей структурных компонентов экстремистской направленности. Эта модель была применена для изучения потенциальных проявлений экстремистской направленности студенческой молодежи. Затем проводился сравнительный анализ типов реальных и потенциальных проявлений экстремистской направленности личности с целью выделения ее возможных прогностических элементов.

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 284 человека. Выборку составили две группы. В первую группу вошли осужденные за экстремистскую и террористическую деятельность, находящиеся в пенитенциарном учреждении Томской области, в количестве 52 человек мужского пола, средний возраст $37 \pm 8,65$ года. Во вторую группу вошли студенты вузов трех городов – Национального исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ), Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР), Уральского государственного медицинского университета (УГМУ) и Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), всего 232 человека, из них 89 лиц мужского пола и 143 – женского, средний возраст студентов $20,56 \pm 2,3$ года.

Методы исследования

1. Авторская анкета была разработана согласно выделенным критериям, позволяющим изучить содержание структурных компонентов экстремистской направленности (когнитивного, ценностно-мотивационного, эмоционально-оценочного).

2. Миннесотский многоаспектный личностный опросник («Мини-мульт») в адаптации В.П. Зайцева (2004), основанный на сопоставлении контрастных свойств, образующих профиль личности.

3. Методика «Культурно-ценностный дифференциал» (КЦД) Г.У. Солдатовой, И.М. Кузнецова и С.В. Рыжовой (1998), направленная на изучение групповых ценностей, являющихся маркерами национального самосознания и элементами самопонимания личности в контексте собственной этнической группы.

4. Методы математической статистики: анализ таблиц сопряженности, расчет описательных статистик, многомерный анализ соответствий, факторный, кластерный, дисперсионный анализ. Математическая обработка проводилась в программе Statistica 6.0 и 8.0.

Эмпирическое исследование проводилось в бланковом режиме. В выборке осужденных за экстремизм тестирование проходило в индивидуальной форме, в выборке студентов – в форме очного анонимного группового тестирования. У респондентов было получено согласие принять участие в тестировании, все участники были проинформированы о том, что они могут завершить тестирование в любой момент, их просили сообщать о любом дискомфорте во время тестирования. Участникам исследования пояснялась процедура тестирования, кратко объяснялась цель исследования, выдавался пакет психодиагностических методик. Инструкции к тестам предъявлялись в устной и письменной форме. Время выполнения тестовых методик не ограничивалось.

Результаты исследования

На первом этапе сравнительного анализа ответы на вопросы анкеты были сопряжены (с использованием критерия Пирсона хи-квадрат) по критериям экстремистской направленности в группе осужденных за экстремизм и в группе студентов, декларирующих потенциальную возможность членства в экстремистской организации. Анализу подверглись только те вопросы, которые совпадают в

обоих вариантах анкеты (для студентов и осужденных за экстремизм). Согласно полученным данным в обеих группах большинство респондентов имеют представление о феномене экстремизма, отличием является то, что в студенческой группе встречается вариант ответа «Затрудняюсь» (19,72 %), в группе осужденных за экстремизм данный вариант ответа был проигнорирован респондентами ($\chi^2=11,84$; $p=0,003$). То есть среди студентов, декларирующих потенциальную готовность вступить в экстремистскую организацию, не все имеют представления о самом феномене либо эти представления неопределенны и противоречивы. В ответах на вопрос о причинах экстремизма в обществе также обнаруживаются различия между осужденными за экстремизм и студентами. Осужденные за экстремизм чаще выбирают вариант «Целенаправленное разжигание агрессии» (73,08 %), в отличие от студентов, чье мнение разделилось между ответами «В целенаправленном разжигании агрессии» и «В многонациональности населения» по 28,17 %, «В деформации системы ценностей» (26,76 %) и «В недостаточном правовом просвещении граждан» (11,27 %) ($\chi^2=119,585$; $p=0,000$). Гомогенность ответов на вопросы когнитивного блока анкеты в выборке осужденных за экстремизм может свидетельствовать об их осознании феномена после получения срока заключения. Наличие ответов, отражающих непонимание или неполное понимание феномена, разобщенность ответов студентов в причинах экстремизма могут свидетельствовать о том, что события, вызывающие эмоциональные реакции (положительные или отрицательные), привлекают молодежь без должного осмысления самого феномена.

Сопоставление ответов осужденных за экстремизм и студентов, декларирующих потенциальную готовность стать членами экстремистской организации, в обеих выборках не выявило достоверных различий, однако можно проанализировать некоторые тенденции в ответах. Осужденные за экстремизм (44,23 %) чаще, чем студенты (27,14 %), выбирают ответ «Никогда не будут оправданы». Студенты (41,43 %) чаще, чем осужденные за экстремизм (26,92 %), вкладывают смыслы в действия экстремистов, связанные с пользой окружающим, приписывая им романтические мотивы экстремистской деятельности – «Донесение идеи до народа, государства». В ответах на вопрос о потенциальных личных мотивах стать членом экстремистской организации большинство осужденных за экстремизм (61,54 %) выбрали ответ «Никакие», остальные респонденты

(38,46 %) выбрали вариант «Согласен с позицией экстремистской группы». Так как в группу студентов вошли только респонденты, декларирующие потенциальную готовность стать членами экстремистской организации, то их ответы характеризуются лишь выбором мотива. Большинство студентов (50,70 %) выбрали вариант «Решение какой-либо проблемы в обществе» (данный вариант отсутствовал в анкете для осужденных). Выбор мотива «Согласен с позицией экстремистской группы» по количеству (33,80 %) примерно совпадает с ответами осужденных за экстремизм. В ответах обеих групп прослеживаются идеологические мотивы участия в экстремистской деятельности, в студенческой группе обнаружена большая склонность идеализировать деятельность экстремистов, приписывая ей романтические мотивы. Полученные данные пересекаются с результатами исследования Н.В. Муращенковой (2014) о наличии в сознании молодежи конструктивных представлений о функциях экстремизма в обществе [11].

Сравнительный анализ позволил установить различия в отношении к представителям других национальностей и вероисповедания (ксенофобские и националистические склонности). В ответах на вопрос о согласии с лозунгом «Россия для русских» осужденные за экстремизм (63,46 %) и студенты (58,57 %) в большинстве ответили, что «Россия – многонациональная страна». Студенты (30 %) больше склонны соглашаться с лозунгом, чем осужденные за экстремизм (13,46 %), для осужденных больше характерно уклонение от ответа на вопрос (23,08 %) ($\chi^2=25,77$; $p=0,000$). В ответах на вопрос об отношении к представителям другой национальности осужденные за экстремизм и студенты, дают примерно одинаковое количество отрицательных (48,08 и 45,07 % соответственно) и положительных (42,31 и 45,07 % соответственно) ответов. На вопрос о мирном существовании представителей различных религий (вероисповеданий) варианты ответов осужденных за экстремизм и студентов распределились примерно одинаково. Вариант «Некоторые религии несовместимы» выбрали 28,85 % осужденных за экстремизм и 27,14 % студентов, вариант «Религия не влияет на взаимоотношения людей» выбрали 57,69 % осужденных за экстремизм и 51,43 % студентов, вариант «Затрудняюсь ответить» – 13,46 % осужденных за экстремизм и 12,86 % студентов. На вопрос об отношении к процессу миграции студенты (45,07 %), в отличие от осужденных за экстремизм

(30,77 %), больше склонны давать ответ, характеризующий отрицательное отношение ($\chi^2=20,15$; $p=0,003$).

Ответ, характеризующий положительное отношение, выбирают примерно одинаковое количество осужденных за экстремизм (11,54 %) и студентов (15,49 %). При этом только осужденные за экстремизм (21,15 %) выбрали вариант «Это благоприятно влияет на демографию и экономику нашей страны» ($\chi^2=20,15$; $p=0,003$). Для студентов (23,94 %) более свойственно безразличное отношение к процессу миграции, чем для осужденных за экстремизм (15,38 %) ($\chi^2=20,15$; $p=0,003$). Осужденные за экстремизм (19,23 %) больше склонны выбирать вариант ответа «Затрудняюсь ответить» в отличие от студентов (11,27 %). Сравнительный анализ ответов на вопросы эмоционально-оценочного блока анкеты в выборке осужденных за экстремизм и студентов свидетельствует о том, что для обеих групп характерно противоречивое отношение к представителям других национальностей и вероисповедания. При этом студенты склонны выбирать более категоричные и агрессивные ответы, а осужденные за экстремизм проявляют осторожность в суждениях, предпочитают уклоняться от ответов или давать неопределенные.

На следующем этапе исследования проводился сравнительный анализ средних показателей личностных особенностей в группе осужденных за экстремизм (группа 1) и в группе студентов, допускающих для себя возможность стать членом экстремистской организации (группа 2). Сравнение средних значений переменных с использованием критерия Манна–Уитни позволило выявить значимые различия в личностных особенностях и в групповых ценностных ориентациях респондентов в двух группах, результаты представлены в табл. 1. Кроме того, были обнаружены достоверные различия по всем шкалам опросника «Диагностика мотивационной структуры личности», в группе осужденных за экстремизм все показатели шкал были ниже, чем в группе студентов. Полученные различия по данному тесту были исключены из интерпретации в связи с предположением о том, что подобная очевидная разница обусловлена средовыми (ситуационными) особенностями пребывания осужденных в местах лишения свободы. В табл. 1 представлены только достоверные различия, по остальным показателям шкал (кроме шкал мотивации) значимых различий не обнаружено, что свидетельствует о близости исследуемых групп по переменным (шкалам) методик.

Таблица 1

**Сравнительный анализ личностных особенностей осужденных
за экстремизм и студентов по тесту «Мини-мульти»**

Шкала	Среднее группы 1	Среднее группы 2	Критерий Манна– Уитни	p
L (ложь)	61,25	46,42	565,5	0,00
F (достоверность)	47,75	52,77	1218	0,01
K (коррекция)	58,12	44,84	377	0,00
Pd (импульсивность)	53,69	43,72	1016,5	0,00
Ma (оптимизм и активность)	41,42	52,16	750	0,00

Согласно данным, отраженным в табл. 1, в выборке осужденных за экстремизм выше показатели по шкалам L (ложь), K (коррекция) и Pd (импульсивность). В студенческой выборке выше значения шкал F (достоверность) и Ma (оптимизм и активность). Отличительными особенностями осужденных за экстремизм (в сравнении со студентами) являются стремление выглядеть в благоприятном свете, социабельность, обусловленная различными причинами (особенности ситуации, ограниченность кругозора респондентов). Для них характерны неудовлетворенность жизнью, принадлежность к определенной группе, ощущение собственной неприспособленности, непонимания со стороны окружающих, снижение активности и уверенности в себе, неумение извлекать опыт из конфликтных ситуаций. Студентам (в отличие от осужденных за экстремизм) более свойственны потребность в самовыражении, которая в основном реализуется через неконформность в поведении и взглядах, а также высокий уровень оптимизма, жизнелюбия, активности, непринужденность в общении, стремление к переменам, тревожность, несдержанность, эгоцентризм, эмоциональная незрелость.

Таблица 2

Сравнительный анализ групповых ценностных ориентаций

Шкала	Среднее группы 1	Среднее группы 2	Критерий Манна– Уитни	p
Ориентация на группу	8,92	8,06	1185	0,00
Направленность на взаимодействие	9,14	7,7	960	0,00
Сильный социальный контроль	8,84	6,12	590	0,00
Слабый социальный контроль	6,37	8,33	810	0,00

Различия в средних значениях групповых ценностных ориентациях в группе осужденных за экстремизм и студентов представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, для осужденных за экстремизм характерно повышение показателей по шкалам «Ориентация на группу», «Направленность на взаимодействие» и «Сильный социальный контроль». Это свидетельствует о том, что для осужденных больше значимы (чем для студентов) групповые ценности, конформизм, стремление к дружелюбным отношениям, потребность в авторитете, внешней организации и стабильности. Для студентов характерно повышение по шкале «Слабый социальный контроль», что свидетельствует о ценности свободы выбора, отсутствии авторитетов и ориентации на общественные нормы (либо их упразднении в своем сознании). Выявленные личностные особенности в выборке осужденных за экстремизм, характеризующие затруднения в межличностном общении и нарушения психологических адаптационных механизмов в сочетании с присущими им групповыми ценностными ориентациями, свидетельствуют о наличии неудовлетворенных потребностей в различных сферах жизнедеятельности (социальной, коммуникативной, эмоциональной). Конфликтное сочетание полярных личностных особенностей и групповых ценностей может служить источником трудностей самореализации в традиционных социальных институтах и стать основанием выбора деструктивного способа самореализации (в данном случае экстремистской деятельности). Сочетание личностных особенностей и групповых ценностей студентов, допускающих возможность стать членами экстремистской организации, свидетельствует о личностной незрелости, неконформизме в поведении и в отношении к миру, что в принципе соответствует психологическими особенностями их возрастной группы. Но подобное сочетание может быть и предиктором экстремистской направленности (при отсутствии нравственных ценностей и наличии позитивных установок в отношении экстремизма), если экстремистская деятельность станет средством реализации индивидуальности молодых людей.

Таким образом, сравнительный анализ типов экстремистской направленности – потенциальной и реализованной в криминальном поведении – свидетельствует о том, что сочетание таких характеристик, как позитивные установки и смыслы в отношении экстремизма, отвержение общественных ценностей (либо неспособность при-

общиться к ним и поиск новых), неорганизованная сверхактивная мотивационная направленность, ориентированная на удовлетворение потребности самоосуществления при дефиците ресурсов самореализации, может явиться предиктором формирования экстремистской направленности личности.

Анализ компонентов экстремистской направленности личности позволил изучить ее ценностно-смысловое пространство в аспекте отношения к экстремизму, которое детерминирует жизнедеятельность человека и его самореализацию [8].

Литература

1. Абакумова И.В., Бабиянц К.А. Развитие рефлексивности как профилактика экстремизма у студентов вуза // Казанский педагогический журнал. 2015. Т. 3, № 6–3 (113). С. 111–114.
2. Абульханова К.А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3: Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2002. С. 88–103.
3. Богуславская В.Ф. Влияние толерантности на профилактику экстремизма в молодежной среде [Электронный ресурс] // Наука и образование против террора. 2010. URL: <http://scienceport.sfedu.ru/library/liball/418-vliyanie-tolerantnosti-na-profilaktiku-ekstremizma-v-molodejnoj-srede/> (дата обращения: 14.08.2019).
4. Бузыкина Ю.С. Социально-психологические характеристики и отношение к проявлениям экстремизма у студентов вуза и учащихся школы // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 24. С. 904–910.
5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37–47.
6. Корнилова О.А. Маргинальная личность как предпосылка формирования студенческого экстремизма: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2012. 43 с.
7. Корнилова О.А. Сравнительное исследование особенностей экстремистских настроений и поведенческих практик в молодежной среде // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13 (44), № 6. С. 1397–1401.
8. Красноядцева О.М. Чувствительность к проблемам: от исследовательских процедур к диагностике потенциала самореализации личности // Методология и история психологии. 2009. Т. 4, вып. 4. С. 73–81.
9. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Краснодар, 2012. 49 с.
10. Майкова Е.С., Бонкало Т.И. Психологические особенности подростков, склонных к экстремистскому поведению // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. Т. 1, № 2 (113). С. 122–125.
11. Мурашенок Н.В., Гриценко В.В. Экстремизм как социально-психологическое явление // Национальная безопасность. 2014. № 2. С. 338–350.
12. Онищенко О.Р. Психология молодежного экстремизма // Современный экстремизм: характеристика и противодействие: матер. науч.-практ. конф. Омск, 11 дек. 2008 г.; 17 дек. 2009 г. Омск, 2009. С. 98–104.
13. Погодин И.В. Доказывание по делам о преступлениях экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 22 с.

14. *Соснин В.А.* Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Ин-т психологии. РАН, 2008. 240 с.
15. *Halafoff A., Lam K.* Lagging behind other nations: The religions in school debate in Australia // *Issues in Religion and Education*. 2015. P. 321–345.
16. *Halafoff A., Wright-Neville D.* A missing peace? The role of religious actors in counter-ing terrorism // *Studies // Conflict & Terrorism*. 2009. Vol. 32. P. 921–932.
17. *Michael A. Hogg* P.hD. Self Uncertainty, Social Identity, and the Solace of Extremism // *Extremism and the Psychology of Uncertainty*. 2011. P. 19–35.
18. *Michael A. Hogg, Arie Kruglanski and Kees van den Bos.* Uncertainty and the Roots of Extremism // *Social Issue*. 2013. Vol. 69, Is. 3. P. 407–418.
19. *Massey Z., Chartier KG., Stebbins M.B., Canetti D., Hobfoll S., Hall B.J., Shuval K.* Explaining the frequency of alcohol consumption in a conflict zone: Jews and Palestinians in Israel. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/25777746> (дата обращения: 16.08.2019).

Глава 2

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ МОЛОДЕЖИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

В философии, социологии и психологии одной из основных является проблема развития и функционирования сознания. Согласно современным направлениям философской науки, а именно феноменологии и экзистенциализму, общественное сознание под воздействием экономических и политических кризисов, социальной нестабильности приобретает такие аномические характеристики, как нигилизм, скептицизм и цинизм. Нигилизм (от лат. nihil – ничто) в общем смысле представляет собой отрицание, негативное отношение к тем или иным процессам и явлениям социальной жизни, в том числе праву. Исследование нигилизма позволило установить различные формы его проявления: философский, духовный, культурный, политический, правовой и др. Каждая из наук изучает данный феномен в контексте содержания своего предмета.

Вместе с тем в процессе ответа на вопрос о сущности того или иного проявления нигилизма исследователи обращаются либо к общеметодологическим подходам, вырабатываемым философией, либо к достижениям других наук, раскрывающим те или иные свойства личности (социальные, психологические). В результате решение проблемы приобретает междисциплинарный характер. Изучение феномена «правовой нигилизм» не является исключением.

В самом общем виде под правовым нигилизмом понимаются неверие в ценность права и правовое государство, глобальная утрата доверия и отчужденность законопослушного населения от государственных органов, обеспечивающих законность и порядок в обществе.

Занимая особое место в отечественном дискурсе права, данный феномен до настоящего времени так и не получил единообразного понимания ни в вопросе о его сущности, ни истоков его происхождения. Во многом это связано с тем, что в ходе исторического развития, а также процессов глобализации происходит обогащение и конкретизация всего комплекса правовых целей, ценности права, смысла правового должностования, а также требований, которым должны соответствовать законы и поведение субъектов права.

Сущность и истоки правового нигилизма, отличие отечественного феномена правового нигилизма от западного до настоящего времени являются предметом диссертационных исследований. Некоторые авторы склонны трактовать феномен отечественного правового нигилизма «как результат неудачной адаптации западных правовых ценностей к реальности русского традиционного общественного устройства». Тем самым правовые нормы, имеющие иностранный исток, не ощущались как свои собственные, вызывая отторжение и нигилизм. С другой стороны, в правовом нигилизме также усматривают пограничную формулу отечественного правосознания, в такой специфической форме выражающей скепсис отечественной правовой ментальности по поводу нравственного потенциала позитивного права [3].

Кроме того, полярными – от отрицательной до положительной – являются оценки последствий существования этого явления как на общесоциальном, так и на индивидуальном (личностном) уровнях. Так, в качестве положительных могут быть оценены проявления правового нигилизма, направленные на совершенствование нормативных предписаний, при очевидном отрицании и неэффективности действующего законодательства.

Известную сложность при уяснении сущности и противоречивости отечественного правового нигилизма вызывает смена в России в относительно короткий промежуток времени общественно-политических формаций. Эти изменения каждый раз влекли за собой построение практически новой правовой системы (дореволюционное право, советское право, постсоветское и современное российское право). При этом право в каждый новый исторический период должно было обеспечивать достижение фактически противоположных предшествующему этапу развития государственных и общественных задач.

Несмотря на различия в истоках возникновения, национальные и культурные особенности этого явления, правовой нигилизм как «не-

верие» в право способен не только затруднить реализацию фундаментальных принципов права, таких как законность, равенство и справедливость, но и привести к различным негативным изменениям в обществе. Известный юрист С.С. Алексеев так говорил о правовом нигилизме в России: «О правовом нигилизме много говорят на самом высоком уровне, а я бы сказал жестче: мы сталкиваемся с тотальной недооценкой права. Именно с этим связаны все трудности, переживаемые нашим обществом. Стремление произвольно перекраивать существующую юридическую систему, манипулирование правовой материей приводят к крупным политическим и социально-экономическим просчетам, а то и к катастрофическим последствиям». Эти негативные последствия не ограничиваются вызовами и угрозами безопасности только для какого-либо одного государства.

Так, по мнению некоторых авторов, одной из радикальных форм проявления правового нигилизма являются экстремизм и терроризм [17]. Эти явления имеют общую природу и источники, и, следовательно, должны рассматриваться как общее и частное. В диссертационном исследовании «Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России: теоретико-правовой аспект» И.Н. Сенин обоснованно приходит к выводу о том, что «...деятельность по противодействию правовому нигилизму одновременно является направленной и против экстремизма. Борьба с экстремизмом же, так или иначе, становится частью комплекса мер по противодействию правовому нигилизму в целом» [11].

Правовой нигилизм тесно «связан» не только с экстремистской и террористической деятельностью, но и с совершением общеуголовных преступлений (посягательства на жизнь и здоровье, собственность) и иных правонарушений.

Согласно данным официальной статистики в последние годы удельный вес лиц в возрасте 14–29 лет в общем количестве лиц, совершивших преступления, составляет 35–40 % (диаграмма 1).

Этому есть объяснение: являясь разновидностью человеческого поведения, но только со знаком «минус», противоправное поведение в этом возрасте соответствует периоду максимальной социальной активности.

Учитывая изложенное выше, изучение феномена правового нигилизма в российском правосознании и правового нигилизма молодежи в частности, не утрачивает своей актуальности и в настоящее время. Напротив, исследования должны продолжаться не только в контексте традиционного рассмотрения правового ниги-

лизма во взаимосвязи с правовой культурой, правосознанием и правовым воспитанием, но и сочетать в себе позиции и новые подходы в области смежных с правовыми науками знаний. Это позволит не только глубже познать механизм (истoki) возникновения данного феномена, но и определить основные направления и меры по его профилактике.

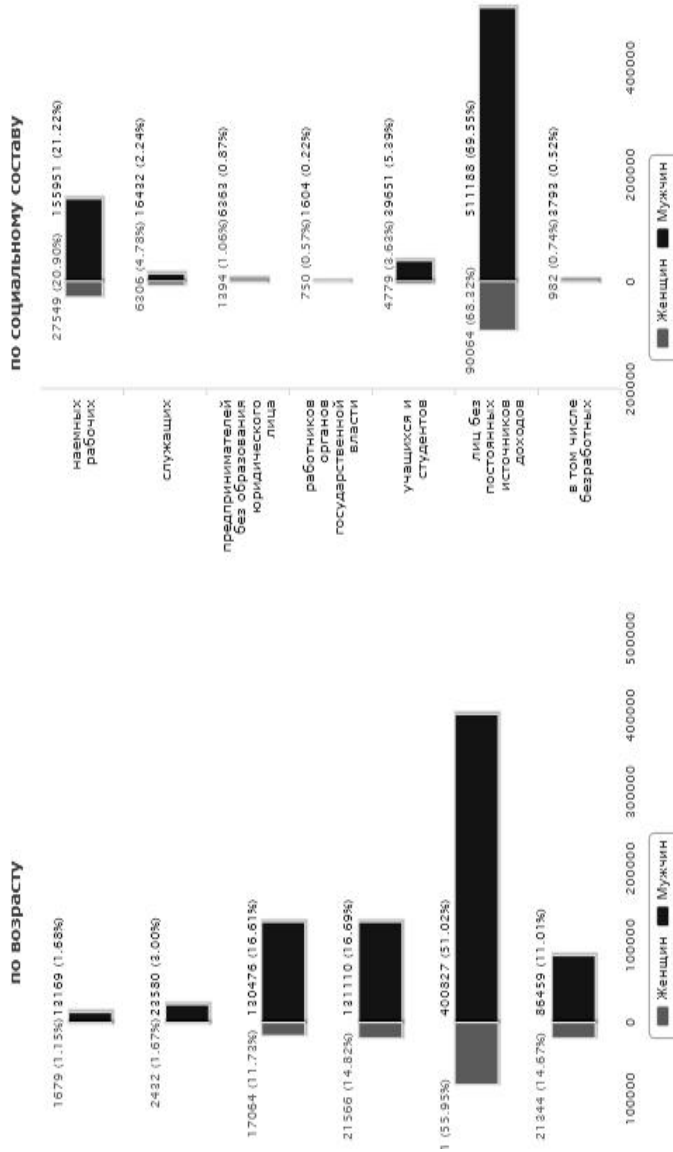
В частности, в настоящее время нет никаких сомнений в том, что имплицитные процессы действительно существуют, а их роль в механизме поведенческих актов должна изучаться наряду с мотивационной сферой человека [16].

Кроме того, учитывая непосредственную связь между правовым воспитанием и правовым нигилизмом, при анализе рассматриваемой проблемы необходимо учитывать происходящие методологические изменения в современной педагогике и теории воспитания. Одним из таких подходов является рассмотрение воспитания не как процесса, безусловно направленного на благо общества и человека, а как процесса, позитивная или негативная направленность которого определяется конкретным социальным и культурным окружением ребенка [6. С. 20].

Поэтому не вызывает сомнений тезис о том, что «комплексный, системный подход к выработке стратегии воспитания молодого поколения на сегодняшний день является одной из важнейших задач государственной политики». В числе прочих в эту задачу входит «выявление морально валидных источников воспитания правовой культуры современного российского гражданского общества» в то время как в вопросе правового воспитания обычно анализируются лишь дидактические пути по работе с молодежью, которые должны привести к правовой грамотности и ценностному отношению к правовой культуре [1, 9].

Комплексный, междисциплинарный подход при изучении феномена правового нигилизма как минимум должен основываться на единстве терминологического аппарата. Не секрет, что значение понятий для исследования всех, в том числе и социальных процессов, трудно переоценить [12]. Процесс познания правовых явлений не является исключением. Учитывая изложенное, представляется необходимым определиться с основными понятиями и категориями, которые будут использоваться в дальнейших рассуждениях. К их числу относятся: понятие «молодежь» (границы молодежного возраста), криминогенная роль правового нигилизма, «нормативная» оценка правового нигилизма и правовые основы его преодоления.

Диаграмма 1. Количество и удельный вес лиц, совершивших преступления по возрасту и социальному составу (Россия, 2018) [2]

Достижение терминологического консенсуса позволит уяснить не только значение (роль) правового нигилизма, оценить состояние правового регулирования в рассматриваемой сфере (нормативный аспект проблемы), но и охарактеризовать данный феномен применительно к предмету науки криминология (криминологический аспект проблемы).

Понятие «молодежь» (нормативный аспект)

Изучение феномена правового нигилизма среди молодежи не является новым для юридической науки. Постановка и решение фундаментальной проблемы формирования правовой культуры у молодежи и всего российского гражданского общества составляют содержание научно-теоретических и диссертационных исследований [1]. Полагаем, что в исследованиях правомерно ставятся вопросы: «Правовой нигилизм – это социальная патология, результат деформации или несформированности правовой культуры»?

Понятие «молодежь» и границы молодежного возраста до настоящего времени относятся к числу дискуссионных. Однако при всем многообразии подходов объединяющим их является использование при определении понятия «молодежь» следующих критериев (факторов): возрастные границы и социально-психологические особенности; специфика социального статуса, ролевых функций, социокультурного поведения; процесс социализации как единство социальной адаптации молодежи и индивидуализации [18].

Молодежь – это одновременно экономически и социально активная часть населения и одна из наиболее чувствительных социальных частей общества, которая в большей степени подвержена влиянию негативных явлений. Одним из таких явлений является правовой нигилизм как выражение общественного сознания, которое оказывает негативное (асоциальное) влияние на правосознание отдельных социальных групп и конкретного индивида.

Значение термина «молодежь» существенно различается в различных странах мира и в большинстве случаев является статистическим. Нижняя возрастная граница молодежи устанавливается между 14 и 16, верхняя – между 25 и 30 годами и более.

По определению Организации Объединенных Наций к молодежи относятся люди в возрасте 15–24 лет. Указанный возрастной период определен во Всемирной программе действий, касающейся мо-

лодежи, закрепившей основы политики и принципы деятельности отдельных государств и поддержки этой деятельности мировым сообществом в целях улучшения жизни молодого поколения [10]. Следует согласиться с содержащимся в указанной программе утверждением о том, что «молодые люди являются проводниками, бенефициарами и жертвами крупных изменений в обществе, сталкиваясь в целом с парадоксальной ситуацией: с одной стороны, они стремятся вписаться в существующий порядок, а с другой, выполняют роль силы, преобразующей этот порядок».

В декабре 2009 г. Генеральная Ассамблея ООН, подчеркивая значение, которое международное сообщество придает проблемам молодого поколения на глобальном, региональном и национальном уровне, приняла резолюцию 64/134, провозгласившую проведение Года молодежи с 12 августа 2010 г. по 12 августа 2011 г.

Анализ международных актов также показал, что ЮНИСЕФ уделяет особое внимание данным, характеризующим аспекты жизни группы молодежи в возрасте от 15 до 19 лет, так как обеспечение их прав является основной задачей Организации в рамках реализации Конвенции о правах ребенка.

В действующем российском законодательстве отсутствует четкое определение понятия «молодежь», что следует признать недостатком.

В Основном законе – Конституции России 1993 г., в отличие от Конституций СССР 1936 и 1977 гг., термин «молодежь» не упоминается. В период становления и развития советского государства молодежь позиционировалась как «главный резерв коммунистической партии», а временными границами комсомольского и соответственно молодежного возраста являлся период от 14 до 28 лет.

Еще до принятия Конституции РФ 1993 г. в Постановлении Верховного Совета Российской Федерации от 03.06.1993 № 5090-1 «Об Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» было закреплено, что «государственная молодежная политика проводится в отношении: граждан Российской Федерации, включая лиц с двойным гражданством, в возрасте от 14 до 30 лет; и иностранных граждан, лиц без гражданства в возрасте от 14 до 30 лет – в той мере, в какой их пребывание на территории Российской Федерации влечет за собой соответствующие обязанности федеральных государственных органов».

Позднее Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» к молодежным объединениям граждан отнес объединившихся на основе общности интересов юношей и девушек до 30 лет.

Принятые в 2014 г. «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утв. Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р) содержат уже более развернутое определение понятия «молодежь», понимая под ней «социально-демографическую группу, выделяемую на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующуюся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, – до 35 и более лет, имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом (граждане Российской Федерации и соотечественники)».

Большинство субъектов Российской Федерации приняли нормативные акты, регулирующие участие молодежи в жизни общества и определяющие возраст молодежи на региональном уровне. Однако подходы к законодательному определению возраста молодых граждан отличаются в зависимости от субъекта. Наиболее общий подход определяет молодых граждан как группу в возрасте от 14 до 30 лет.

Не секрет, что город Томск – это молодежный город, в «Сибирских Афинах» каждый восьмой житель – студент. В соответствии со ст. 2 Закона Томской области от 05.12.2008 № 245-ОЗ «О государственной молодежной политике в Томской области» (принят постановлением Государственной думы Томской области от 26.11.2008 № 1824) «молодежь (молодые люди) – граждане Российской Федерации, иностранные граждане либо лица без гражданства в возрасте от 14 до 30 лет».

По данным официальной статистики, численность молодежи – населения в возрасте 15–29 лет в Российской Федерации (на конец года, тыс. чел.) в 1995, 2000, 2005 и 2009 гг. составила: 30 962, 33 879, 35 279 и 33 009. По отношению к общей численности населения это составляет 20,9; 23,2; 24,7 и 23,3 % соответственно [8].

В количественном плане молодежный возраст охватывает достаточно долгий период жизни человека. На него приходится отрочество (старший подростковый период), ранний и старший юношеский периоды, каждый из которых имеет существенные качественные особенности (социальные и психологические). Знание этих особенностей необходимо при рассмотрении правового нигилизма молодежи в контексте формирования правовой культуры и влияния на него внешних, средовых факторов, а также для анализа причин несформированности, низкого уровня и (или) деформации правовой культуры во взаимосвязи с социально-психологическими особенностями разных возрастных групп.

Представляется, что феномен правового нигилизма необходимо рассматривать с учетом особенностей трех самостоятельных возрастных подгрупп: 14–18 лет, 19–24 и 25–30 лет. Эти возрастные периоды имеют как формально-юридические критерии (дееспособность, совершеннолетие), социально-ролевые (субъект образовательной деятельности, субъект профессиональной деятельности), так и нравственно-психологические особенности. В течение этих возрастных периодов происходит формирование (социализация) личности в различных малых социальных группах (семья, образовательные учреждения, трудовые коллективы, неформальные группы) и существенная дифференциация. Поэтому правовой нигилизм может являться либо следствием ненадлежащего правового воспитания и несформированности (на ранних этапах социализации) правовой культуры либо проявлением неустойчивого характера и деформации правосознания на более поздних этапах социализации личности.

Очевидно то, что в психологическом плане личность молодого человека, которая находится в состоянии перехода от детства к зрелости и характеризуется формированием духовной структуры, должна рассматриваться как объект воздействия и одновременно субъект взаимодействия со всеми основными институтами социализации личности.

Значение (роль) и факторы правового нигилизма (нормативный аспект)

Категория «правовой нигилизм», несмотря на широкое использование в повседневной жизни, художественной и юридической литературе, в политической риторике, лишь сравнительно недавно

появилась в нормативных правовых актах России, что в целом следует признать положительным моментом, свидетельствующим об официальном признании существования этого явления (феномена) и его роли в современном российском обществе.

В соответствии со ст. 1 Конституции России 1993 г. «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Неотъемлемым атрибутом (признаком) правового государства является высокий уровень правовой культуры. Поэтому развитие правовой грамотности – одно из важнейших направлений государственной политики.

Одним из первых нормативных правовых актов, в котором встречается термин «правовой нигилизм», является Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 17.12.1997 № 1300). В Концепции отмечалось, что «...правовой нигилизм, отток из органов обеспечения правопорядка квалифицированных кадров увеличивают степень воздействия этой угрозы на личность, общество и государство».

В Федеральной целевой программе по усилению борьбы с преступностью на 1999–2000 гг. (Постановление Правительства РФ от 10.03.1999 № 270) «углубляющийся правовой нигилизм населения и внедрение в массовое сознание стереотипов противоправного поведения» рассматривались как факторы, дающие основание для прогнозирования углубления негативных тенденций развития криминальной ситуации в стране.

В последующих указах Президента России термин «правовой нигилизм» уже не упоминается. В основных документах стратегического планирования (в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., в Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 гг.) одним из основных направлений государственной политики признано «расширение системы правового просвещения населения».

Наиболее развернутое представление о роли правового нигилизма, его причинах и последствиях, а также путях преодоления дано в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (далее – Основы), утвержденных Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168.

По мнению разработчиков Основ, именно правовой нигилизм препятствует развитию России как современного цивилизованного государства. Поэтому преодоление правового нигилизма в обществе заявлено в качестве одной из целей государственной политики в данной сфере наряду с формированием высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения. Особое внимание в Основах уделяется формированию правосознания и правовой грамотности подрастающего поколения как наиболее уязвимой части населения.

Условиями, способствующими распространению правового нигилизма, в Основах признаются: несовершенство законодательства Российской Федерации и практики его применения, избирательность в применении норм права, недостаточность институциональных механизмов, гарантирующих безусловное исполнение требований закона, неотвратимость, соразмерность и справедливость санкций за их нарушение.

«Правовой нигилизм девальвирует подлинные духовно-нравственные ценности, служит почвой для многих негативных социальных явлений (пьянство, наркомания, порнография, проституция, семейное насилие, бытовая преступность, пренебрежение правами и охраняемыми законом интересами окружающих, посягательство на чужую собственность, самоуправство, самосуд)».

Анализ основных положений Основ, несмотря на их «программный» в большинстве случаев характер, позволяет сделать следующие выводы:

– правовой нигилизм рассматривается исключительно с негативной стороны (в качестве причины, почвы... для многих негативных социальных явлений) и как то, на что должны быть направлены усилия в рамках государственной политики и государственных программ;

– в качестве источников правового нигилизма рассматривается:

- а) низкий уровень правовой культуры и
- б) отсутствие традиции уважения к закону и суду;

– государство не снимает с себя ответственность за существование правового нигилизма;

– основное направление преодоления правового нигилизма видится в повышении правосознания и правовой грамотности (посредством правового просвещения и правового воспитания);

– факторы, влияющие на состояние правовой грамотности и правосознания граждан, рассматриваются как на социально-психологическом уровне (на уровне таких социальных групп, как семья, образовательные учреждения, творческие объединения), так и на общесоциальном (как деятельность всей системы органов государственной власти и общества в целом, формирующей уважительное отношение к закону, суду и государству, правам человека и гражданина).

Приведенные выше общие положения детально рассмотрены в документах Правительства РФ и иных федеральных органов исполнительной власти. Так, Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 утверждена государственная программа Российской Федерации «Юстиция», в которой в качестве цели на период до 2026 г. заявлено развитие в обществе правовой модели поведения граждан, преодоление правового нигилизма, поддержание устойчивого уважения к закону.

В соответствии с Постановлением ЦИК России от 12.03.2014 № 221/1429-6 «О Молодежной электоральной концепции» «в рамках реализации Молодежной электоральной концепции предполагается решение таких задач, как: правовое просвещение молодежи, устранение правового нигилизма в молодежной среде».

Таким образом, можно сделать вывод, что в период с 1997 по 2010 г. и далее на нормативном уровне произошло смещение акцента с констатации роли и понимания правового нигилизма как проблемы на факторы, его обуславливающие, а также меры по его преодолению, что в целом следует признать положительным.

Правовой нигилизм молодежи: криминологический аспект проблемы

Криминология – это наука о преступности, личности преступника, о причинах преступности и мерах по ее предупреждению. Следовательно, в самом общем виде криминологический аспект предполагает рассмотрение той или иной проблемы сквозь призму предмета науки криминологии и определение места, роли и

значения рассматриваемого явления в решении стоящих перед криминологией задач.

Исходя из целей настоящего исследования, далее будут рассмотрены: криминогенная и виктимологическая роль правового нигилизма, некоторые показатели преступлений экстремистской направленности и лиц, их совершивших, в Российской Федерации в контексте такого социально-демографического признака, как возраст (в пределах молодежного возраста), а также проанализированы нормативные правовые акты в сфере предупреждения правонарушений и преступлений в контексте рассматриваемой проблемы.

В криминологической литературе не вызывает сомнения тезис об активной криминогенной роли правового нигилизма [3. С. 71]. Преступление – это зло, поэтому именно нигилизм, по справедливому замечанию великого русского писателя, «приводит к сознательному служению злу» (Ф.М. Достоевский. «Бесы»).

Изучение личности совершившего преступление (личности преступника) является одним из важнейших и самостоятельных элементов криминологии. Заимствуя достижения других наук, таких как философия, психология, социология и др., криминология познает личность преступника через анализ тех общественных отношений, субъектом которых она является и которые формируют и определяют отдельные элементы структуры личности, а также связи между этими элементами.

Из множества отношений в криминологической литературе чаще всего выделяют те, которые возникают в демографических, экономических, социокультурных процессах, а также отношения личности к социальным институтам, общностям, различным социальным нормам [10. С. 96].

Наиболее устоявшейся позицией, которая используется при криминологической характеристике личности преступника (лица, совершившего преступление), является выделение трех самостоятельных блоков: а) социально-типологическая характеристика личности; б) социально-ролевая характеристика личности и в) нравственно-психологическая характеристика личности [5. С. 87].

Изучение социально-типологической характеристики личности совершившего преступление дает наглядное представление об уровне криминальной активности различных групп населения, которые

могут быть выделены по таким социально-демографическим признакам, как пол, возраст, образование, семейное положение, род занятий и место жительства.

Исходя из предметной области настоящего исследования, дадим криминологическую характеристику преступлений и лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, по некоторым из указанных выше признаков.

Количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в Российской Федерации в 2018 г. составило 1 265, что на 16,8 % меньше, чем годом ранее. Снижение количества выявленных преступлений этого вида происходит на фоне уменьшения абсолютных показателей преступности в целом по России.

Наиболее полное представление о количестве и динамике преступлений экстремистской направленности, а также количестве и динамике лиц, совершивших этот вид преступлений в Российской Федерации за период с 2010 по 2018 г., можно получить, ознакомившись с диаграммами 2 и 3.

Приведенные в диаграммах данные позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на относительное снижение рассматриваемых показателей, количество преступлений экстремистской направленности, а также лиц, их совершивших, остается достаточно высоким и почти в два раза превышает аналогичные показатели 2012 г.

По данным Министерства внутренних дел России, доля лиц, совершивших преступления в возрасте от 14 до 29 лет, составляет в последние десятилетия примерно 40–45 %, из которых около 3–5 % приходится на лиц в возрасте от 14 до 18 лет [7].

При этом из возрастной группы лиц, совершивших преступления в возрасте 18–29 лет, наибольший удельный вес лиц, совершивших преступления в 2000, 2005, 2009 гг., приходился на молодых людей в возрасте 18–24 лет: 61,7; 62,0 и 57,7 % соответственно.

Согласно информации Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, из 418 осужденных в 2018 г. в Российской Федерации за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 Уголовного кодекса России (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства без отягчающих обстоятельств), более 2/3 составляют лица в возрасте от 14 до 29 лет [15].

Диаграмма 2. Количество и динамика преступлений экстремистской направленности (Российская Федерация, 2010–2018 гг.) [2]

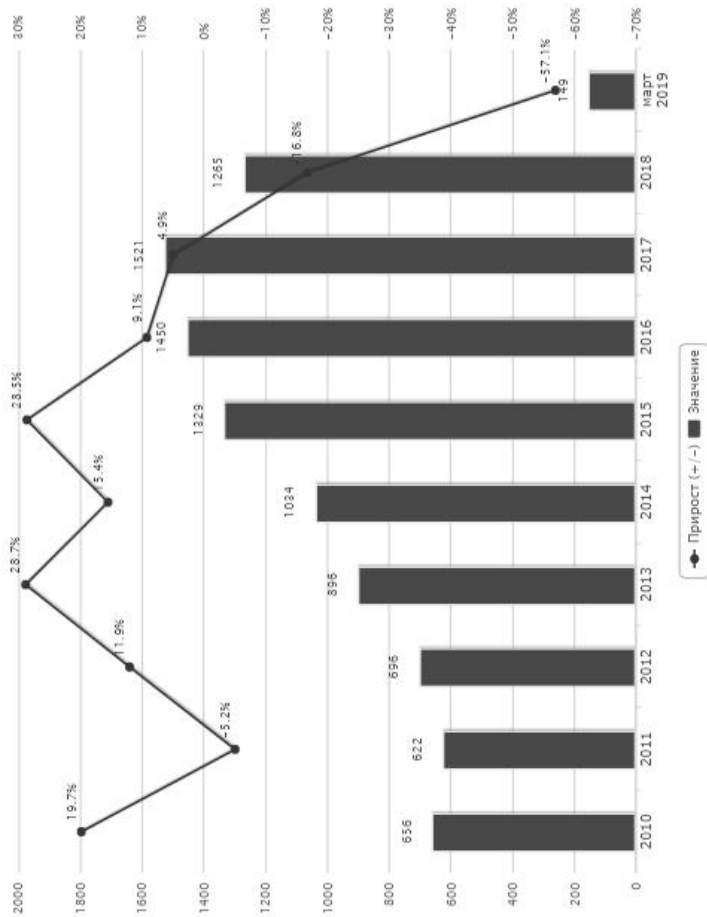
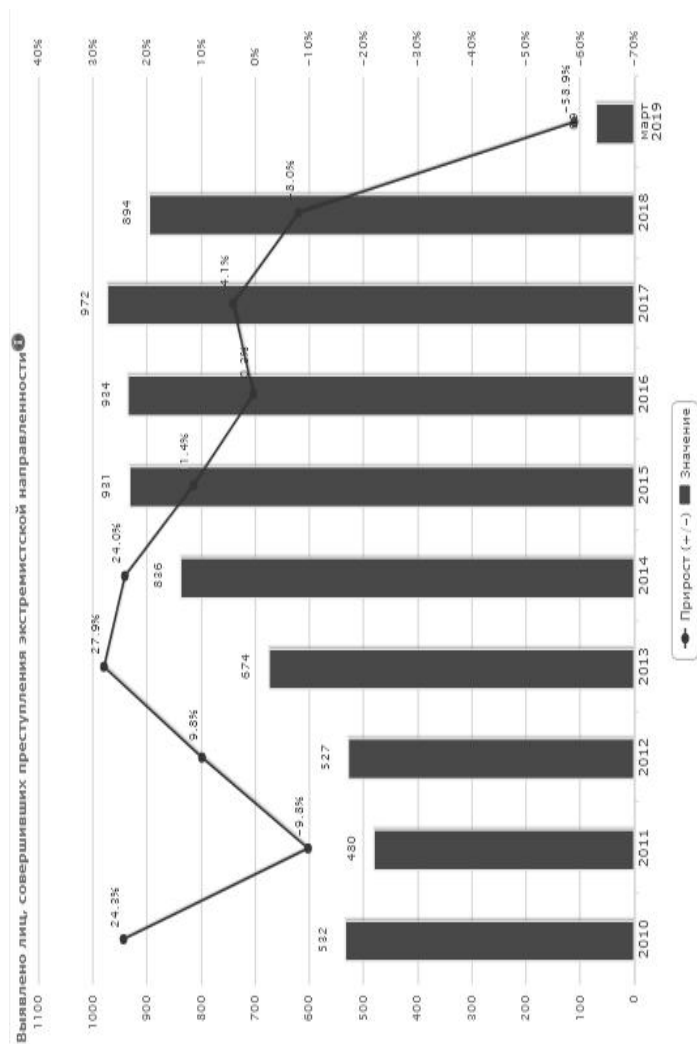

Диаграмма 3. Количество и динамика лиц, совершивших преступления экстремистской направленности (Российская Федерация, 2010–2018 гг.) [2]

При этом доля лиц в возрастных группах 14–17, 18–24 и 25–29 лет от общего числа осужденных лиц составила 13, 34 и 19 % соответственно. Таким образом, исходя из официальных статистических данных, наибольшая криминальная активность лиц, совершивших преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ, приходится именно на молодежный возраст и возрастной период от 18 до 24 лет в частности (51,6 %).

Приведенные официальные статистические данные в целом совпадают с результатами исследований отдельных авторов. Так, в целях составления возрастной характеристики личности экстремиста из молодежной среды все лица были поделены на четыре группы (на основании социального статуса):

- 1) учащиеся средних школ – от 14 до 18 лет (29 %);
- 2) студенты колледжей и вузов – от 19 до 24 лет (36 %);
- 3) лица, формирующие свой социальный статус, – от 25 до 30 лет (22 %);
- 4) лица со сформированной жизненной позицией – от 31 до 35 лет (13 %) [13].

Таким образом, официальные статистические данные, а также результаты проводимых исследований свидетельствуют о том, что:

– наибольшей криминальной активностью среди лиц молодежного возраста отличаются лица в возрасте 18–24 и 25–29 лет. Удельный вес этих возрастных групп среди лиц, совершивших преступления в возрасте от 14 до 30 лет, примерно одинаков и составляет около 45–47 % соответственно;

– удельный вес лиц в возрасте от 14 до 24 лет среди всех лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности, составил в России в 2018 г. около 60 %, а средний возраст преступника на момент совершения уголовно наказуемого экстремистского деяния составил 23 года [12].

Виктимологический аспект правового нигилизма

Любое правонарушение – результат взаимодействия конкретной жизненной ситуации (условие) и негативных свойств лица, его совершившего, среди которых главное место принадлежит мотивационной сфере личности (причина). Мотивационная сфера является основой нравственно-психологической характеристики лица, совершившего преступление. Объективизируя потребности и выступая

движущей силой противоправного поведения, мотивы нагляднее всего иллюстрируют то, как правонарушитель относится к обществу в целом, принятым в нем ценностям, социальным нормам (нравственным, правовым). Такое восприятие может свидетельствовать о наличии правового нигилизма у лица, совершившего правонарушение.

Конкретная жизненная ситуация (обстановка) выступает условием совершения преступления и может затруднить или, наоборот, облегчить его совершение. Наиболее отчетливо это проявляется в тех случаях, когда противоправными действиями причиняется вред конкретному потерпевшему, который может либо породить у виновного желание совершения преступления, или облегчить его совершение, либо породить решимость совершить конкретный волевой акт в отношении конкретного лица, либо изменить мотивацию совершаемого им деяния. Кроме того, потерпевший может сам создать криминогенную обстановку, спровоцировать виновного на совершение правонарушения.

Личность потерпевшего, как и личность лица, совершившего преступление, имеет такую же структуру поведения. Следовательно, определение места и роли правового нигилизма имеет важное значение при анализе нравственно-психологической характеристики жертвы преступления. Исходя из роли, которую может выполнять потерпевший, правовой нигилизм как элемент его нравственно-психологической характеристики может быть рассмотрен в двух аспектах: активная жертва и пассивная жертва.

В ряде случаев именно поведение потерпевшего играет решающую роль в совершении виновным лицом преступления и в выборе конкретной жертвы. Поведение потерпевшего и различные свойства (характеристики) потерпевшего обуславливают его виктимность (способность стать жертвой преступления). Среди этих свойств, безусловно, важное место принадлежит отношению самого потерпевшего к нормам и правилам человеческого общежития, к нормам права, его законопослушности и отношению к тем или иным способам разрешения возможных конфликтов.

Наиболее характерно проявление правового нигилизма в ситуациях, когда жертва преступления выступала в качестве провокатора. Об этом свидетельствуют результаты исследования «психологического» профиля таких потерпевших. Правовой нигилизм налицо, когда поведение потерпевших во многом обусловлено неверием

в силу закона и осознанием себя хозяином положения. Исследования, проведенные некоторыми авторами, показывают, что «у жертв-provokаторов складывалось убеждение, что в поступках следует руководствоваться не правом, а своими желаниями и интересами». На вопрос анкеты, составленной Э.Л. Сидоренко: «Из чего, на Ваш взгляд, необходимо исходить при конфликте закона и здравого смысла?», 78 % опрошенных жертв-provokаторов ответили, что из здравого смысла. Проведенные ею исследования показали, что отрицательное поведение потерпевших имело место в 60 % убийств и 65 % случаев причинения вреда здоровью. При этом оно выразилось в применении насилия – 27 %; в оскорблениях и угрозах – 20 %, в учинении ссоры – 18 %; в нарушении супружеской верности – 8 %; в необоснованных имущественных притязаниях потерпевших – 9 %; в иных формах [15].

Обратной стороной медали правового нигилизма является наличие пассивных жертв правонарушений. По справедливому замечанию Н.В. Сплавской, «у пассивной жертвы можно наблюдать сразу две формы деформации правосознания: правовой нигилизм и правовой идеализм; одни аспекты правовой действительности потенциальный потерпевший недооценивает, а другие, напротив, переоценивает» [14].

Преодоление правового нигилизма, как и недопущение его формирования – весьма сложный и длительный процесс, неразрывно связанный с такими понятиями, как правосознание, правовое воспитание, правовая культура. Полагаем, что деятельность по правовому воспитанию и повышению уровня правовой культуры должна носить системный характер и охватывать как ранний, так и последующие этапы социализации личности (правовая социализация личности). В нее должны быть включены как государственные специализированные (правоохранительные органы, суд, органы прокуратуры и др.), так и неспециализированные органы, а также негосударственные (общественные институты) учреждения и организации, «сопровождаящие» личность на протяжении всего процесса социализации.

Анализ основных нормативно-правовых актов в сфере предупреждения правонарушений и преступности в Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что правовое воспитание признается важным направлением деятельности государства и мерой профилактики правонарушений на общесоциальном и индивидуальном уровнях.

Так, Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 г. предусматривает «организацию правового просвещения обучающихся, родителей, педагогических работников, специалистов, работающих с несовершеннолетними» (форма реализации – информационно-методические письма, направленные в субъекты Российской Федерации), а также «развитие кабинетов бесплатной правовой помощи для детей и подростков, их семей на базе образовательных организаций высшего образования, осуществляющих обучение по специальности и (или) направлению подготовки высшего образования "юриспруденция"» (2020 г.).

С 2001 г. в Юридическом институте Томского государственного университета создан и действует в качестве структурного подразделения Центр клинических методов обучения (юридическая клиника). В Центре студенты старших курсов под руководством педагогов-кураторов, большинство из которых являются адвокатами, приобретают навыки профессиональной юридической деятельности, оказывают бесплатную юридическую помощь лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Значение правового воспитания отражено также и в специализированном Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», в котором повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан рассматриваются как одно из основных направлений и как одна из мер профилактики правонарушений.

Приведенные выше направления деятельности государства и меры по формированию правовой культуры и повышению уровня правосознания населения должны сопровождаться укреплением законности и правопорядка в деятельности самих органов государственной власти, уважительным отношением к личности, созданием реальных механизмов обеспечения прав и свобод человека со стороны государства.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В целях повышения эффективности механизма правового регулирования общественных отношений, в которых молодежь выступает в качестве участника, необходимо единообразное нормативное определение понятия «молодежь».

2. Отношение к правовому нигилизму (значение, роль) на нормативном уровне в период с 1997 г. до настоящего времени существ-

венно поменялось: произошло смещение акцента с констатации правового нигилизма как проблемы на факторы, его обуславливающие, а также меры по его преодолению.

3. Криминогенная роль правового нигилизма должна рассматриваться в двух аспектах:

а) правовой нигилизм как детерминанта преступности, рассматриваемая на общесоциальном уровне (как результат деформации общественного сознания), и как элемент субъективной причины совершения преступления при изучении нравственно-психологической характеристики личности преступника;

б) правовой нигилизм как свойство лица, обуславливающего его виктимность (способность стать жертвой преступления).

4. Как преодоление, так и недопущение формирования правового нигилизма – весьма сложный и длительный процесс. В нормативно-правовых актах в сфере предупреждения правонарушений и преступности в Российской Федерации в целом, так и отдельных ее видов уделяется большое внимание правовому просвещению и правовому воспитанию как важному направлению деятельности государства и как мере профилактики правонарушений (преступлений) на общесоциальном уровне.

Наряду с повышением уровня правового воспитания необходимо также осуществлять виктимологическое воспитание всего населения и молодежи в частности.

Литература

1. *Евпова Н.Ю.* Правосознание молодежи: теоретический и социологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 24 с.
2. *Генеральная прокуратура Российской Федерации.* Портал правовой статистики. http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.06.2019).
3. *Клейменов М.П.* Криминология: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма-М, 2013. 432 с.
4. *Киреев М.Н.* Аксиология и воспитательный потенциал отечественной правовой культуры: компаративный анализ: дис. ... д-ра филос. наук. Белгород, 2019. URL: http://dekanat.bsu.edu.ru/f.php/1/disser/case/filedisser/filedisser/1384_Kireev_M.N._Disser_tsiya_v_sovet.pdf (дата обращения: 20.06.2019).
5. *Криминология:* учебник. М.: Юридическая литература, 1988. 93 с.
6. *Методологические последствия парадигмального сдвига в теории воспитания* / ред. Н.Л. Селиванова, Е.И. Соколова. Москва; Тверь: ООО «ИПФ «Виарт», 2011. 200 с.
7. *Министерство внутренних дел России.* Официальный сайт. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 20.06.2019).
8. *Молодежь в России:* стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2011/MOLODEG_RUS_2010.pdf (дата обращения: 20.06.2019).

9. Организация Объединенных Наций. Всемирная программа действий, касающаяся молодежи, до 2000 года и на последующий период. Резолюция A/50/728 от 13.03.1996 г. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/50/81> (дата обращения: 24.06.2019).
10. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть: учебник. Томск: ООО «ДиВо», 2007. 230 с.
11. Сенин И.Н. Экстремизм как форма правового нигилизма в современной России: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. URL: <https://www.dissercat.com/content/ekstremizm-kak-forma-pravovogo-nigilizma-v-sovremennoi-rossii>. (дата обращения: 20.06.2019).
12. Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. 431 с.
13. Ситникова М.П. Криминологическая характеристика личности преступника в сфере экстремистской деятельности молодежи // Российский юридический журнал. 2018. № 1. С. 84–92.
14. Славская Н.В. Роль правосознания в виктимном поведении молодежи. Правовые проблемы образования [Электронный ресурс] // Научно-практический журнал «Гуманизация образования». 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-pravosoznaniya-v-viktimnom-povedenii-molodezhi> (дата обращения: 20.06.2019).
15. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Официальный сайт. <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 20.06.2019).
16. Токарева Л.Я., Дорфман Г.В. ИмPLICITные процессы и их исследование в западной психологии // Вестник ЮУрГУ. Сер. Психология. 2014. Т. 7, № 1. С. 17–27.
17. Федотенкова О.В. Нигилизм в современном российском обществе: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2017. URL: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/nigilizm-v-sovremennom-rossijskom-obwestve-socialno-filosofskij-analiz.html> (дата обращения: 20.06.2019).
18. Шапко В.Т. Актуальная культура российской молодежи. автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Екатеринбург, 1997. С. 17.

Глава 3

КОНТЕКСТЫ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ: ВОДОРАЗДЕЛЫ И СЛИЯНИЯ

Современный экстремизм берет истоки в социальной неопределенности, нестабильности функционирования социальных глобальных процессов в обществе, что в свою очередь детерминирует радикализацию молодежи, формируя радикальные и экстремистские взгляды и убеждения.

Усиление самоорганизационных процессов и социальной субъектности молодежи проявляется в свободном от различных ограничений самопредъявлении, повышении протестного потенциала. Специфика экстремизма заключается в многообразии его форм проявления, которое представлено в различных подходах к содержанию, совокупности признаков, отличительных черт.

Одной из форм полноценной человеческой деятельности является «насилие» с его разрушительно-созидательной функцией. Однако, несмотря на огромное количество работ по определению насилия, от знаменитого «повивальная бабка истории» (К. Маркс) до «злонамеренной агрессии» (Э. Фромм), пока типология данного термина так и не разработана [1].

На сегодняшний день проблема насилия в США является очень актуальной (города Балтимор, Сент-Луис, Филадельфия, Вашингтон, округ Колумбия, Милуоки, Лос-Анджелес, Чикаго и др.). В период 2013–2017 гг. зарегистрировано более 1 000 инцидентов с применением насилия в школах, что в конечном итоге может вести к снижению доверия, самооценке, депрессии, страху. В американском социологическом дискурсе есть опыт исследования данного явления. В частности, крупнейший американский социолог Ральф Ларкин в

своём исследовании «Понять Колумбайн» («*Columbine High School massacre*») [2, 3] не только открыл некоторые закономерности, но и дал программу нейтрализации насилия. В 2012 г. социолог Натали Е. Пантон на основе онлайн-видеоматериалов, созданных стрелками «Колумбайн», сформулировала набор повторяющихся мотивов, идентифицирующих их как адептов данной группы [4]. Например: крупный план оружия, взмахи оружием, восхищение предыдущими стрелками. В 2014 г. данные признаки были расширены, на основе видео социальных сетей добавлены такие, как сроки проведения убийств, планы превзойти количество жертв. Эксперты считают, что трагедия повлияла на последующие массовые убийства, поскольку предопределила такие действия, как месть, средство протеста, социальной изоляции.

В настоящее время в России жестокость, агрессия стремительно распространяются, все чаще стали возникать инциденты в школах, связанные с насилием, нападением с оружием, экстремистской деятельностью (г. Отрадное в 2014, с. Ивантеевка, Моск. обл. в 2017, г. Пермь, г. Улан-Удэ в 2017). Авторы исследования экстремизма в молодежной среде отмечают, что содержательными признаками экстремизма являются агрессивность, массовость, пропаганда идей, демонстративность [6].

В зарубежном социально-политическом дискурсе феномен «экстремизм» рассматривают через призму иммиграционного статуса, с последствиями в области образования и занятости, что может сделать важный вклад в улучшение жизни молодых людей, скрывающихся от правосудия, но приоритеты зависят от местной политики [7].

Другие авторы рассматривают модели оценки рисков с целью сбора разведывательной информации потенциальных факторов применительно к воинствующему экстремизму. В качестве основных факторов указывают убеждения, изолированность от положительных влияний, возможности для насилия и доступ к насильственным материалам, отсутствие успеха, низкую самооценку [8–10].

Израильский исследователь предлагал сформировать «психологический профиль», но, несмотря на многочисленные попытки, они не были успешными [9–11]. Исследователи Великобритании связывали проявление экстремизма и радикализма с отсутствием социальной и экономической интеграции в британской социальной «ткани», что означало бы принятие «основных ценностей», например «вера в

демократию, верховенство права, терпимости и равного обращения для всех» [12].

Одним из проявлений рискогенного поведения является «экстремизм». Примем за точку отсчета социологического изучения феномена «экстремизм» его понимание как типа девиантного поведения против существующих и разделяемых большинством в обществе норм и правил. Рассмотрение экстремизма с точки зрения девиации позволяет учесть основной признак – антисистемный насильственный характер. Тогда можно сформулировать трактовку экстремизма – девиантное осознанное поведение, выражающееся в призывах к действию, агрессивных действиях, направленных на отрицание основных прав человека, в стремлении к публичному разрушению общественного порядка.

Другое направление социологического исследования феномена «экстремизм» заключается в рассмотрении особенностей экстремизма в контексте социальной среды: специфика проявления в различных сферах социальной жизни, групповое поведение, их окружение, внутригрупповые связи, субкультура, ценностные ориентации, установки, стереотипы и др. Западные исследователи выделяют несколько типов экстремизма – левый, правый, этнонационалистический (этнополитический), религиозный, политический, а также информационный (Л. Уилкоккс, Дж. Джордж). С точки зрения экстремистских установок выделяют стихийный и организованный экстремизм.

Одним из первых исследователей в отечественном дискурсе «молодежного экстремизма» (который укоренился со времен «молодежной революции» 60-х гг. в Западной Европе) является санкт-петербургский социолог А.А. Козлов [13–14]. Существенной из характеристик этнополитического экстремизма и людей, мотивированных на присоединение к насильственной экстремистской организации, выступает их желание достичь правды или отомстить за несправедливости, совершенные против группы, с которыми они идентифицируют. Такая политика идентичности сосредоточена вокруг понимания суннитской маргинализации, оккупации и угнетения [15–16].

Обращаясь к диссертационным исследованиям, следует отметить, что отечественные исследователи-социологи посвятили за последние пятнадцать лет всего пять работ, в том числе посвященных северо-кавказскому экстремизму, информационному экстремизму,

современному радикализму [17–18]. В ряде монографий, научных статей Ю.А. Зубок, В.И. Чупрова анализируется сущность молодежного экстремизма и особенности его проявления [19]. Отечественными социологами феномен «экстремизм» изучен недостаточно, нежели юристами, политологами.

Рассматривая молодежный экстремизм как социальное явление, точкой отсчета считаем групповые особенности молодежи, поскольку непосредственные причины коренятся в социальных условиях, порождающих такие противоречия, что ведет в трансформации молодежных оценок социокультурных явлений в сторону экстремистской реакции, в том числе радикальных проявлений. В процессе конструирования социальной реальности объективируются проблемы статусной неопределенности, пролонгированной маргинальности молодежи.

Эмпирическая основа изучения экстремизма в социологии и психологии – это базы данных инновационных, совместимых между собой исследовательских инструментов и сервисов, облегчающих поиск, получение и анализ данных, включающих множество многомерных переменных с информацией по широкому спектру. Вместе с тем существуют и различия в объектном поле.

Объектом изучения в социологии выступает многообразие латентных и явных форм, социокоммуникативные трансформации общества.

Предметное поле изучения феномена экстремизма в социологии представляют механизмы воспроизводства, информационный экстремизм, его особенности и формы проявления в условиях трансформации общества, социометрические характеристики, условия, среда, события жизненного цикла, социальные связи, которые могут способствовать формированию насильственных убеждений и др.; в целом – маркеры и уровень радикализации.

В настоящее время в связи активным развитием интернет-сетей виртуальное пространство выступает не только средой распространения позитивного контента, но и исследовательским полем негативного контента, в том числе праворадикальных идей. Рост социальной значимости Интернета и современных цифровых технологий приводит к противоречию между формальной и неформальной коммуникациями. Наблюдается рост провокационных, дезинформационных сообщений, что как следствие приводит к развитию информационного экстремизма.

В качестве теоретическо-методологического анализа исследования информационного экстремизма выступают методы единства логического и исторического, диалектический, структурно-функциональный; теория постиндустриального общества (Д. Белл, И. Масуд, Э. Тоффлер), а также концептуальные представления об основах информационного общества (М. Кастельс, П. Дракер), теория «транзактной медийной коммуникации» (Д. Брайт, Т. Томсон). Положения структурного функционализма позволяют раскрыть специфику дисфункций аспектов информационного экстремизма. Эмпирическими методами выступают опросные методы, экспертные оценки, анализ интернет-сетей (например, «ВКонтакте») и использование анализа больших данных и визуализация на основе современных компьютерных программ («Gephi») (рис. 1). Так, исследование 2017 г. (ТГУ, каф. социологии) посвящено анализу пролиферации праворадикальных идей и их носителей в социальной сети «ВКонтакте» в условиях государственного регулирования Интернета [20].

Рис. 1. Динамика внутренней сетевой структуры [20]

В предметное поле положено изучение механизмов распространения радикального контента и его жизненного цикла после официального закрытия экстремистских онлайн-групп, поскольку представляется, что возникла необходимость переходить от изучения групп к изучению распространения конкретных идей.

В качестве метода идентификации радикальных онлайн-групп использован метод «снежного кома», суть которого заключается в выделении известных, устойчивых и многочисленных радикальных

организаций и групп и выявлении связанных с ними через «дружественные ссылки» меньшие по численности и известности группы. Методология обработки базируется на выявлении радикальных групп на основе специфики генерируемого ими контента. Она идентифицирована с помощью лингвистических маркеров радикальных настроений и идей (рис. 2).

1. Праворадикальные группы

Тип групп	Количество групп	Количество участников
Имперские националисты	27	7 665
Белые расисты	8	2 562
Либеральные/демократические националисты	21	2 970
Неоязычники — националисты	24	5 631

2. Предрасположенные с правым радикализмом группы

2.1 Группы с тематикой силы, насилия

Тип групп	Количество групп	Количество участников
Военные	40	6 138
Выживальщики	15	4 736
Боевые искусства	19	2 096
Спортивные фанаты	27	2 949

2.2 Историко-культурные тематики

Тип групп	Количество групп	Количество участников
Славянские	79	14 128
Исторические	18	2 843
Скандинавские	9	2 159

3. Вовлекаемые группы

3.1 Общественно-политические тематики

Тип групп	Количество групп	Количество участников
Патриотические	43	5 393
Коммунистические	11	1 101
Либеральные	1	133

3.2 Религиозные тематики

Тип групп	Количество групп	Количество участников
Ведические, эзотерика	64	8 689
Православные	14	1 613

Рис. 2. Классификация групп [20]

В 2016 г. идентифицировано 42 праворадикальных и 33 исламистских онлайн-сообществ с общим количеством участников более 860 000 человек, 21 сообщество закрыто по решению судов РФ за время проведения исследования.

Исследование включало анализ более 2 млн профилей пользователей; более 1,7 млн лайков, 350 тыс. репостов, 1 млн комментариев; 17 млн связей (совместная дружба) для оценки внутригрупповых связей; 417 тыс. групп для оценки перекрестных репостов контента. На основе анализа пролиферации, динамики внутренней сетевой структуры, специфики и генерируемого контента выделены три группы: первая – праворадикальные группы, включающие такие типы: «имперские националисты», «белые расисты», «либеральные / демократические националисты», «неоязычники-националисты». Вторая группа – предрасположенные, включающие типы с тематикой силы и насилия (военные, выживальщики, боевые искусства, спортивные фанаты). Третья наиболее крупная группа – вовлекаемые, включающие типы с общественно-политической (патриотические, коммунистические, либеральные), религиозной (ведические, православные), историко-культурной (славянские, исторические, скандинавские) тематикой. Социальные сети выступают эффективной площадкой для конструирования экстремистских сообществ. Как правило, их работа направлена на расширение аудитории, ее консолидации на основе идейного контента, в конечном итоге – выход в реальное пространство.

Отметим, что мультидисциплинарные технологии по созданию программного обеспечения служат вспомогательным инструментом в борьбе с терроризмом и насильственным экстремизмом, поскольку способствуют созданию многоуровневых моделей на основе уже имеющихся профилей, кластеров в социальных сетях, сбору информации о новых радикалах, прогнозированию поведенческих траекторий, рисков роста насильственного экстремизма, созданию серии обучающих онлайн-программ (особенно важно для сотрудников правоохранительных органов).

Вместе с тем следует отметить, что теория сетей имеет определенные ограничения ввиду отсутствия точных данных о генеральной совокупности, чем больше биографических данных будет собрано и проанализировано, тем больше можно полагаться на полученные выводы. Так, германские исследователи, изучавшие социально-психологические характеристики членов экстремистских групп, рас-

полагали 227 следственными делами арестованных боевиков, итальянские исследователи опирались на базу данных судебных протоколов [21].

Таким образом, современные симулятивно-моделирующие программы выступают как инструмент для сбора первичных данных: поведенческие маркеры (перцепции, эмоции), идеологическая платформа, склонность к насильственным способам достижения цели и др.

Возникновение экстремистских групп подчинено социально-психологическим закономерностям, которые определяют групповую динамику, коммуникации и взаимодействия. Что касается внутригрупповых связей, то одним из составляющих компонентов выступает уровень доверия / недоверия между членами группы и личностного смысла.

Доверие развивается в трёхмерном пространстве, включающем в себя деятельность, сознание и институты, поэтому доверие в современном понимании представляет собой синтез их исторических образований, эволюция которых протекает в постоянном взаимодействии и взаимопроникновении, что обуславливает их прогрессивное усложнение на каждом последующем этапе. Инстинктивное, прототипическое доверие можно охарактеризовать как нерациональное. Современное доверие на определённом этапе переходит на новый уровень, превращаясь в рациональное: рациональные доводы способствуют пониманию и возникновению уверенности.

Доверие в современном обществе функционирует на нескольких уровнях. Доверие к абстрактной системе (государство), которая создаёт условия взаимодействия на абстрактном уровне, межличностное доверие (сетевые структуры взаимодействия), наличие в обществе общепринятых ценностей, норм, правил, которые обеспечивают реализацию доверия на всех уровнях системы [22].

Иногда, используя по сути тот же критерий, выделяют вертикальное доверие (доверие к социальным организациям: правительству, органам правопорядка, профсоюзам) и горизонтальное (доверие к людям). Бельгийские исследователи в кросскультурном исследовании подчеркивают важность изучения уровня масштаба политического доверия и показывают, что структуры политического доверия изоморфны как на индивидуальных, так и на страновом уровнях [23]. Данные по результатам итальянских исследователей [24] многоцелевого изучения домохозяйств и участия в социальных сетях (SNS), таких как Facebook и

Twitter, доказывают влияние на наиболее экономически значимые аспекты социального капитала, доверие. Авторы обращают внимание на различия в доступности широкополосных путей для высокоскоростного Интернета, который относится к технологическим характеристикам существующей телекоммуникационной инфраструктуры, определяют типы (меры) доверия к чужим (часто упоминается как социальное доверие), доверия к соседям (специализированное доверие) и доверия к полиции (институциональное доверие).

Готовность молодежи в выборе форм своей активности ориентироваться на групповые нормы и ценности, которые санкционируются общественным мнением, говорит о том, что институционально выбираемые способы легитимны, а институты как источники социальных образцов вызывают доверие. Идентификация с исходящими смыслами означает доверие со стороны молодежи [25]. Именно доверие обеспечивает легитимацию общественных отношений, уровень солидарности и средств достижения целей. Разрешение противоречий, вызванных дисфункцией социальных институтов, rozpoзнается молодежью как ситуация притеснения, ведет к неопределенности и к проявлению в поведении экстремальных признаков. В свою очередь, складывается отношение к социальной реальности и ее объектам, выраженное в позитивных категориях доверия или в негативных – враждебности и недоверия. Таким образом, меняется уровень доверия.

На основе вторичных данных социологических исследований 2011 и 2014 гг. рассмотрим динамику показателей доверия к властным структурам («Социокультурный механизм формирования и воспроизводства отношения к объектам социальной реальности в российском обществе» и «Доверие как феномен социальной реальности» – исследования, проведенные по всероссийской выборке в 13 субъектах Российской Федерации в 2011 г. и в октябре 2014 г.; объем выборки в первом исследовании составил 1 301 чел., подвыборки молодежи в возрасте 18–29 лет – 323 чел.; в 2014 г. общая выборка составила 1 459 чел., подвыборка молодежи в возрасте 15–29 лет – 790 чел.). Интегральные показатели доверия молодежи властным структурам превышают аналогичные показатели недоверия: в конце 2014 г. составляли: президенту В.В. Путину 37,6 % (доверие), 3,9 % (недоверие), правительству РФ – 20,7 и 10,8 % соответственно. На этом фоне поддержка молодежью оппозиции была слабой и составляла 7,3 %, недоверие – 20,4 %.

Вместе с тем сам факт доверия к власти не обязательно ориентирует молодежь на поддержку организаций – сторонников власти. Так, среди сторонников национально-патриотических движений молодежь – 13,5 %, правозащитных – 9,7 %, 11,9 % – экологические объединения. По данным исследований, чем выше доверие, тем сильнее проявляются установки молодежи на социальную активность.

В процессе развития социологического знания сформировалось несколько подходов понимания личности, среди которых можно выделить диалектико-материалистический подход, согласно которому становление личности происходит под влиянием биологических факторов индивида, его социального окружения, воспитания и самовоспитания. С позиции антропологического подхода личность рассматривается с точки зрения общечеловеческих свойств. В центре внимания нормативного подхода лежат качества личности как социального существа, относящиеся к сознанию и деятельности. Суть социологического подхода заключается в воплощении индивидом социально значимых черт и качеств данного общества. Персоналистический подход рассматривает личность как совокупность психических реакций человека на мнение окружающих, где механизмом ее формирования выступает «я-восприятие». Биолого-генетический подход предполагает, что поведение человека определяется его биограммой.

Учитывая эти принципы, выделим структуру социального уровня личности экстремиста: собственно социологический, который включает мотивы, цели, интересы, жизненный опыт; культурный (ценностные ориентации, установки, нормы); нравственный (мораль, нравственность); внутренние детерминанты (потребности, интересы). Статусно-ролевая концепция обогатила социологическое знание о личности. Поэтому еще один важный компонент – позиция (место) личности в социуме, раскрывающаяся через категории «социальный статус» и «социальная роль».

Теоретический анализ феномена «экстремизм» как научной категории позволяет сделать вывод, что сущностью экстремизма является осознанная деятельность, направленная на приближение результата крайними средствами, отличающимися от установленных норм и правил.

Проблемы так называемого «скрытого» экстремизма рассмотрели в своих работах Ю.П. Зинченко, Б. Альтмайер, Д. Канетти-Низим,

Х.П. Кун, А. Педахзур, Д. Хаген, В. Хайтмайер, В.Н. Томалинцев. В генезисе экстремизма одно из важных мест занимает личность экстремиста. Авторы выделяют ряд личностных характеристик, которые часто становятся побудительными мотивами вступления индивидов на путь экстремизма: агрессивно-оборонительная готовность, низкая самооценка, потребность в принадлежности к группе, социальная изолированность и отчужденность, потеря жизненной перспективы – т.е. специфика проявления экстремизма в молодежной среде связывается исследователями прежде всего с возрастными особенностями молодежи.

Сложное сочетание индивидуальных, личностных и социально-психологических свойств экстремиста позволяет говорить о существовании экстремистской направленности личности. Построение альтернативных объединений, сетей способствует трансформации идентичности, и молодой человек в новой роли строит новые жизненные перспективы. Усиливающаяся дисфункциональность социальных институтов трансляции традиционных ценностей ведет к индивидуализации индивида, усложнению мировоззренческого выбора. Экстремальное (насильственное) поведение становится формой защиты новой приобретенной системы ценностей и оправданной.

Объектом изучения экстремистского поведения молодежи в социальной психологии выступают формы проявления экстремизма, профилактика, ориентированная на систему возрастных, субкультурных, социально-психологических уровней (снижение чувства незащищенности, повышение жизненных возможностей, создание условий для самореализации), оптимизация социальной среды.

Актуализация проблемы исследования особенностей профилактики экстремистской направленности молодежи объясняется интенсивностью развития негативных ориентаций молодежи в результате общественных противоречий.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ в ст. 2 среди основных принципов противодействия экстремистской деятельности отмечает «приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, и особо выделяет сотрудничество с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами...» [30].

Психогенные особенности, выступающие причиной и следствием экстремистского поведения молодежи, стали предметом изучения в трудах таких ученых, как И.А. Двойменный, И.И. Щиголев,

П.М. Якобсон. Характеру и особенностям религиозных движений с точки зрения наличия экстремистских признаков были посвящены исследования Е.Г. Балагушина, Т.А. Бажан, А.В. Возженникова и др. [26–28].

В социальной психологии эмпирической основой выступают мобилизационные факторы для совершения террористических действий, субтипы преступников, как уже осужденных, так и тех, кто под подозрением. Экстремистская направленность личности представляется как совокупность устойчивых мотивов, взглядов, убеждений, потребностей и устремлений экстремистского содержания, как некое интегративное свойство личности, обуславливающее экстремистское поведение человека, его самоосуществление и самореализацию в экстремистской деятельности. Анализируя подходы, можно сформулировать личностные характеристики, опирающиеся на принципы: личность экстремиста выступает одновременно объектом и субъектом биологических и социальных отношений, объединяет в себе черты биологического рода и социальной общности, обладает определенной свободой выбора своего поведения, которое зависит от личностных характеристик, преломленных через общественный и личностный опыт.

Проблема выявления признаков экстремизма предопределяет востребованность практического решения. Сегодня существуют различные методики исследования экстремизма и лиц, совершающих насильственные акции, которые в целом демонстрируют эффективность и исследовательский потенциал, опросные социологические методы и психологические методы и тесты («Оценка переживания террористической угрозы» Ю.В. Быховец, Н.В. Тарабрина, Личностная шкала проявления тревоги и др.). «Методика выявления признаков экстремизма» (О.В. Зеленина, П.Е. Суслонов) предполагает экспертизу информационного контента, аудио-, видео-, печатных материалов. Процессуальные исследования опираются на эмпирико-индуктивный метод анализа материалов, признанных или предположительно являющихся экстремистскими, и анализа результатов привлечения специалистов, психолингвистический и культурологический подходы.

С развитием информационных технологий и инструментов анализа различной информации появляются методы на стыке наук социологии и психологии, количественные и качественные стратегии,

имеющие потенциал исследования сетевых групп, мотиваторов, смысловых, ценностных компонентов.

Размышления о взаимосвязи между радикализацией и экстремистским поведением молодежи появились в 2010 г. В работе Си Боруна [29] радикализация понимается как процесс, который завершается принятием решения присоединиться к насильственной экстремистской группе. Автор выделяет две группы факторов. Первая – «негативные», детерминированные социальными, политическими, экономическими и культурными аспектами индивидуального принятия решений. В то время как вторая группа определена как «притягивающая» группа факторов, которые имели положительные характеристики или преимущества предлагаемых группой в обмен на участие.

Дискурс о мотиваторах участия молодежи в деятельности экстремистских групп Центральной Азии продолжается в работах зарубежных авторов М. Копс, Н. Бондок и Е. Харпер (Mercy Corps, 2014, Bondokji N. and Harper E., 2017). Изучая мотивы участия арабской молодежи в деятельности экстремистских групп, одним из мотиваторов авторы указывают, что это происходит не в ответ на существующую несправедливость, но по очень личным, индивидуалистическим причинам – например экономической выгоды. Ученые в поисках общих точек соприкосновения обнаружили, что материальное вознаграждение было гораздо более строгим мотиватором, чем религия, в их решении для присоединения к экстремистской группе «Боко Харам» (Нигерия). Наиболее уязвимые для вербовки были из мало обеспеченных ресурсами школ-интернатов.

Вторая группа мотиваторов, возможно самая важная, объясняющих вербовку молодежи в военном конфликте в Сирии, – это обещание хорошей работы и финансирование возвращения на родину. Иордания, Сирия – страны, в которых происходят военные конфликты; как следствие, мирное население оказывается в трудных жизненных условиях, испытывает финансовые трудности, увеличивается безработица и / или низкая заработная плата, нерегулярная занятость.

Третья группа мотиваторов характеризует преимущественно молодых мужчин. Их привлекает перспектива приключений; мысль, что боевые действия вместе с повстанческой группой принесут с собой волнение, новизну, а для отдельных лиц это возможность к «самоочищению». Это особенно относится к жертвам сексуального

насилия, ЛГБТ. Отсутствие общественного признания этих групп, отсутствие поддержки со стороны окружения толкают их к действиям по «реабилитации».

Последняя группа мотиваторов характеризует молодых людей, участников деятельности экстремистских формирований, которые склонны искать вознаграждение, которое может принимать форму социальной значимости, богатства или брака. Это особенно значимо в арабской культуре, где «положение» связано со взрослой жизнью, мужественностью, а материальное богатство порождает уважение, достоинство и честь.

Нельзя не отметить фактор пропаганды, которая играет важную роль в таких контекстах. Участники-рекрутеры экстремистских групп рассказывают о героизме, сосредоточивая внимание на их военных победах, призывая молодежь присоединиться к победившей команде, обращают внимание на нехватку сил осуществлять смену собственных правительств [31–32]. Угроза насильственного экстремизма, в частности глобального охвата террористических вербовщиков, привела к комплексным изменениям в механизмах обеспечения безопасности как в пределах государств, так и на межгосударственном уровне. Эта тенденция выступает за расширение полномочий правительствами, но, к сожалению, эти изменения имеют непропорционально негативные последствия для защиты молодых людей от экстремистской идеологии.

Междисциплинарный подход на стыке социологии и психологии позволил рассмотреть феномен молодежного экстремизма с учетом внешних (социальных, средовых) и внутренних (психологических, мотивационных) факторов, а также выявить объектные и предметные различия, специфику исследовательских методик.

Объектом изучения в социологии выступают многообразие латентных и явных форм проявления экстремистских действий молодежных групп, социокоммуникативные трансформации общества. В социальной психологии объектом изучения выступает личность молодого человека, его направленность на самоосуществление и самореализацию в экстремистской деятельности.

Что касается предметного поля изучения феномена «экстремизм» в социологии, то «мазаику поля» представляют механизмы воспроизводства, информационный экстремизм, его особенности и формы проявления в условиях трансформации общества, социометрические характеристики, условия, среда, события жизненного цикла, соци-

альные связи, которые могут способствовать формированию насильственных убеждений, и др.; в целом – маркеры и уровень радикализации.

В социальной психологии исследовательскую предметность составляют типология мотивов, взглядов, убеждений, потребностей и устремлений экстремистского содержания. Восприимчивость к экстремистской установке определяется складом личности, уверенной в своей правоте, нуждающейся в самоутверждении. Психогенные особенности выступают причиной / следствием экстремистского поведения, для которого характерны неумеренность в эскалации насильственных форм поведения, преобладание групповой идентичности над самоидентичностью.

Междисциплинарность с развитием информационных технологий и инструментов анализа порождает методы на основе количественных и качественных стратегий, имеющие потенциал исследования как в социологии, так и в социальной психологии, атрибутирует специфику, типологию сетевых групп, мотиваторов, смысловых, ценностных компонентов.

Литература

1. *Мальцева А.Н.* Насилие как феномен и как понятие // Человек. 2013. № 2.
2. *Larkin R.W.* Comprehending Columbine. Philadelphia: Temple University Press, 2007. 264 p.
3. *Массовое убийство в школе «Колумбайн».* URL: <http://www.gpedia.com/ru/gpedia> (дата обращения: 03.04.2018).
4. *Бочаров А.В.* Структурно-содержательные характеристики концепта молодежного экстремизма в семантическом пространстве Рунета. Часть II / А.В. Бочаров, Э.И. Мешерякова, В.В. Орлова // Векторы благополучия: экономика и социум. 2019. № 1 (32). С. 10–25.
5. *Gladwell M.* How School Shootings Spread // The New Yorker. 2015. October 19. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2015/10/19/thresholds-of-violence> (дата обращения: 03.04.2019).
6. *Экстремизм в молодежной среде и его профилактика в образовательной организации (по результатам экспертного опроса) / А.И. Кирсанов, Д.Г. Давыдов, А.В. Завальский, Н.А. Скрибцова* // Психолого-педагогические исследования. 2014. Т. 6, № 1. С. 85–97. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/1/Kirsanov_Davydov_Zavalskij_Skrib.phtml (дата обращения: 20.05.2019).
7. *Peucker C.* Kinder, Jugendliche und Familien mit Fluchthintergrund – Ausgangslage und Potenziale der Kinder- und Jugendhilfe. 2017.
8. *Hare R.D.* Manual for the Revised Psychopathy Checklist. Toronto, Ontario, Canada: Multi-health Systems, 1991.
9. *Hanson R.K. and Bussiere M.T.* Predicting relapse: A meta-analysis of sexual offender recidivism studies // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1998. Vol. 66. P. 348–362.

10. Cooke D.J. Psychopathy as an important forensic construct: Past, present and future / D. Canter and R. Zukauskienė (eds.) Psychology and Law: Bridging the Gap. Bodmin, Cornwall: Ashgate, 2008. P. 167–189.
11. Israeli R. Islamikaze and their significance // Terrorism and Political Violence. 1997. Vol. 9 (3). P. 96–121.
12. Arènes C. Prevention of Terrorism in Britain: Fighting Violent or Non-violent Extremism? The Influence of the Quilliam Foundation // Garbaye R., Schnapper P. (eds). The Politics of Ethnic Diversity in the British Isles. Palgrave Politics of Identity and Citizenship Series. Palgrave Macmillan. London, 2014.
13. Козлов А.А. Проблемы экстремизма в молодежной среде // Система воспитания в высшей школе. Вып. 4. М., 1994.
14. Козлов А.А. Молодежный экстремизм. СПб., 1996.
15. Bondokji N. and Harper E. 'Journey Mapping on Selected Foreign Fighters in Jordan. WANA Institute, 2017.
16. Mercy Corps. Thought Leadership on Youth and Conflict. 2017.
17. Новиков И.А. Молодежный радикализм как фактор девиантного поведения: социокультурный анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2006.
18. Мозговой В.А. Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативной трансформации российского общества: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Краснодар, 2015.
19. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М.: Academia, 2009. 320 с.
20. Каишур В.В., Барышев А.А., Мундриевская Ю.О., Щекотин Е.В. Российский праворадикальный экстремизм и социальные сети как пространство его публичного существования // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – COUNTER-TERRORISM. 2017. № 3. С. 27–33.
21. Сейджмен М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008.
22. Гуджавина Т.А. Социальное доверие в гражданском обществе // Проблемы развития территории. 2012. № 6 (62). С. 115–122. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-doverie-v-grazhdanskom-obschestve> (дата обращения: 05.05.2019).
23. Anna Ruelens, Bart Meuleman, Ides Nicaise. Examining Measurement Isomorphism of Multilevel Constructs: The Case of Political Trust // Social Indicators Research. 2017. P. 1–21.
24. Fabio Sabatini, Francesco Sarracino. Online Social Networks and Trust // Social Indicators Research. 2018. Vol. 4. P. 1–32.
25. Орлова В.В. Доверие в условиях социальной неопределенности и рискогенное поведение молодежи // Вестник науки Сибири. 2018. № 2 (29). С. 121–132.
26. Возженников А.В. Международный терроризм: Борьба за геополитическое господство. М., 2005.
27. Бажан Т.А. Оппозиционная религиозность. Красноярск, 2000.
28. Хвилья-Олинтер А.И. Духовная безопасность и духовное здоровье человека, семьи, общества. М.: Дарь, 2008.
29. See E.G., Borum R. Radicalization into Violent Extremism I : A Review of Social Science Theories' // Journal of Strategic Security. 2011. Vol. 4, № 4.
30. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) и 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc/LAW_37867/ (дата обращения: 12.05.2019).
31. Preventing and Countering Youth Radicalization in the EU' IPOL PE 509.977. 2014. P. 12.
32. Mercy Corps. Thought Leadership on Youth and Conflict. 2017.

Глава 4

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВЫХ УСТАНОВОК ОСУЖДЕННЫХ ЗА ЭКСТРЕМИЗМ

Современный экстремизм относится к числу наиболее опасных и трудно прогнозируемых явлений, которые обладают огромным деструктивным потенциалом и характеризуется многообразием форм. Преломляя социально-экономические трудности, религиозные, национальные и этнические противоречия любого общества в политическую плоскость, идеологи экстремизма используют их в качестве инструмента и средства для разжигания конфликтов, создавая реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации [20].

Системный анализ социально-экономических реалий и криминогенных процессов, происходящих на территории страны, позволяет заключить, что насущная потребность современного общества в эффективной борьбе с преступностью экстремистской и террористической направленности определяется особенностями сложившейся социальной ситуации и остро негативными тенденциями криминализации, масштабы и уровень общественной опасности которой продолжают расти.

Деструктивные процессы связаны с постепенным нарушением структуры социальных отношений, формированием дисфункции отдельных социальных институтов, выплеском социальной напряженности в форме открытой агрессии по отношению к отдельным элементам общества или в форме массовых протестных движений и т.д. Социально деструктивные неконтролируемые процессы (во многом в силу недостатка их концептуализации) являются определяющим фактором, связанным с высокой динамикой социального развития.

Одной из наиболее опасных форм реализации деструктивного потенциала общества является экстремизм, характеризующийся возникновением на уровне отдельных членов общества или локальных групп деятельной установки на разрушение существующей социальной структуры в масштабах государства. В современном обществе проблема экстремизма выходит на крайне высокий уровень интенсивности, что свидетельствует как о недостатке теоретико-методологических оснований по борьбе с ним, так и об интенсификации факторов, определяющих возникновение очагов деструктивной социальной деятельности [14. С. 5].

Экстремизм представляет собой сбой в рассматриваемом политическом процессе. Его сущность заключается в попытке отдельного лица или группы лиц оказать непосредственное воздействие на социальную структуру средствами, альтернативными законному политическому регулированию. По этой причине, учитывая то, что природа экстремистских установок может быть различной (религиозный экстремизм, ксенофобия, сепаратизм), помимо непосредственной сферы направленности экстремистской деятельности ее объектом является также и государство [Там же. С. 262].

В результате в понятии экстремизма содержится возможность для комплексного анализа сущности человека, его социальных связей и общественных структур, которые он создает при своем становлении. Экстремизм всегда личностен в том смысле, что его характер диктуется человеческими идеями, которые осуществляются человеческими ресурсами, он телеологичен. Экстремизм есть проявление заложенной в человеке экстремальности [4. С. 9].

Среда распространения экстремизма воздействует на массовое сознание потенциальных членов сообществ с помощью различных техник манипулирования – психологических, речевых, образных и т.д.; с другой стороны, причиной возникновения экстремистских сообществ является тотальность симуляции. Вследствие этого образуется замкнутый круг – симуляция есть причина и следствие образования экстремистских сообществ.

Рассматривая систему противодействия криминальному экстремизму и терроризму, следует отметить, что в научной литературе большое внимание уделяется уголовно-правовым и криминологическим аспектам указанных процессов. Вместе с тем пенитенциарный аспект предупреждения криминальных проявлений экстремизма и террора до сих пор остается малоизученным и требует как научного

обоснования направлений такой деятельности в отношении лиц, осужденных за преступления подобного рода, так и разработки практически применимых в деятельности учреждений исполнения наказаний профилактических мер (психологических, оперативных, рессоциализирующих) в отношении осужденных, склонных к радикализации. Принимая во внимание число воинствующих экстремистов, которые содержатся в заключении в настоящее время, можно утверждать, что тюрьмы играют важную роль в решении проблемы воинствующего экстремизма, и эта роль все больше признается Организацией Объединенных Наций и международным сообществом в целом [18. С. 5]. Согласно обзорам ФСИН, сегодня в исправительных учреждениях наблюдается постоянное увеличение числа лиц этой категории с одновременным ростом их негативного влияния на осужденных, совершивших общеуголовные преступления [7. С. 37].

Проблема профилактики противоправного поведения лиц, осужденных за проявления криминального терроризма и экстремизма, представляется сегодня актуальной не только исходя из заявленных целей уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК РФ), но и учитывая, что подобные преступления имеют высокую общественную опасность как по своим мотивам, так и по объективным характеристикам деяний.

Практические работники УИС в последние годы отмечают значительный рост числа лиц, принявших ислам в местах лишения свободы. Большая часть из них – это молодые люди, которые сделали свой выбор под влиянием носителей религиозно-экстремистской идеологии. Восприняв радикальные идеологические установки, новообращенные и после отбытия наказания, как правило, продолжают поддерживать с ними контакты.

Сотрудниками ФСИН России систематически вскрываются факты, когда после освобождения неопиты присоединяются к незаконным вооруженным формированиям либо пытаются сформировать автономные террористические ячейки в местах своего проживания.

В связи с перечисленным можно выделить следующие негативные факторы, способствующие развитию данного явления в местах лишения свободы:

- недостаточный оперативный контроль над содержащимися в исправительных учреждениях лицами, осужденными за совершение преступлений экстремистской направленности;

- рост популярности неонацистской идеологии в криминальной среде, формирование в этой среде положительного образа «военнопленного борца с режимом»;
- наличие предпосылок для «сращивания» идей радикального ислама с идеологией национал-социализма;
- недостаточные знания сотрудников исправительных учреждений об исламе и о признаках, указывающих на исповедование осужденными его радикальных форм;
- создание и функционирование в исправительных учреждениях сплоченных экстремистских групп, координирующих свою деятельность с помощью незаконно используемых средств сотовой связи;
- недостатки в техническом оснащении, затрудняющие выявление фактов нелегального использования осужденными средств мобильной связи и выхода в сеть Интернет;
- недостаточность принимаемых администрациями исправительных учреждений мер по недопущению поступления в места заключения литературы экстремистского характера, используемой для пропаганды радикальной идеологии;
- оказание помощи экстремистам отдельными представителями местных мусульманских организаций в условиях отсутствия должного контроля над деятельностью указанных структур со стороны администраций исправительных учреждений;
- низкая активность духовно-просветительской работы среди заключенных со стороны местных епархий Русской православной церкви;
- активная деятельность различных «правозащитных» организаций, оказывающих под эгидой соблюдения прав заключенных идеологическую и финансовую поддержку осужденным радикалам.

Следует признать, что в ближайшей перспективе масштабы распространения идеологии радикального ислама в исправительных учреждениях будут возрастать. Об этом, в частности, свидетельствует тенденция увеличения числа осужденных за преступления террористического и экстремистского характера. Также следует отметить, что показатели постпенитенциарного рецидива явно свидетельствуют о недостаточной реализации профилактической функции учреждениями уголовно-исполнительной системы в отношении данной категории осужденных.

В этой связи организация профилактики преступлений экстремистской направленности как уголовно-наказуемых проявлений, отличающихся повышенной общественной опасностью, среди лиц, осужденных за такие деяния, а равно предупреждение процесса радикализации других осужденных является одной из приоритетных задач уголовно-исполнительной системы. Первостепенная роль в решении этой проблемы отводится осуществлению психологической работы с осужденными, которая видится в выявлении, изучении и последующей коррекции ценностных ориентаций, смысловых установок личности осужденного, его жизненной картины мира.

Психологам следует понимать, что работа с заключенными из числа воинствующих экстремистов зачастую может отличаться от работы с другими преступниками, применяющими насилие. Некоторые заключенные из числа воинствующих экстремистов могут не иметь существенных внешних признаков психопатологических проблем, однако исследования показывают, что многие из них эмоционально уязвимы и имеют проблемы идентичности [18. С. 90].

Личность человека вообще и преступника-экстремиста в частности представляется достаточно многогранной. Она связана с обширным количеством факторов, определяющих с разных сторон (социокультуральной, психологической, биологической) проблему формирования противоправной мотивации.

Как отмечают Д.И. Аминов и Р.Э. Оганян, «именно в личности индивида преломляются все противоречия: как внутренние – психические, психологические, физиологические, так и внешние – коммуникативные, ролевые, ситуативные и пр. Именно на личность оказывает влияние и на ней, в конечном счете, так или иначе отражается среда обитания со всем ее спектром социальных, экономических, идеологических, политических и иных составляющих... Таким образом, криминологическая характеристика личности индивида способна в определенной мере пролить свет в числе прочего и на причины отклоняющегося поведения последних» [1. С. 18]. Ряд авторов говорит о психологической специфике экстремистского сознания [4. С. 4]. Это также указывает на растущий интерес, связанный с изучением данного психологического феномена.

Помимо внешних причин, источником экстремизма выступает интеллектуальная ограниченность человека. Именно она рождает в человеке уверенность в исключительной правоте своей точки зрения, убеждение в том, что это абсолютная истина. Соответственно

чем сильнее у человека развиты интеллектуальные способности, тем лучше он понимает, что нет в мире истины в последней инстанции. В то время как громкие заявления, нетерпимость к критике, неспособность слушать и понимать оппонента – характерные черты ограниченного человека, склонного оправдывать любые свои поступки, винить в собственных неудачах всех, кроме себя, видеть недостатки только в других и т.д. Компенсируется эта ограниченность, как правило, чрезмерной агрессией, угрозами и насилием. Указанный аспект ориентирует на необходимость более пристального внимания оценки и учета персоналом УИС имеющегося образования осужденных, которое находится в естественной корреляции с их возрастными параметрами, количеством судимостей, сроком отбытого наказания [2. С. 220].

Многочисленные исследования ученых-пенитенциаристов доказывают, что факт пребывания в условиях несвободы ставит человека перед актом жизненного самоопределения, но это самоопределение человека, теряющего (или уже потерявшего) жизненное пространство, размеченное собственной субъективностью, т.е. такое, в котором человек мог встречаться с самим собой, со своими потребностями и возможностями, представленными в предмете в виде ценностно-смысловых измерений. Особенно это касается молодежи, у которой наблюдается гипертрофированное представление о собственной роли в обществе, превосходстве над другими, формирование сверхценных идей, связанных с необходимостью изменения мира [10. С. 342].

С момента попадания в места лишения свободы жизнь человека начинает регламентироваться как официальными, так и неофициальными правилами. В первом случае осужденный вынужден подчиняться внутреннему распорядку дня, регламентированным требованиям общения с персоналом пенитенциарного учреждения, участвовать в трудовой деятельности, в обучении, проведении иных мероприятий воспитательного характера. Во втором случае, входя в пенитенциарную среду осужденных, человек сталкивается с «неписанными законами», определяющими быт отбывающих наказание, неподчинение которым может не только осложнить пребывание в местах лишения свободы, но даже привести к трагическим последствиям. К числу факторов, вызывающих трансформацию смысловых установок осужденного, относят отсутствие личной жизни, частые межличностные конфликты, недоброжелательность окружения, гру-

бость обращения, скудные бытовые условия, наличие криминальной субкультуры, постоянное психологическое давление со стороны как персонала пенитенциарных учреждений, так и криминализованных неформальных групп, отсутствие положительного жизненного роста. Сам факт нахождения человека в закрытой среде стимулирует психологическую защиту, связанную с уверенностью в несправедливости наказания, обуславливает взаимное криминальное заражение, формирует и развивает криминальный сегмент в смысловых установках, создает психологические барьеры к требованиям режима отбывания наказания и основным средствам исправления [13. С. 45]. Более того, вместо исправительного и воспитательного процесса, осуществляемого персоналом УИС в отношении осужденных, совершивших общеуголовные преступления, не связанные с экстремизмом, происходит их постепенное «заражение» идеологией экстремизма, которая приходит на смену прежней криминальной идеологии [12. С. 58].

Находясь в условиях жесткой пространственно-временной регламентации, человек испытывает длительное психоэмоциональное напряжение (пенитенциарный стресс), оказывающее существенное влияние на систему его установок, что приводит к возникновению специфического эмоционально-установочного комплекса. Это вызвано взаимосвязью негативных специфических воздействий (физических, социально-психологических, духовных и культурных), влияющих на поведение и деятельность личности в условиях пенитенциарной среды как закрытой, отрицающей открытость человека.

Пенитенциарная практика показывает, что в экстремистскую деятельность оказываются вовлечены совершенно различные по своим личностным (в том числе и психологическим) качествам люди, в связи с чем психологизация проблемы экстремизма представляется теоретической редукцией [14. С. 43]. Одна из причин возникновения экстремистских взглядов – это психологический барьер «свой / чужой», страх перед тем, кто не похож на тебя. Человек, не способный к самокритике, как правило, ставит себя несравнимо выше других, отсюда презрительно-агрессивное отношение к другому. Такие люди – плодородная почва для взращивания экстремизма.

В условиях социальной изоляции в результате своеобразной идентификации осужденных друг с другом стихийно складывается специфическое, имеющее криминальную природу «Мы», которое выражается в совместном обособлении от других, «чужих» людей

и порождает негативное отношение к ним [15]. Формируется отчуждающая установка, которая подкрепляется настороженным, а нередко и открыто отрицательным отношением обывателей, противопоставлением себя тем, что совершил какое-либо криминальное деяние. Общество для определенной части таких людей выступает как отвергающее, а они для него – как неизбежное зло. При этом многие осужденные находятся в состоянии кризиса, поиска смысла жизни. Кризис ролевой идентичности осужденных определяется мерой ответственности их личностных качеств, смысловых установок тем требованиям пенитенциарного социума, которые последний предъявляет к личности [9. С. 34]. Такая совместная обособленность от других людей приводит к возникновению психологического отчуждения и создает те внутренние условия, которые впоследствии становятся благоприятной почвой не только для дальнейшего роста криминализации личности, но и возникновения интереса к идеям экстремистской направленности. Вдобавок сам срок отбывания уголовного наказания занимает особое место среди других факторов личностного изменения, поскольку прямо и непосредственно определяет жизненные перспективы личности, её настоящее и будущее. Чем дальше время освобождения, тем тяжелее переносить неотвратимость пребывания в местах лишения свободы, что сказывается на психическом состоянии, ценностных ориентациях, смысловых установках. Саморазвитие человека оказывается под угрозой, что проявляется в неспособности выделить те предметы и обстоятельства, которые составляют условия бытия, имеющие для него особый смысл и ценность; доминировании эмоциональных проявлений негативного плана; разрушении целостности жизненного мира как основания психологического здоровья. Возможно, имея длительные сроки заключения в связи с отсутствием ближайшей перспективы жизни на свободе, осужденные за преступления экстремистской направленности видят смысл своего существования в распространении ислама среди других осужденных, совершивших общеуголовные преступления, не связанные с религиозным экстремизмом и терроризмом [7. С. 49].

Современные исследователи полагают, что организация психологической работы в условиях исправительного учреждения должна занимать особое место, причем в процессе взаимодействия персонала исправительных учреждений с осужденными к лишению свободы за преступления экстремистской направленности следует использо-

вать в большей степени такие способы психологического воздействия, как убеждение и внушение [19. С. 21]. Практические пенитенциарные психологи отмечают, что психологическая работа с осужденными за преступления экстремистской направленности должна осуществляться с учетом следующих моментов:

- личностные и мотивационные особенности, обстоятельства вовлечения их в террористическую и экстремистскую деятельность, часто могут существенно отличаться от таковых, приведших к конфликту с законом и обществом «обычных» осужденных. Это не означает, что существуют некие «особые» качества, присущие только лицам экстремистской направленности. Скорее наоборот, часто наблюдается парадоксальная гиперсоциальность, приверженность к референтной группе единомышленников, извращенно понимаемое чувство долга и т.д. Такие качества, как «подозрительность», «мизантропия», «истеричность», «немыслимая жестокость», описываемые в ряде источников как «характерные черты» террориста, являются скорее следствием жизни в условиях строгой конспирации, идеологической надстройки, постоянной готовности к смерти и т.д.;

- психологические феномены и деформации, наблюдаемые у лиц, участвовавших в экстремистской деятельности, судя по полученным материалам зарубежных и отечественных исследований, часто не укладываются в рамки традиционной психологии, их коррекция требует нетрадиционных техник психологического воздействия. Например, к таким феноменам и личностным искажениям можно отнести «иллюзии войны», оправдывающие жестокость в соответствии с «ее законами», «иллюзии оборонительных действий», оправдывающие любые крайние действия в рамках «ответа на жестокость и коварство более сильного врага», феномен мифологизации сознания с опорой на «героическое прошлое», переживание «общности судьбы», иллюзия «безотлагательности действий» с искажением временной перспективы, максимализм «сейчас или никогда» и т.д.;

- лица, отбывающие наказание за экстремистскую деятельность, находятся в различных пенитенциарных учреждениях Российской Федерации и, как правило, максимально разобщены. С одной стороны, длительный срок отбывания наказания предполагает возможность успешно нейтрализовать последствия их идеологически искаженного мировоззрения, с другой – отчужденность, в том числе и от других категорий осужденных, чувство некой исключительности и

ощущение, что «кругом одни враги», могут формировать негативные установки и провоцировать деструктивные поступки, в том числе суициды и демонстративно-шантажные реакции [16, 17].

Обозначенные проблемы легли в теоретическую основу для изучения личности осужденного за преступления экстремистского характера. На базе исправительных учреждений УФСИН России по Томской области было проведено эмпирическое исследование, целью которого явилось определение смысловых установок осужденных, отбывающих уголовные наказания по ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (ч. 1–3) Уголовного кодекса Российской Федерации. Сбор эмпирических данных осуществлялся в рабочих кабинетах пенитенциарных психологов. Психологическая работа с осужденными требует глубокого изучения личности и составления программы с каждым осужденным в течение всего срока пребывания в пенитенциарной среде. Поэтому психодиагностика личности осужденного и изменений, происходящих с ним в ходе отбывания наказания, является одной из центральных в деятельности пенитенциарных психологов. В настоящее время психологические лаборатории пенитенциарных учреждений укомплектованы необходимым набором методик, который содержит стимульный материал (опросник, карточку, бланк); бланк для ответов и первичной обработки данных; ключи для подсчета баллов; методические материалы по обработке результатов тестирования и их интерпретации.

Всего в ходе эмпирического исследования смысловых установок личности осужденных за преступления экстремистской направленности было обследовано 20 осужденных мужского пола, отбывающих уголовные наказания в исправительном учреждении строгого режима по ст. 282 УК РФ.

Согласно полученным социально-демографическим данным, 35 % респондентов имеют высшее образование, 20 % обладают среднеспециальным образованием, 45 % респондентов получили среднее образование. На момент ареста 79 % респондентов работали, 21 % не имели работы. Основные специальности, которыми владеют обследуемые: продавец, экономист, инженер-строитель, таксист, строитель, крановщик. Специфично отношение к семье: 35 % опрошиваемых имеют семью, детей, 65 % предпочитают семье не обзаводиться, чтобы не отвлекаться от основной идеи жизни – служению аллаху. Опрошенные являются гражданами 4 стран: Таджи-

кистан – 5 %, Узбекистан – 5 %, Азербайджан – 15 %, Россия – 75 %. Из числа опрошенных, имеющих российское гражданство, проживали: в Дагестане – 25 %, Чечне – 15 %, Башкортостане – 5 %, Северной Осетии – 5 %, Ингушетии – 5 %, иных областях страны – 45 %. Основные национальности – чеченец, лезгин, аварец, таджик, кумык, ногаец, осетин, русский, ингуш. Возрастная рамка составила от 21 до 44 лет. Это подтверждается ранее проводившимися исследованиями в исправительных учреждениях УФСИН по Томской области [3. С. 8].

Как известно, основным носителем экстремистских тенденций выступает молодежь как наиболее импульсивная и подверженная внешним влияниям часть общества. Наблюдается определенная экстремизация сознания представителей молодого поколения, когда при оценке ситуации преобладают радикализм и агрессия. Стремление решать проблемы и спорные вопросы «кулаками» с применением физической силы свойственно в большей степени молодежи, нежели людям в возрасте. Поэтому экстремистское поведение присуще в основном поколению молодых, что актуализирует проблему молодежного экстремизма и обуславливает необходимость изучения его природы, современных особенностей и главным образом возможностей эффективного противодействия данному феномену с акцентом на его профилактику [11. С. 92–93]. Данный постулат подтверждается тем фактом, что 85 % лиц, осужденных за экстремизм – терроризм являются молодыми людьми в возрасте от 19 до 40 лет. При этом имеющиеся данные исследований, проводимых научным коллективом НИИ ФСИН в период с 2013 по 2015 г., которые посвящены проблеме распространения в исправительных учреждениях экстремистской идеологии, указывают на то, что носители экстремистской субкультуры в местах лишения свободы мало чем отличаются от своих собратьев-экстремистов на воле, но заметно выделяются среди общей массы осужденных, исключение составляют лишь сфера образования и профессии. Осужденные экстремисты так же, как и осужденные других категорий, имеют невысокий образовательный уровень: у 14,9 % – лишь начальное образование, 47,6 % – среднее и 31,4 % – среднее профессиональное образование, остальные – высшее (4,7 %) или незаконченное высшее (1,4 %). В сфере профессии наблюдается схожая картина: 43 % имеют профессии технической направленности (слесари, сантехники, водители автотранспорта, сварщики), 34,3 % – работники сферы услуг и торговли

(менеджеры низшего звена), профессии нет у 22,7 % [6. С. 69]. Таким образом, осуществленный нами социально-демографический срез подтвердил уже имеющуюся информацию, полученную в других исследованиях, касающуюся лиц, совершивших преступления экстремистской направленности и отбывающих уголовное наказание в местах лишения свободы.

В ходе исследования особенностей смысловых установок осужденных за экстремизм применялась система анкетных и проективных методик для диагностического исследования: анкета «Знаете ли Вы, что такое экстремизм?», семантический дифференциал (исследование самооценки), методика выявления характерных качеств своего народа, методика выбора своей позиции в предложенных вариантах, методика персонального мифа Э.И. Мешеряковой, рисуночный тест.

Было сформулировано предположение о том, что у осужденных, отбывающих наказание за преступления экстремистской направленности, преобладают прагматические компоненты в смысловых установках при отсутствии самооценочных составляющих.

Осужденные из числа рассматриваемого контингента в основном не обнаруживали значимых тенденций к избеганию работы с психологом (было несколько отказов). Тем не менее, несмотря на внешне демонстрируемое большинством из них спокойствие, безразличие и даже «независимость», в беседе практически с каждым из них чувствовались напряженность, настороженность, подозрительность. Это проявлялось в осторожности при подборе фраз, паузах, уточнениях вопросов, внешних визуальных маркерах (напряженная поза, бегающий взгляд, стиснутые кулаки и т. д.) [5. С. 65].

В процессе исследования преимущественно были использованы проективные психодиагностические методики, что позволило максимально устранить ожидаемую установку осужденных на дачу социально желаемых ответов, снижающих научную ценность информации, получаемой при использовании стандартных опросников и тестов.

Использование проективных методик было обосновано также тем, что они в большей степени, чем текстовые диагностические опросники, способствуют преодолению языкового барьера, более охотно воспринимаются обследуемыми, меньше утомляют, не позволяют предугадывать трактовки ответов и т.д. [5. С. 63].

Анкета «Знаете ли Вы, что такое экстремизм?» предлагала респондентам обвести кружочком предполагаемые ответы. На данный вопрос 80 % обследуемых ответили утвердительно (да, знаю). По второму вопросу об основных причинах экстремизма 30 % респондентов назвали «целенаправленное разжигание агрессии представителями экстремистски настроенных организаций», 30 % указали на деформацию системы ценностей в современном обществе, 25 % отметили недостаточность правового просвещения граждан в сфере противодействия экстремизму, 10 % недовольны многонациональностью населения, проживающего на территории России. На третий вопрос об оправдании экстремистских действий 75 % испытуемых ответили категорично: «никогда», 20 % посчитали, что можно оправдать экстремизм, если действия позволяют донести какую-то идею до народа, государства. Четвертый вопрос о мотивации вступления в члены экстремистской организации оказался сложным, так как свои мотивы члены экстремистских организаций не озвучивают. Поэтому 70 % указали на «никакие мотивы», 15 % вступили в группу при согласии с позицией этого сообщества. Пятый вопрос об участии в массовых политических собраниях, митингах вызвал резкий отказ: «нет» у 80 % респондентов, 20 % подтвердили участие в санкционированных (законных) митингах. О своей деятельности в беседе с психологом экстремисты не говорят. Такие вопросы их настораживают, они спрашивают: «Зачем об этом расспрашиваете что это вам дает?». Вопрос о проблемах миграции вызвал затруднение у 45 %, 10 % ответили отрицательно, 10 % – положительно, 25 % указали на безразличное отношение к этой проблеме.

На вопрос, испытывают ли негативные чувства по отношению к другим национальностям, 20 % опрошенных подтвердили «да»; 80 % ответили «нет». На вопрос о возможности сосуществования разных религий 15 % ответили: «нет, некоторые религии несовместимы», 70 % считают, что религии не влияют на взаимоотношения людей, остальные затрудняются ответить. По вопросу о своем согласии с выражением «Россия для русских» 70 % респондентов ответили отрицательно и заявили, что Россия многонациональная страна, 10 % указали на то, что каждый народ должен жить на своей территории, 20 % затруднились ответить. Десятый вопрос потребовал оценки себя после осуждения: 65 % опрошенных считают себя жертвой обстоятельств, 30 % признаются в осуждении за терроризм, 10 % гордо называют себя борцом за идею. По-разному ответили респонденты

на вопрос: «Что толкнуло Вас на совершение преступных действий?»: 15 % указали на религиозные причины, 30 % объяснили экстремистскую деятельность желанием привлечь внимание общест-венности, 20 % указали на личные (неприязненные отношения) к определенным лицам, 10 % указали на политические причины дей-ствий. Остальные не указали причины, так как считают это глубоко личным делом. Виноватым в преступлениях экстремистов 55 % рес-пондентов считают самих себя, 25 % винят третьих лиц (провокаато-ров), 10 % перекладывают вину на государство, 10 % видят в своей беде личные причины. В 13-м вопросе анкеты предложено перечис-лить события, которые ассоциируются с экстремизмом, а также ка-кие они вызывают эмоции. Основные ответы: события в Беслане, террористические акты в США 11 сентября 2000 г., события на Майдане в Киеве в феврале 2014 г., взрывы на марафоне в Бостоне 15 апреля 2013 г. В 14-м вопросе требовалось перечислить несколь-ко слов или словосочетаний, которые ассоциируются с понятием «экстремизм». Основные ответы были следующие: страх, контра-банда, оружие, ХАМАС, безответственность, ненависть, боль, авто-мат, холодно, риск, мотоцикл стартует. 15-й вопрос связан с пере-числением нескольких слов или словосочетаний, которые ассоции-руются с понятием «экстремизм как единственный выход». Основные ответы: кто не рискует, тот не пьет шампанское, отсутст-вие разума, тупик, безверие, Саддам Хусейн, недостаток внимания, идея. Последний, 16-й вопрос, был связан с необходимостью назвать несколько слов или словосочетаний, ассоциирующихся с понятием «терроризм». Основные ответы: жертва террора, смерть, зло, убий-ство невинных людей, теракт, взрыв, расизм, метро, национализм, правосудие, ИГИЛ, нерусский, моджахед, борода.

Таким образом, проведенное анкетирование показало, что лица, осужденные за преступления экстремистской направленности, не признают своей вины перед государством, ощущают себя жертвой экстремистской пропаганды (хотя их преступления доказаны судом), выражают недовольство миграционной политикой государства, ко-торая, по их мнению, провоцирует экстремистские настроения у лю-дей. Отмечается слабо выраженная оценка своей позиции по отно-шению к социальным процессам, происходящим в обществе (в том числе негативным, имеющим однозначно деструктивный характер), при этом наблюдается ориентация на внешние источники получения

информации (СМИ, окружающие авторитетные личности, в отдельных случаях – родственники).

Методика выбора социальной позиции опрошенных в определенных ситуациях позволила получить результаты, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Выбор социальной позиции

№ п/п	Вариант ответа	% ответивших из числа обследуемых (n=20)
1	Большинству людей можно доверять	55
	Во взаимодействии с другими нужно соблюдать осторожность	45
2	Люди стремятся быть полезными другим	65
	Люди думают только о себе	35
3	Другие попытались бы меня обмануть, если бы им представилась такая возможность	70
	Другие вели бы себя честно по отношению ко мне	30

При ответе на вопрос о доверии большинству людей 55 % респондентов подтвердили это, 45 % опрошенных считают, что при взаимодействии с людьми нужно соблюдать осторожность. 65 % респондентов уверены, что люди стремятся быть полезными другим, 35 % указали на то, что люди думают только о себе. Предложенная дилемма – «Большинство людей пытались бы обмануть Вас, если бы им представилась такая возможность, или вели себя честно» – позволила 70 % респондентов подтвердить мысль о попытке этих людей обмануть при появившейся возможности. Однако 30 % опрошенных решили, что люди вели бы себя честно.

Полученные ответы указывают на противоречивость позиции экстремистов, что проявляется и в поведении этих людей при решении сложных ситуаций, во взаимоотношениях с другими, совершение обмана, подлога при вербовке новых экстремистов.

Интересными представляются исследования по методике определения наиболее характерных качеств своего народа (табл. 2). Качества определились по 4-балльной шкале, где 1 – данное качество отсутствует, 2 – качество выражено слабо, 3 – качество выражено средне, 4 – качество выражено в полной мере.

Таблица 2

Оценка качеств своего народа

№ п/п	Качество	Ср. значение	Качество	Ср. значение
1	Взаимовыручка	3,3	Разобщенность	2,1
2	Замкнутость	1,8	Открытость	2,9
3	Дисциплинированность	3,2	Своеволие	2,3
4	Агрессивность	2,0	Миролюбие	2,3
5	Верность традициям	3,1	Разрушение традиций	1,9
6	Осторожность	2,9	Склонность к риску	1,9
7	Уважение власти	2,1	Недоверие к власти	2,2
8	Сердечность	3,3	Холодность	1,8
9	Подчинение	2,7	Самостоятельность	3,1
10	Устремленность в прошлое	2,2	Устремленность в будущее	3,2
11	Законопослушность	3,4	Анархия	1,7
12	Уступчивость	3,2	Соперничество	2,6

1. Качества личности, выраженные выше среднего: законопослушность (3,4; среднее), взаимовыручка (3,3; среднее), сердечность (3,3; среднее), дисциплинированность (3,2; среднее), устремленность в будущее (3,2; среднее), уступчивость (3,2; среднее), самостоятельность (3,1; среднее), миролюбие (3,1; среднее), верность традициям (3,1; среднее).

2. Качества личности, выраженные средне: открытость (2,9; среднее), соперничество (2,6; среднее), осторожность (2,9; среднее), подчинение (2,7; среднее).

3. Качества личности, выраженные слабо: замкнутость (1,8; среднее), агрессивность (2,0; среднее), анархия (1,7; среднее), холодность (1,8; среднее), разобщенность (2,1; среднее), своеволие (2,3; среднее), разрушение традиций (1,9; среднее), склонность к риску (1,9; среднее), неведение власти (2,2; среднее), устремление в прошлое (2,2; среднее), уважение власти (2,1; среднее).

Названные качества указывают на интерес опрашиваемых к образу личности из народа, стремление подчеркнуть личностные особенности народа, его уникальность. На это указывает группа ка-

честв, выраженных выше среднего: в беседах осужденные-экстремисты с гордостью говорили о традициях своих народов, о готовности прийти на помощь, о сердечности и миролюбии своих земляков. Недаром они отмечают отрицательные качества как выраженные слабо, как не характерные для большинства. Тем не менее обращает на себя внимание акцентирование респондентов на самостоятельности своего народа, устремленности в будущее. Большая часть осужденных считает, что при проявлении законопослушности и уступчивости в определенных случаях имеет смысл выражать недоверие властным структурам по актуальным вопросам, связанным с национальной идентичностью и самореализацией.

Методика семантического дифференциала (исследования самооценки экстремистов) позволила определить на момент опроса видение себя по 5-балльной шкале:

1. Верно только А (6,8; среднее) – опрашиваемый выбирает утверждения, в которых уверенность в себе, знание выбора, ценности дела.

2. Верно скорее А (2,2; среднее) – опрашиваемый не до конца уверен в соответствии данного положения и своего состояния.

3. Оба утверждения отчасти верны (3,2; среднее) – опрашиваемый согласен с обоими утверждениями частично, они не во всем совпадают с его оценкой самого себя.

4. Верно скорее Б (2,0; среднее) – опрашиваемый не до конца согласен с утверждением, которое не полностью совпадает с его представлениями о себе.

5. Верно только Б (6,4; среднее) – опрашиваемый уверен в соответствии положения своим наблюдениям за собой.

Результаты показывают, что опрашиваемые выбирают в большей степени те утверждения, которые совпадают с их уверенностью в себе, с ощущениями самого себя, правильностью выбора жизненного пути (верно только А – 6,8 или верно только Б – 6,4). Неточность, недосказанность позиции выбирается реже (верно скорее А – 2,2 или верно скорее Б – 2,1). Противоречивость состояний опрашиваемых проявляется в выборе утверждений (оба утверждения отчасти верны – 3,2). С этой категорией респондентов возможна коррекционная работа по изменению смысловых установок в отношении экстремистской деятельности.

Высокий процент совершения уголовно наказуемых «экстремистских» деяний в составе группы свидетельствует о стремлении лиц

к поддержке среди единомышленников, которая помогает почувствовать экстремисту правильность выбора своего пути, – стремления вымещения агрессии путем физического устранения или изгнания врагов для изменения социальной ситуации в обществе. В этом случае можно говорить о реализации механизма психологической защиты, с одной стороны, при одновременной потребности в социальном одобрении – с другой. С этой позицией согласуется точка зрения группы исследователей, которая под руководством Ю.М. Антоняна экспериментально изучила личность этнорелигиозного террориста, показав, что «выявление и клеймение чужого представляет собой рационализацию в виде защитного механизма» [1].

Анализ результатов исследования по методике «Персональный миф» Э.И. Мещеряковой позволил выяснить субъективную частоту и степень доминирования сюжетов и образов, предложенных автором. Отвечая на вопросы, респонденты выбирали из трех вариантов один: 1) «да, часто», 2) «возможно, редко», 3) «нет, никогда».

1. Анализируя предложенные вопросы по содержанию сюжетов и образов мечтаний и фантазий, 65 % респондентов отметили: «да, часто» (5,8 балла – среднее значение). Они в мечтах видят себя успешными, живущими в родных местах, воспринимают действительность бесстрастно, мало переживают о плохом, мечтают о славе, о встрече с Богом, которому бы поведали свои мысли и рассказали о поступках, в мечтах хотят разубедить людей по поводу плохого мнения о себе. Приходят иногда к мысли о бесполезности жизненного пути и др.

2. Отвечая на поставленные вопросы, половина респондентов выбирает ответ «возможно, редко» (4,4 балла – среднее значение). Они представляют себя путешественниками, экстремалами, спорят о пустоте жизни, о том, что если бы захотели, то добились бы большего, иногда надеются в мечтах, что все когда-нибудь сбудется, размышляют об испорченности человека, о его умении скрывать свои пороки, противоречиво оценивают себя то общительным и открытым человеком, то замкнутым и нелюдимым, мечтают об уединении, чтобы никто не мешал.

3. Большая часть респондентов (70 %) отвечают на вопросы «нет, никогда» (6,5 балла – среднее значение). Они считают, что нет смысла в бесплодных мечтаниях и фантазиях, принимают жизнь такой, какая у них складывается, пустые фантазии не сбываются, от этого лишняя душевная боль, не нужно много думать о карьере, ус-

пехах, Аллах сам с тобой распорядится, нет ничего выше его. Многих не беспокоит одиночество, не мечтают о семье, достижениях в делах, так как у них одна слава – служение Аллаху.

Отсутствие мечтаний, стремление к уединению, отход от социальных дел (ненужность семьи, склонение членов семьи к экстремистской деятельности, демонстрация религиозного культа, жестокость в межличностных отношениях) – это показатели принадлежности к идее насилия, идее превосходства «верных» над «неверными».

Имеющиеся результаты исследований показывают, что профессиональной самореализации и идентификации у лиц, осужденных за экстремизм, в процессе отбывания уголовного наказания не происходит, что также находит свое подтверждение в ранее предпринятых исследованиях [7. С. 46].

Предложенный рисуночный тест «Изобразить экстремизм / терроризм» был выполнен не всеми респондентами. 20 % отказались от работы, указав в беседе следующие причины: а) нельзя ничего изображать по закону корана, б) не хотят изображать насилие. Остальные рисунки можно интерпретировать следующим образом:

– Сюжетные: а) автобус, водитель, чемодан со взрывателем, люди около него, вдали террорист с запалом. Все очень схематично, конкретно, человек, рисуящий это, знает ситуацию; б) самолет в небе, с земли стреляет человек из ракеты; в) самолет в небе, 2 башни, цифры 11 сентября 2002; г) люди расстреливают других людей, часть уже мертва, лежит на земле; д) водозабор, деревня, дома, люди отравляют водоем; е) машина на скорости таранит группу людей; ж) метро, вагон, взрывник, взрывает себя и вагон; з) магазин, люди, на полу лежит подрывник, рядом заряд для взрыва; и) автомобиль взорван, человек звонит в милицию из телефонной будки; к) троллейбус с людьми, на улице подрывник с поджигателем.

– Предметные: вертолет, взрыв, граната, автомат, сердце, пропущенное стрелой, самолет в небе, человек с ракетой, целится в небо, человек со взрывателем.

Таким образом, изображая экстремизм, респонденты много не фантазируют, они отражают то, что сами видели, слышали от других респондентов, что сами совершали. При описании рисунков в речи осужденных наблюдается выраженный прагматизм, опора на услышанные в социуме идеи, ценности, верования. В беседах респонденты редко рассказывают или объясняют свою деятельность, не желая

ухудшать мнение о себе, ссылаясь на некомпетентность в этих вопросах собеседника, не желая слушать другую точку зрения.

В результате можно выделить два основных уровня целеполагания экстремистского сознания – внешний и внутренний. Внешний соответствует идеологической основе экстремистской группировки. Внутренний отвечает или психологическим особенностям экстремиста, или его личным интересам. Исследовав эти уровни в каждом конкретном случае, можно будет выработать более эффективные средства противодействия деструктивному экстремизму, так как понимание истинных мотивов и целей позволяет предугадать психологию поведения экстремистского сообщества [4. С. 15].

Изучая личность экстремиста, представляется очевидным составить следующий его обобщенный криминологический портрет: мужчина, по национальности русский; наиболее социально активного возраста – от 24 до 38 лет; обладающий повышенной эмоциональной возбудимостью, социальной дезадаптированностью; склонностью винить в своих трудностях окружающих как реализация механизма психологической защиты, обладающий низким социальным статусом, повышенной агрессивностью и невысоким интеллектуальным уровнем.

Данные, полученные в ходе проведенного эмпирического исследования, позволяют наметить некоторые пути в психологической работе с лицами, осужденными за преступления экстремистского характера, в пенитенциарный период:

1. Для осужденных, отбывающих наказание за террористическую и экстремистскую деятельность, не желательны групповые методы психокоррекционной работы, так как побочным (а иногда и основным) эффектом любой групповой работы является сплочение членов группы, а иногда создание микрогрупп, не всегда поддающихся контролю, особенно в идеологическом аспекте, и иногда конкурирующих друг с другом. Тем более, что в исправительных учреждениях такие осужденные содержатся в ограниченном количестве.

2. Индивидуальная психокоррекционная работа с данной категорией осужденных является перспективной и необходимой:

– нельзя осужденного данной категории оставлять наедине с самим собой, формируя тем самым комплекс «исключительности», делая его поведение малопредсказуемым;

– испытывая ощущение нахождения в окружении «чужих», «среди врагов» (сотрудники ИУ, особенно бывшие в «горячих

точках», могут быть очень негативно настроены в отношении «террористов» и «экстремистов»; «обычные» осужденные также могут отрицательно воспринимать тех, кто «резал наших солдат» и «взрывал наши дома»), осужденные рассматриваемой группы могут глубоко переживать последствия социальной депривации, отчужденности и крайне нуждаются в индивидуальной психологической коррекции;

– трудности наведения первых контактов с осужденными данной категории связаны в первую очередь с их глубоким недоверием ко всем «чужим», особенно к «представителям власти», в том числе пенитенциарным психологам. Поэтому проводить индивидуальную психологическую работу с этим контингентом следует в гражданской одежде, ни в коем случае не в камуфляже, избегать «ярлыков», не желательно проявлять излишний интерес к составу преступления и перипетиям досудебного и судебного разбирательства, не ставить акценты на этнической принадлежности (но учитывать их). Психолога должны интересовать в первую очередь личность осужденного, его личностные проблемы и деформации сознания, а не его вина;

– методы индивидуальной диагностики и техники психологической коррекции, применяемые к осужденным данной группы, существенно отличаются от типовых психокоррекционных программ, предназначенных для групповой работы с осужденными, совершившими иные уголовные преступления.

В целом исследование подтвердило, что экстремизм – это социальная болезнь общества, которой довольно часто подвержены лица морально незрелые, интеллектуально не развитые, преимущественно выходцы из малообеспеченных групп населения, которые склонны винить в своих неудачах других. Все это позволяет говорить о высоком уровне дезадаптивности указанной категории лиц.

Литература

1. Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм. М.: Триада, Лтд, 2005. 196 с.
2. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М.: Юристъ, 2006. 382 с.
3. Бочаров А.В., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В. Многомерная типология осужденных за экстремизм на основе факторного и кластерного анализа результатов психодиагностики // Сибирский психологический журнал. 2015. № 55. С. 107–122.
4. Диль В.А. Современный экстремизм и формы его преодоления: социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2013. 19 с.
5. Казберов П.Н. Особенности психологической работы с осужденными за террористическую и экстремистскую деятельность // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 61–66.

6. Казберов П.Н. Характеристики криминальной субкультуры лиц, осужденных и отбывающих наказание за преступления экстремистской направленности // Прикладная юридическая психология. 2015. № 3. С. 66–74.
7. Казберов П.Н., Бовин Б.Г. Общая характеристика осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности // Психология и право. 2019. № 1. С. 36–53.
8. Мецеракова Э.И., Бохан Т.Г., Ларионова А.В. Учет эвристик маргинальности в психокоррекционной работе с осужденными за экстремизм: антропологический подход // Сибирский психологический журнал. 2014. № 52. С. 104–114.
9. Молчанова Е.П. Ролевая идентичность формальных и неформальных лидеров осужденных. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2010. 150 с.
10. Муращенкова Н.В., Грищенко В.В. Экстремизм как социально-психологическое явление // Национальная безопасность / nota bene. 2014. № 2. С. 338–350.
11. Некрасова Е.В. Молодежный экстремизм и основные направления его профилактики в современном российском обществе // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 3. С. 92–108.
12. Оганесян С.С., Бовин Б.Г., Казберов П.Н., Дикопольцев Д.Е. Проблема распространения религиозного экстремизма в местах лишения свободы // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2019. № 6. С. 51–59.
13. Писарев О.М. Особенности смысловых установок личности в закрытой среде (на примере мест лишения свободы): дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2010. 183 с.
14. Плотников В.В. Экстремизм как феномен современной социальной реальности: институциональные, системные и социоструктурные факторы: дис. ... д-ра соц. наук. Краснодар, 2016. 329 с.
15. Прихожан А.М. Психология сиротства / А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. СПб.: Питер, 2007. 414 с.
16. Программа психолого-педагогического воздействия на осужденных, являющихся носителями религиозных экстремистских убеждений. Москва; Рязань: УСПВРО ФСИН России, Академия ФСИН России, 2014. 44 с.
17. Психокоррекционная программа работы с осужденными, отбывающими наказание за террористическую и экстремистскую деятельность / П.Н. Казберов, В.В. Новиков, К.Ф. Зыкова / УСПВРО ФСИН России, ФКУ НИИ ФСИН России. М., 2014. 52 с.
18. Справочник по работе с заключенными из числа воинствующих экстремистов и предупреждению порождающей насилие радикализации в тюрьмах. Вена; Нью-Йорк: УНП ООН, 2017. URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/Handbook-on-VEPs-RU.pdf (дата обращения: 27.07.2019).
19. Сысоев А.М., Галустян С.А. Основные направления пенитенциарного воздействия на лиц, осужденных за преступления экстремистской направленности и террористического характера // Вестник института. Преступление. Наказание. Исправление. 2010. № 11. С. 18–23.
20. Экстремизм как цивилизационный вызов : кол. монография / науч. ред. В.Ш. Сабиров; Новосиб. гос. архитектур.-строит. ун-т (Сибстрин). Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2012. 419 с.

Глава 5

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Национальный экстремизм – это реалия нашего времени. Данный феномен рассматривают во многих странах, особенно активно с 2010 г., со значительным всплеском научного внимания к проблеме в 2017–2018 гг. Проблема экстремизма и радикализма молодежи остается актуальной в современной культурно-исторической ситуации. В мире отмечается рост количества и разнообразия радикалистских и экстремистских проявлений, что обуславливает интерес исследователей различных областей знаний к изучению причин и сущности обозначенных явлений. Молодое поколение в современном обществе является наиболее активным выразителем настроений протеста против порождаемых отчуждением дегуманизированных, обезличенных форм человеческого существования, что способствует росту социальной мобильности, расширению диалога и достижению взаимопонимания между социальными группами, поколениями, этническими и культурными сообществами. С. Жижек отмечает, что если сначала сопротивление молодежи состояло лишь в «поэтике рассеянной маргинальной, сексуальной, этнической множественности стилей жизни» [3], то сейчас, как предрекал Г. Маркузе, носители протестных молодежных субкультур могут быть катализатором общественных сдвигов [9], и радикалистские действия с их стороны направлены на слом театральной несправедливой реальности и обнаружения подлинного бытия [2]. Нельзя исключать и иррациональные мотивы приверженности молодежи радикализму и экстремизму. Как считал Ч. Ломброзо, физические или психические лишения, которыми подвергаются за свои действия экстремисты, возбуждают романтические фантазии мечтателей и фанатиков, которых больше

среди молодежи по сравнению с другими возрастными группами [7]. В обновляющемся социуме именно молодёжь, являющаяся естественной союзницей нового в его борьбе со старым, оказывается на острие сложных, противоречивых социальных процессов, становясь и первой жертвой, и последним героем своего времени. Испытывая на себе, пожалуй, в большей мере, чем другие социальные слои и группы, давление обусловленных переменами «транзакционных издержек», молодое поколение вырабатывает собственные формы и способы защиты, повышающие запас прочности и расширяющие сферу влияния молодёжных субкультур. В эпоху кардинальных социальных преобразований возникает опасность отклонения обновляющегося общества от магистральной линии мирового развития и даже его движения вспять – в направлении «цивилизационного тупика». В современном сложном, динамично меняющемся мире, испытывающем давление глобальных вызовов и угроз, эта опасность намного возрастает. Это выдвигает задачу эффективного противодействия работающим на такую перспективу негативным общественным настроениям и процессам на основе консолидации всех прогрессивных сил, в том числе альтернативных молодёжных движений и объединений.

Одной из основных сложностей в познании экстремизма является многозначность его трактовок в науке и обществе, что порождает проблему операционализации понятия и выработки единого подхода к пониманию сути этого явления. Обозначенные трудности определяются сложностью самого феномена, его междисциплинарным статусом [4–6, 11–12].

Философское осмысление феномена экстремизма совершается в современном континууме взглядов на социальную и национальную напряженность. В этом плане выделяется концептуальная парадигма понимания экстремизма В.И. Красиковым, рассматривающим экстремизм с социально-психологической точки зрения как явление специфического группового сознания, а с индивидуально-психологической – как проявление человеческой агрессии, и в своей этиологии экстремизм произведен от радикализма. Автор считает, что отличительными особенностями экстремизма от других его многочисленных проявлений являются такие его свойства, как корпоративность, категориальная сознательность и активность отличительного противостояния. Корпоративность подразумевает чувство принадлежности к единой группе, в которой индивиды имеют общие

взгляды и убеждения. Категориальная сознательность в широком философском значении совпадает с понятием свободы воли, понимаемой как возможность сознательного решения и в моральном смысле как высшая степень совести, означающая и умение, способность разбираться в окружающей действительности. К активности отличительного противостояния автор относит те свойства экстремистских действий, за которыми, в отличие от простого эксцесса, выходки, стоит определенная концепция и соответствующая этой концепции референтная группа. По своему содержанию эти философские выводы В.И. Красикова наполняются психологическим содержанием как когнитивный компонент (знания, представления и пр.), эмоционально-оценочный (чувства, эмоции, отношения, самооценка и пр.) и поведенческий (формы и типы поведения, поступки, отношение к ним и пр.). Автор определяет экстремизм как своеобразный жизненный стиль с присущим ему самовыражением во взглядах на мир, общество, ценности, взаимоотношения с «другими», это «...определенные мировоззренческие установки в сознании человека, представляющие мир в состоянии непрерывной внутренней разорванности и конфронтации по онтологически-ценностным основаниям...». Автор характеризует внутреннюю структуру экстремизма тремя паттернами ее образования: 1) паттерн структурной оценки мира, который выражается в дуальности оценки мира «хорошо–плохо»; 2) паттерн установления нового жизненного идеала «избранный, спасающий» – формирование самоидентификации и мировоззрения, отличающегося от других; 3) паттерн выработки социального проекта, заключающийся в трансцендировании основ социального мира, «выход за пределы» его как несовершенного [6. С. 85].

Самые яркие проявления экстремизма и радикализма обнаруживаются в межнациональном взаимодействии. Межнациональные отношения – очень тонкая материя. Нарушение или ущемление национальных интересов, дискриминация отдельных наций порождают чрезвычайно сложные проблемы и конфликты. В современном мире, в том числе и в России, существуют межнациональные конфликты, вызванные различными причинами: территориальными спорами; исторически возникшей напряженностью в отношениях между народами; политикой дискриминации, проводимой господствующей нацией в отношении малых наций и народов; попытками национальных политических элит использовать национальные чувства в целях собственной популярности; стремлении народов к выходу из многонационального государства и к созданию

собственной государственности. Национальное взаимодействие зачастую порождает напряжение, которое и трансформируется в национальный экстремизм, выражающийся в утверждении превосходства и исключительности определенной нации или расы над другими и проявляющийся в разжигании национальной нетерпимости, дискриминации в отношении представителей иных народов. Для Российского государства, исторически сложившегося как многонациональное и многоконфессиональное, национальный экстремизм, ксенофобия, этнический негативизм и другие формы проявления экстремизма несут особую опасность. Они вносят раскол в российское общество и нарушают межнациональное и гражданское согласие.

Для исследования величины проблемы национального экстремизма (определения актуальности и уровня изученности) нами было осуществлено библиометрическое исследование документально-информационного потока статей на основе базы данных Scopus (реферативная база данных издательства Elsevier). Библиометрический анализ был осуществлен по наибольшему весу публикаций по странам, вузам и годам. При анализе ведущих мировых научных изданий на предмет представленности проблемы национального экстремизма в мировых практиках на первом месте оказались США, Россия и Великобритания по количеству публикаций, рассматривающих настоящую проблему (рис. 1).

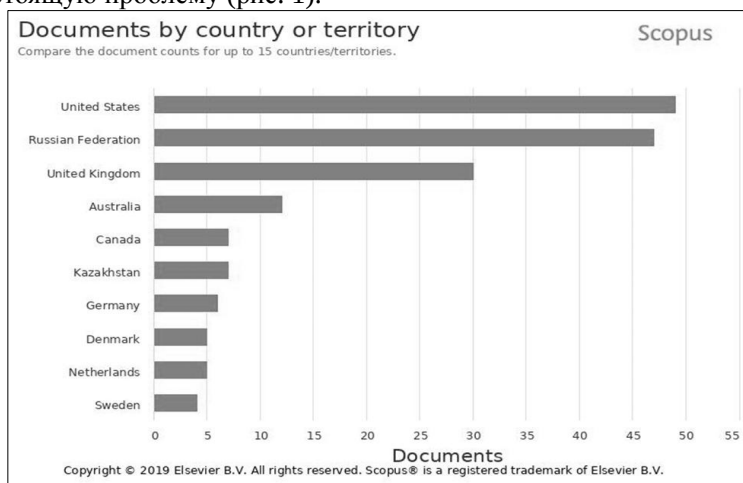

Рис. 1. Исследование национального экстремизма по странам

Анализ на предмет представленности проблемы национального экстремизма в мировых практиках в рамках социальных наук также выявил динамику и рост интереса ученых к данной проблеме с 2010 г. (рис. 2)

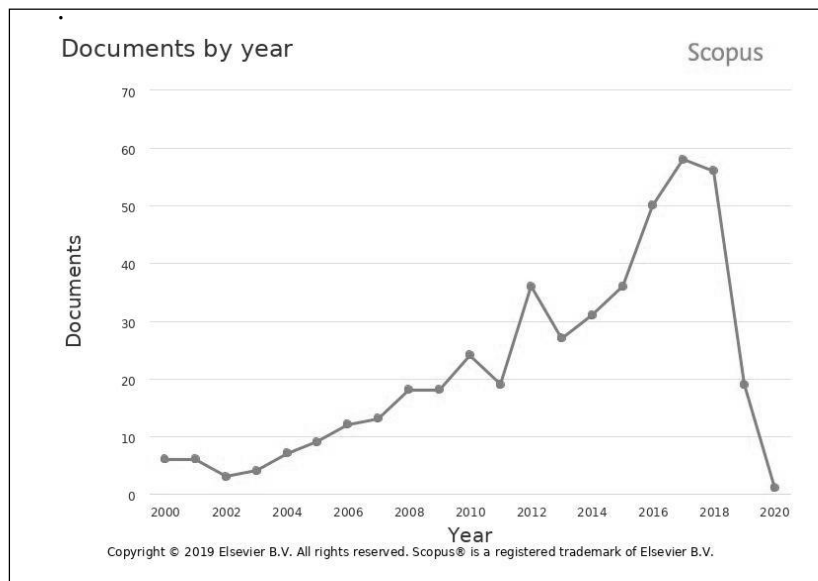

Рис. 2. Исследование национального экстремизма по годам

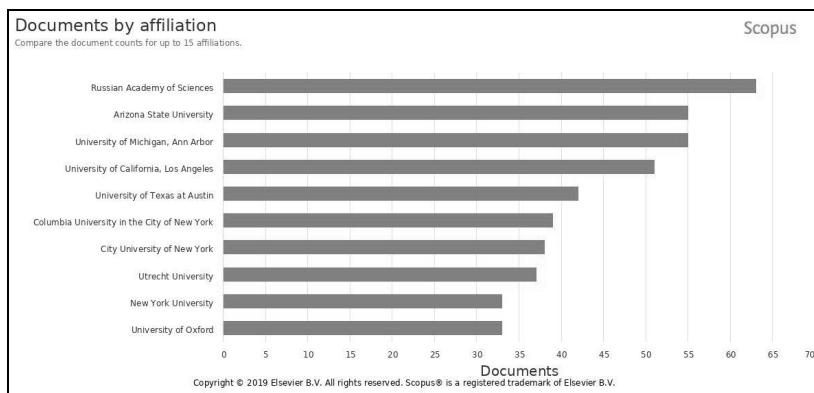

Рис. 3. Количество публикаций по проблеме этнической идентичности в различных научных организациях

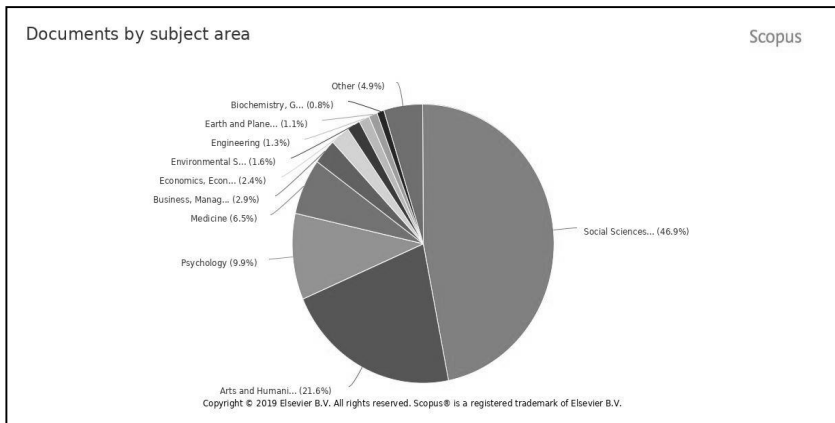

Рис. 4. Исследования этнической идентичности по отраслям знаний

Проведенное библиометрическое исследование показало, что весомое место в проблеме национального экстремизма и смежных проблем (ксенофобия, национализм, расизм и др.) занимает проблема этнической идентичности. Социальные аспекты этноидентичности личности в эпоху этнических катаклизмов и национального самоопределения общества в своем содержании обнаруживают совокупность взаимосвязанных представлений и суждений об общественном бытии, об этносе, представляют этническую составляющую в целостной картине мира и соответственно в Я-концепции и Я-образе личности. В частности, нами выявлены наиболее заинтересованные научные организации и университеты в рассмотрении проблем этнической идентичности. По количеству публикаций в базах SCOPUS Российская академия наук занимает первое место, что свидетельствует о потребности российского общества в научной рефлексии данного феномена (рис. 3–4).

Анализ отечественных исследований по проблеме национально-го экстремизма показал, что в настоящее время накоплено достаточное количество работ, раскрывающих феномен национального экстремизма, хотя до начала 1990-х гг. экстремизм рассматривался исключительно как феномен западных обществ, порожденный кризисом капиталистической системы. Отечественными исследователями единогласно признается, что предпосылкой и фактором формирования современных молодежных экстремистских образований, присоединения к ним новых носителей является осознание потенци-

альными носителями и создателями либо тотальности социального отчуждения, царящего в современном мире, либо отдельных его моментов. Отказываясь принять такое положение вещей, часть молодых людей пытается изменить мир и одновременно осознанно либо неосознанно ищет единомышленников – людей с похожим мировосприятием, идеями, ценностями и целями.

К числу факторов социальной жизни, которые выступают причиной экстремизма, исследователи относят достаточно широкий перечень социальных процессов. В их числе, как правило, называются социально-экономические кризисы; деформация политических институтов; резкое падение жизненного уровня; безработица; ухудшение социальных перспектив значительной части населения; чувство социальной и личной нереализованности, неполноты бытия, страх перед будущим; подавление властями оппозиции, инакомыслия; блокирование легитимной самостоятельности индивида; исторические обиды; религиозная рознь и дискриминация; амбиции лидеров политических партий; стремление социальных и политических элит и лидеров использовать национальный или религиозный фактор для достижения своих корпоративных целей и удовлетворения личных интересов; ориентация лидеров и факторов политического процесса на экстремальные средства политической деятельности. По мнению аналитиков, к числу особенностей современного бытия, вызвавших экстремизм, исследователи причисляют слом сложившихся социальных структур; обнищание массовых групп населения; экономический и социальный кризис, ухудшающий условия жизни большинства населения; ослабление государственной власти и дискредитацию ее институтов; падение исполнительской дисциплины; рост антисоциальных проявлений; распад прежней системы ценностей; нарастание чувства ущемления национального достоинства и незащищенность населения, дезорганизацию общества, социально-экономические кризисы, продуцирующие падение жизненного уровня значительной части населения; активизацию миграционных процессов; кризис семьи; кризис образования, наконец, кризис Я-идентичности [1, 8].

О.М. Шевченко приходит к выводу о существовании функциональной связи идентичности и ксенофобии, которая проявляется в том, что ксенофобия задает «горизонт» группового сознания «мы – они», «свой – чужие», используя недоверие, страх, ненависть к «чужим» как основу социальной консолидации [13–14]. Автор выделяет

одну из основных сущностных характеристик ксенофобии – это формирование идентичности через противопоставляемые оценки «свои – чужие» и конструирование враждебности по отношению к идентифицируемым «чужим» через различные системы: язык, религию, национальность, мировоззрение и т.д. Причины формирования негативной идентичности в отношении «чужого» обусловлены масштабами глобализации культуры, которая дезориентирует человека и затрудняет поиск ориентиров формирования собственной идентичности, что приводит к естественным защитным реакциям в виде сохранения собственной локальной культуры через отвержение «чужого».

В отечественных исследованиях обнаруживаются социально-психологические и социологические работы, исследующие механизм воспроизводства и меры социального контроля национального экстремизма. Авторы указывают, что многообразнейшие причины появления и распространения экстремизма выявляются во всех сферах общественной жизни – в экономике, культуре, социальной сфере, собственно политической сфере, а также в личностных характеристиках людей. Вместе с тем исследователи признают отсутствие единого набора социальных и психологических факторов, порождающих экстремизм в любой социальной среде. В каждом конкретном случае, в каждом отдельном примере возникновения экстремизма социальные факторы из числа приведенных выше причин экстремизма играют различную роль, но исследователями выделяется фактор этнической идентичности, а экстремизм рассматривается как следствие социальных и культурных противоречий современного общества.

В зарубежной научной литературе экстремизм рассматривается как совокупность правовых установок, авторитарных настроений, воинствующей ксенофобии и т.д., т.е. на культурно-ценностном, «додеятельностном» уровне, что, несомненно, расширяет горизонт видения проблемы. Многочисленные работы зарубежных исследователей посвящены выявлению причин национального экстремизма и смежных с ним проблем. Такие феномены, как этнические конфликты, ксенофобия, этническая идентичность, межнациональные конфликты, экстремизм и радикализм, рассматриваются многими учеными социальных наук. К примеру, Lars-Erik Cederman подчеркивает обусловленность этно-националистических конфликтов неравенством социальных групп в сфере политики и экономики [23].

На основании теории социальной дезорганизации S.J. Piatkowska, A.A. Hövermann, исследовавшие культуру антагонизма и преступлений, совершенных по мотивам расовой предвзятости в 44 регионах 7 европейских стран, выявили влияние антииммигрантских настроений и этнической дискриминации на создание враждебного социального климата, ксенофобии и преступлений на расовой почве. Основная идея их исследования состоит в том, что ксенофобия и преступления на расовой почве чаще распространены в социумах с низким уровнем социальной интеграции, тем самым ученые подтвердили теорию социальной дезорганизации [26]. E.C. Hope, R. Gugwor, K.N. Riddick, K.N. Pender выявили связи между расовой дискриминацией темнокожих молодых людей и их дальнейшим стремлением либо к активной позиции, либо к обращению к национализму в своем сообществе. Если наблюдалась расово-культурная дискриминация на микроуровне, то расоцентристская и националистская идеология принимала формы активизма с низким уровнем риска в темнокожем сообществе. Однако проявление расовой дискриминации на макроуровне (в рамках различных институтов общества) подвигало молодежь к активности с высокой степенью риска [20]. В исследовании L.C. Hoyt, A. Goldin патриотического аспекта в политической идеологии и дискриминации между различными группами США показана мощная роль внутригруппового фаворитизма в американских межгрупповых предубеждениях в отношении этнических меньшинств. Показано, что политическая идеология является сильным предиктором предвзятости в распределении ресурсов, и этот эффект опосредован американским патриотизмом, а не предрассудками или национализмом, что связь между патриотизмом и предвзятостью в отношении к какой-либо национальной группе опосредована более сильной ассоциацией «американец = белый» [21].

Исследователь D. Gadd, опираясь на работы З. Фрейда о трауре и меланхолии как основном психологическом ответе человека на потерю, объясняет расовую ненависть и нетерпимость в Великобритании на основании найденной корреляции между расовой ненавистью и невосполнимыми личными потерями, людей с личными потерями и травмами, а также с потерей человеком любви, уважения и безопасности в обществе [17]. Часто в качестве причин межнациональных конфликтов исследователи обращают внимание на стремительно развивающиеся современные технологии и глобализацию,

которые по-разному влияют на различные культуры. В частности, в исследовании А. Imge «Трансляция свободы в нелиберальной Восточной Европе» показаны конфликт и созависимость между распространением открытых цифровых платформ и нежизнеспособностью парадигмы неолиберального свободного рынка в данных странах. Автор приходит к выводу о том, что данный конфликт спровоцировал рост национализма, ксенофобии и авторитаризма в странах Восточной Европы [22].

Интересным представляется исследование ученых из Бельгии М. De Waele, J.R. Lieven Pauwels «Почему фламандская молодежь участвует в праворадикальных деструктивных группах?». Опираясь на теоретические и эмпирические данные об участии молодежи в бандах и насильственных экстремистских группах, исследование направлено на создание комплексной основы для изучения членства в деструктивных группах правого толка. Методологической основой исследования стали теория несправедливости, теория социальной идентичности, теория самоконтроля и теория социального обучения. Представлена интегрированная модель, которая подчеркивает важную роль воспринимаемой несправедливости, аномии, авторитаризма и поведения, ищущего острых ощущений, для понимания мотивов членства в праворадикальных деструктивных группах. Модель также позволяет исследовать связь вышеперечисленных факторов с опосредующими установками, такими как чувство превосходства, национализм и этноцентризм [16]. Социальную интеграцию рассматривает южно-африканский ученый S. Gordon, который отмечает явно выраженную связь между вовлечением и активным участием в антимиграционной деятельности (бойкоты и демонстрации) и применением насилия на почве ксенофобии [18].

В мировой практике профилактики межнациональных конфликтов в молодежной среде выделяется исследование S. Ozer, P. Bertelsen, R. Singla, Schwartz S.J. о согласовании и обсуждении молодежью ладакхи (этнос некоторых регионов Индии) своей культурной идентичности в контексте глобальной аккультурации. Авторы приходят к выводу об актуализации и реализации следующих основных технологий для позитивного межкультурного взаимодействия и аккультурации: внутреннее (внутрирегиональное) взаимодействие посредством медиа, обсуждения, открытых диалогов; внешнее взаимодействие посредством туризма и иностранных студентов. Были выявлены многоаспектность и динамика в процессе

аккультурации этноса ладакхи в глобальное пространство [25]. В статье F. Mansouri, L. Kirpitchenko рассматриваются проявления понятия активной гражданской позиции в контексте опыта молодых мигрантов. Основное внимание уделяется практике активной гражданской позиции через участие в социальных сетях и творческую гражданскую активность. В статье рассматривается сложный и многогранный характер отношений молодых мигрантов к социальным сетям. Выявлено, что характер использования социальных сетей зависит от специфики местной среды, типа затрагиваемых социальных проблем и культурных норм собственного культурного наследия. Основные эмпирические данные получены на основе количественных и качественных исследований, проведенных в молодежной среде мигрантов африканского, арабоязычного и тихоокеанского происхождения в Австралии. Эти эмпирические данные используются для изучения изменяющихся представлений об активной гражданской позиции среди молодых мигрантов и возможностей, предлагаемых нетрадиционными сетями для стимулирования гражданской активности и социального участия [24].

Швейцарские исследователи Noti A. Haenni, S. Heinzmann, M. Müller, A. Buholzer, изучавшие влияние стратегий аккультурации студентов-мигрантов на их психосоциальную адаптацию и успешность в обучении, сосредоточили внимание на сравнении студентов с итальянским, португальским и албанским миграционным фоном, поскольку эти три группы отличаются по своим социально-экономическим условиям жизни, образовательным ресурсам и возможностям в Швейцарии согласно официальной статистике. Что касается стратегий аккультурации, то результаты частично подтверждают гипотезу интеграции: студенты-иммигранты, ориентированные на свою культуру, и студенты, ориентированные как на свою культуру, так и на культуру большинства (интеграция), а также заинтересованные в развитии мультикультурной среды, имеют лучшую психосоциальную адаптацию, чем студенты, не ориентированные ни на какую культуру (или маргинализация) [19]. L.E. Captari, L. Shannonhouse, J.N. Hook, рассматривая проблемы миграции и беженцев из Сирии в США, выявили основные пути развития толерантности и терпимости принимающего сообщества с помощью религиозных и общественных организаций. Они сделали предположение о том, что систематическое введение технологий «культурного смирения» и «моральных устоев» в общественные институты обу-

словит позитивную динамику отношения к беженцам принимающим сообществом [15].

В итоге под национальным экстремизмом, который исследуется европейскими учеными, понимаются не только агрессивные действия и насилие над представителями других национальностей, но и негативные установки, ненависть, неприязнь, одобрение радикальных действий по отношению к ним. Такой экстремизм, существующий на более глубоком, культурно-ценностном, «додеятельностном» уровне, выражается в виде установок, настроений, убеждений, ориентаций. Обзор актуальных зарубежных публикаций по тематизации и концептуальному оформлению проблемы национального экстремизма показал, что она рассматривается под разным углом зрения и что раскрытие генезиса, причин, идейных истоков, сущности, структуры и динамики национального экстремизма подчинены задаче его профилактики согласно выявленным причинам и особенностям. Как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях утверждается, что в сфере межнациональных отношений экстремизм выражается в утверждении превосходства и исключительности определенной нации или расы и направлен на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов. Направленность проявления экстремистской активности может осуществляться как от титульной нации по отношению к периферийной, так и наоборот. Экстремизм в сфере межэтнических отношений, в основе которого лежат националистические идеи и содержанием которого является конфликт между представителями разных национальностей, порождает проблему отношения к своей нации и иным народам, т.е. проблему этнической идентичности. Как утверждает R. Sennet, в настоящее время «мы» – это «акт самозащиты, желание сообщества, основанное на стремлении защитить себя» [27].

В психологическом аспекте и в отечественных, и в зарубежных исследованиях по проблеме национального экстремизма звучит мотив этноидентичности, понимаемой как переживание личностью своего тождества с этнической общностью и превращающей слабое «Я» в сильное «Мы» (Стефаненко, 1999). С целью изучения особенностей этнической идентичности (этноидентичности) современной студенческой молодежи с признаками национальной напряженности было организовано исследование, проходившее в период с 2014 по 2018 г. Выборку исследования составили 368 студентов российских

вузов (Томск, Санкт-Петербург, Екатеринбург) различной специализации в возрасте от 18 до 26 лет.

В исследовании были применены следующие методы: анкетирование, направленное на определение отношения молодежи к представителям других национальностей; тест «Культурно-ценностный дифференциал» Солдатовой, Кузнецова и Рыжовой, направленный на изучение групповых ценностных ориентаций собственной национальной группы в различных сферах жизненной активности: ориентации на группу, ориентации на власть, ориентации друг на друга и ориентации на изменения [12]; тест самодетерминации личности Б. Шелдона (в адаптации и модификации Е.Н. Осина, 2011), диагностирующий способность индивида определять ход собственной жизни, включающий компоненты автономии (уверенность в возможности выбора в жизненных ситуациях) и самовыражения (переживание жизни как соответствующей собственным желаниям, потребностям и ценностям). Обработка данных осуществлялась с помощью программы Statistica 8.0.

На первом этапе исследования были проанализированы ответы студентов на вопросы анкеты с целью выделения группы с признаками национальной напряженности. Критериями вхождения в группу с признаками национальной напряженности являлись: негативные эмоции в отношении представителей других национальностей, напряжение в отношении представителей другого вероисповедания, отрицательное отношение к процессу миграции. Результаты опроса показали, что 62 % студентов не испытывают негативных чувств по отношению к представителям других национальностей, 22 % ответили, что отдельные нации этого заслуживают, 9 % ответили утвердительно, 7 % ответили «другое». При этом 72 % студентов считают, что представители разных религий могут сосуществовать мирно, 13 % ответили отрицательно, 13 % затруднились дать ответ, 29 % ответили «другое». 33 % респондентов безразлично относятся к росту миграции в России. 22 % ответили, что миграция благоприятно влияет на демографию и экономику нашей страны. 20 % студентов ответили, что относятся к росту миграции отрицательно. 20 % опрошенных затруднились ответить, лишь 5 % студентов ответили, что относятся положительно [10].

Далее исследовались характеристики этноидентичности через дифференцированную оценку собственной национальности по следующим критериям: ориентация на группу – на себя, открытость –

сопротивляемость переменам, направленность – отвержение взаимодействия, сильный – слабый социальный контроль. К дополнительным характеристиками идентичности были отнесены автономность и стремление к самовыражению. Средние значения представлены в таблице.

Среднее значение показателей шкал методик в группе с повышенной национальной напряженностью

Переменные	Среднее	Minimum	Maximum	Std.Dev.
Автономия	34,49	22	49	6,35
Самовыражение	39,87	24	50	6,53
Ориентация на группу	8,23	5	12	1,62
Ориентация на себя	7,17	3	12	1,64
Сопротивление переменам	6,82	3	11	1,52
Открытость переменам	8,6	4	12	1,89
Направленность на взаимодействие	7,78	4	12	1,82
Отвержение взаимодействия	8,02	3	12	2,03
Сильный социальный контроль	6,17	3	12	1,98
Слабый социальный контроль	8,45	3	12	1,65

Как видно из таблицы, показатели выше средних значений свойственны шкалам «Ориентация на группу», «Открытость переменам», «Слабый социальный контроль». Эти данные корреспондируют с выводами ряда исследователей о существовании функциональной связи идентичности и ксенофобии, и что причины формирования негативной идентичности в отношении «чужого» обусловлены масштабами глобализации культуры, которая дезориентирует человека и затрудняет поиск ориентиров формирования собственной идентичности, что приводит к естественным защитным реакциям в виде сохранения собственной локальной культуры через отвержение «чужого». Подобная тенденция согласовывается с утверждением R. Sennett, что в настоящее время «мы» – это «акт самозащиты, желание сообщества, основанное на стремлении защитить себя» [27]. Экстремистские установки, убеждения, идеи, взгляды распространены в обществе гораздо шире, чем открытые проявления агрессии и

ненависти, и присутствуют во всех слоях общества. Такой «неактуализованный» экстремизм, будучи «растворенным» в общественном сознании, создает основу социальной напряженности. Не менее важно и то, что, формируя повседневный фон, на котором протекает регулярная деятельность индивидов, латентный экстремизм оказывает влияние на социализацию и мировосприятие молодого поколения, самовоспроизводясь в будущих поколениях.

Полученные результаты исследования могут отчасти объяснить потребность современного молодого поколения в поиске сильной референтной группы для защиты собственной личности и формирования идентичности. Как показывают события современности, сильная группа зачастую ассоциируется с насилием, враждебными, агрессивными настроениями и конфликтным отношением к меньшинствам (воспринимаемые как более слабые), которые отличаются по тем или иным признакам – национальным, религиозным, миграционным и т.д. Экстремистская направленность детерминруется личностными особенностями и потребностью такого рода взаимодействия с действительностью, а объект этой направленности находится в социальной реальности и определяется актуальными проблемами страны в данный исторический момент развития.

Дихотомия и противоречивость в показателях этноидентичности могут свидетельствовать о несформированном образе себя как представителя своей национальности, о «размытости» маркеров собственной культуры в сознании испытуемых. Отсутствие сформированной собственной этноидентичности может быть причиной этнической напряженности, так как нет чувства защищенности этнической группой (нацией, государством).

Выводы

1. В прежние годы сопротивление молодежи состояло в поэтизации множественности стилей жизни, но сейчас их протесты могут быть катализатором общественных сдвигов.
2. Сегодняшние протесты молодежи направлены на обнаружение подлинного бытия молодежных субкультур и создание альтернативной социокультурной среды.
3. Не исключаются и иррациональные возрастные мотивы приращенности молодежи радикализму и экстремизму.

4. Национальное взаимодействие зачастую порождает напряжение, которое и трансформируется в национальный экстремизм, выражающийся в утверждении превосходства и исключительности определенной нации или расы над другими и проявляющийся в разжигании национальной нетерпимости, дискриминации в отношении представителей иных народов.

5. Анализ национального экстремизма с целью его профилактики в молодежной среде в различных странах и регионах показал основные направления исследований – это приоритет профилактической стратегии противодействия национальному экстремизму, которое осуществляется в едином поле сущностных представлений о его генезисе, идейных истоках, сущности, структуре и динамике.

6. Ведущую роль в профилактике экстремизации и радикализации молодежи должны занимать не правоохранительные органы, а образовательные и культурные организации, органы местного самоуправления, средства массовой информации, активная позиция которых должна включать психологический критерий и быть направлена на формирование структур мировоззрения и выстраивания самоидентичности.

Литература

1. *Арефьев Л.Ю.* Определение состояния преступности и криминологическое прогнозирование: учеб.-практ. пособие / А.Ю. Арефьев, А.И. Волков, А.А. Глухова. Н. Новгород, 2000. 58 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
3. *Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню Реального / пер. с англ. А. Смирного. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. 160 с.
4. *Зинченко Ю.П.* Террористический акт как экстремальная ситуация в обществе рисков / Ю.П. Зинченко, Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 98–111.
5. *Корнилов Т.А.* Возникновение, развитие и понятие экстремизма // Российский следователь. 2011. № 17. С. 23–25.
6. *Красиков В.И.* В экстриме. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов радикального сознания. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 496 с.
7. *Ломброзо Ч.* Собрание сочинений / Преступный человек. СПб.: Мидгард, 2005. 877 с.
8. *Маркова Ю.В.* Предупреждение преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних экстремистской направленности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 25 с.
9. *Маркузе Г.* Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. А. Юдина и др. М.: REFL-book, 1994. 341 с.
10. *Рогачева Т.В., Бохан Т.Г., Ларионова А.В.* Фактор этнической напряженности в контексте экстремистской направленности молодежи // Гуманитарные научные исследо-

вания. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/01/8786> (дата обращения: 29.06.2019).

11. Сальников Е.В. Экстремистское насилие в обществе: феномен, сущность, стратегии социального бытия: дис. ... д-ра филос. наук. Краснодар, 2015. 351 с.

12. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.

13. Шевченко О.М. Ксенофобия: сущность и виды в эпохи домодерна, модерна, позднего модерна: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет». Ростов н/Д, 2014. 59 с.

14. Шевченко О.М., Штоффер Л.Л. Национальная безопасность России и роль моделей идентичности в её обеспечении // Гуманитарий Юга России. 2016. № 6. С. 186–198.

15. Captari L.E., Shannnonhouse L., Hook J.N. Prejudicial and Welcoming Attitudes toward Syrian Refugees: The Roles of Cultural Humility and Moral Foundations // Journal of Psychology and Theology. 2019. Vol. 47 (2). P. 123–139. DOI: 10.1177/0091647119837013

16. De Waele M., Lieven Pauwels J.R. Why do Flemish youth participate in right-wing disruptive groups? // Gang Transitions and Transformations in an International Context. 2016. P. 173–200. DOI: 10.1007/978-3-319-29602-9_10

17. Gadd D. Racial hatred and unmourned loss // Sociological Research Online. 2010. Vol. 15 (3). DOI: 10.5153/sro.2208

18. Gordon S. A violent minority? A quantitative analysis of those engaged in anti-immigrant violence in South Africa // South African Geographical Journal. 2019. Vol. 101, Iss. 2. P. 269–283.

19. Haenni Hoti A., Heinzmann S., Müller M., Buholzer A. Psychosocial Adaptation and School Success of Italian, Portuguese and Albanian Students in Switzerland: Disentangling Migration Background, Acculturation and the School Context // Journal of International Migration and Integration. 2017. Vol. 18 (1). P. 85–106. DOI: 10.1007/s12134-015-0461-x

20. Hope E.C., Gugwor R., Riddick K.N., Pender K.N. Engaged Against the Machine: Institutional and Cultural Racial Discrimination and Racial Identity as Predictors of Activism Orientation among Black Youth // American Journal of Community Psychology. 2019. Vol. 63 (1–2). P. 61–72. DOI: 10.1002/ajcp.12303

21. Hoyt L.C., Goldin A. Political ideology and American intergroup discrimination: A patriotism perspective // Journal of Social Psychology. 2016. Vol. 156 (4). P. 369–381. DOI: 10.1080/00224545.2015.1106434

22. Imre A. Streaming freedom in illiberal Eastern Europe // Critical Studies in Television. 2019. Vol. 14 (2). P. 170–186. DOI: 10.1177/1749602019837775

23. Lars-Erik Cederman. Julian Wucherpfennig Inequalities Between Ethnic Groups, Conflict, and Political Organizations // Formerly Global Review of Ethnopolitics. 2017. Vol. 16, Iss. 1. P. 21–27. DOI: 10.1080/17449057.2016.1235342

24. Mansouri F., Kirpitchenko L. Practices of active citizenship among migrant youth: beyond conventionalities // Social Identities. 2016. Vol. 22 (3). P. 307–323. DOI: 10.1080/13504630.2015.1119680

25. Ozer S., Bertelsen P., Singla R., Schwartz S.J. “Grab your culture and walk with the global”: Ladakhi students’ negotiation of cultural identity in the context of globalization-based acculturation // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2017. Vol. 48 (3). P. 294–318. DOI: 10.1177/0022022116687394

26. Piatkowska S.J., Hövermann A.A. Culture of Hostility and Crime Motivated by Bias: A Cross-National Multilevel Analysis of Structural Influences // International Criminal Justice Review. 2019. Vol. 29 (2). P. 141–167. DOI: 10.1177/1057567718772332

27. Sennett R. The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. London, 1998. P. 138.

28. Zinchenko Y.P. Extremism from the perspective of a system approach // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. № 7 (1). P. 23–33.

Глава 6

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АНАЛИЗА ЭКСТРЕМИСТСКОГО ВИДЕОРЯДА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Смена социально-политического курса, произошедшая в России в начале 90-х гг., послужила причиной целого ряда изменений в социальной, политической и экономической сферах, что привело, в свою очередь, к формированию новых задач и соответственно новых направлений лингвистики. Появление новых коммуникационных технологий и последовавшее за этим изменение социальных коммуникаций в обществе приводит к значительно большей информационной свободе, что влечет за собой, с одной стороны, открытость информации, с другой – возможность ее искажения, дезинформирования. Следствием этого стало возникновение информационных споров, которые решались посредством судебного вмешательства. Активизация юридических процессов, связанных с документационными и информационными спорами, сформировала потребность в лингвистическом консультировании в судебно-экспертной деятельности или судебной лингвистической экспертизе – применении лингвистических знаний в практических целях. Основой лингвистической экспертизы является проведение научного исследования определенного текста (в широком понимании) с целью его экспертной оценки по значимому для судебного разбирательства параметру. Как пишут авторы «Памятки по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы», «в современной России на всех уровнях социальной жизни общества крепнет понимание, что за слова надо отвечать не в меньшей мере, чем за дела. Текст, речевые произведения все шире используются как *Corpus delicti*, так как

в них содержатся объективные признаки преступления, совершенного посредством речи»¹.

Авторы сборника «Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов» отмечают следующее: «За 2004–2005 годы эксперты ГЛЭДИС провели в Москве и регионах России десятки исследований спорных текстов печатных и электронных средств массовой информации по запросам судов, следственных органов, адвокатов и юристов редакций». Таким образом, в настоящее время экспертная лингвистическая оценка является одной из активно развивающихся направлений деятельности. Можно говорить о следующих ее видах: правовая экспертиза – по делам о защите чести и достоинства; по делам о клевете; по делам о разжигании межнациональной розни; по делам о порнографии; лингвокриминалистическая экспертиза – по делам, связанным с нарушением Уголовного кодекса.

При этом эксперты и исследователи, работающие в этой области, отмечают, что «цели, задачи междисциплинарного филологического исследования спорного текста в рамках судебной и внесудебной лингвистической экспертизы одни и те же: объективный научный анализ текста в соответствии с вопросами, поставленными в запросе о проведении лингвистической экспертизы спорного текста, строго в рамках компетенции лингвистов-экспертов»². Особенно значимым это условие становится при решении одной из наиболее актуальных задач в современной лингвистической экспертизе – оценке спорного текста в аспекте экстремистской деятельности.

Сложность и нестабильность современной социальной реальности приводят к тому, что при необходимой для каждого человека попытке мировоззренческого самоопределения, без которого невозможна личностная самоидентификация, он оказывается в ситуации труднейшего выбора. Широчайший спектр мировоззренческих установок, наблюдаемый в современном мире, ставит субъекта такого выбора перед сложнейшей задачей освоения новых для него идеологических практик. Однако в мировоззренческом поле каждого социума существуют давно практикуемые им идеологемы, сформированные еще на предыдущих этапах развития общества и обуслов-

¹ *Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульты / под ред. М.В. Горбаневского. М.: Медя, 2004. С. 7.*

² *Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / под ред. М.В. Горбаневского. М.: Престиж, 2005. С. 15.*

ленные старыми типами социальных отношений. К одной из таких идеологических практик, как думается, может быть отнесена ксенофобия, порождающая, в свою очередь, агрессивное, экстремистское поведение по отношению к представителям другой национальной культуры, нетолерантное, нетерпимое отношение к ним. Это, безусловно, одна из значительных социальных проблем настоящего периода развития нашего общества, повлекшая за собой изменение законодательства и появление ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», а затем дополнение в 2002 г.: ст. 282-1 «Организация экстремистского общества» и 282-2 «Организация деятельности экстремистской организации».

Активизация экстремистской деятельности во многом стала возможной за счет развития и повсеместного распространения новых средств коммуникации, позволяющих вступать в социальные контакты и организовывать социальные сообщества с легкостью, обусловленной только доступом к технологиям. Такой доступной средой коммуникации стал Интернет. Он появился в 90-е гг. XX в. и быстро стал одной из наиболее востребованных коммуникативных областей: ежегодно численность пользователей этого коммуникативного пространства растет, оно активно развивается. Данные сайта «Вся статистика Интернета на 2019 год – в мире и в России» показывают, что количество российских интернет-пользователей в январе 2019 г. составляло порядка 109,6 млн – 76 % населения России, а аудитория молодых пользователей достигает 97 %¹.

Это говорит о том, что в настоящее время Интернет осмысливается как открытая коммуникативная среда, доступное и активно используемое социальное пространство, поэтому процессы, происходящие в современном обществе, находят отражение в новом коммуникативном формате². Следует, однако, при этом учитывать специфику организации взаимодействия в этой области. Технологические параметры обуславливают дискурсивные параметры интернет-коммуникации. К таковым могут быть отнесены: свобода выбора on-line пространства (электронного ресурса, предоставляющего базу для коммуникации); свобода выбора собеседника, вследствие чего каж-

¹ *Вся статистика Интернета на 2019 год – в мире и в России* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/>

² *Cybercultures. Critical concepts in media and cultural studies* / ed. by D. Bell. Vol. 3. New York; London: Routledge, 2008. 471 p.

дый участник данной коммуникации подвергается риску навязывания общения; свобода выбора темы общения, что влечет за собой возможность некорректного, с точки зрения социальной приемлемости, речевого поведения; возможность анонимности и соответственно сокрытия реального облика, ухода от социальной ответственности за неприемлемые действия в данном пространстве.

Все это создает ощущение значительно большей социальной свободы, что способствует менее официальному поведению интернет-пользователей, в частности, более открытому высказыванию своих взглядов. Г.Н. Трофимова¹ предлагает следующую классификацию интернет-топосов: информационные, коммуникационные, развлекательные и инструментальные, отмечая, что наиболее ранними являются коммуникационные ресурсы – сеть Интернет возникла как первая коммуникационная среда, упростившая общение для обитателей Силиконовой долины.

Современные коммуникационные ресурсы Интернета разнообразны, к таковым относятся: почтовые сервисы, чаты и форумы, обслуживающие сферы общения разной степени официальности – от совершенно свободных площадок до ресурсов, размещенных на сайтах официальных организаций. К этому же типу ресурсов можно отнести достаточно новое образование – социальные сети². Термин «социальные сети» появился в работе социолога Дж. Барнса в 1954 г. для обозначения системы социальных коммуникаций³, через полвека эта метафора была реализована в виде on-line сервисов, предназначенных для неформального общения. Этот вид интернет-коммуникации отличается возможностью свободного вхождения в коммуникацию при условии обязательной регистрации пользователя в Сети. Коммуникация в социальных сетях, как правило, является продолжением реальных контактов в виртуальном топосе.

Социальные сети в России – очень популярный коммуникативный ресурс. Российская аудитория соцсетей составляет 49 % от общей численности населения – всего активных пользователей соцме-

¹ Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты) / Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, Общество любителей российской словесности. 2-е изд., испр. и доп. М.: РУДН, 2009. 436 с.

² Зильберман Н.Н., Мишанкина Н.А. «Советское» в рефлексии пользователей социальных сетей // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 39–56.

³ Barnes J.A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. № 7. P. 39–58.

диа у нас 70 млн человек. По данным SimilarWeb, в России самой популярной является социальная сеть vk.com – «ВКонтакте»¹.

Цель сообщения в социальных сетях – вступление в межличностную коммуникацию, установление контакта для неофициального, непринужденного общения, обсуждение общих интересов. В качестве основных функций такой коммуникации можно назвать следующие: контактоустанавливающая – вступить в социальное взаимодействие; информативная – сообщить какую-либо значимую информацию; консолидирующая – сформировать социальную группу, разделяющую какие-либо общие интересы, реализующую общие задачи; императивная – инициировать адресата на совершение каких-либо действий. Сервис «ВКонтакте» предоставляет возможность участвовать в сетевых сообществах без ограничения тематики общения, поэтому можно говорить о том, что интерес к определенной теме в этой коммуникативной среде является результатом выбора самих пользователей. Сервис предоставляет разные регистры общения: от открытого (записи на стене) до приватного (личные сообщения). Как правило, пользователи социальных сетей, в отличие от участников чатов и форумов, представляются в рамках этого пространства своим настоящим именем, чтобы продолжить в виртуальном топосе свои реальные социальные контакты, но возможность квазианонимности сохраняется и в данном случае: пользователь имеет возможность создать ложный аккаунт². В то же время степень информационной открытости у участников коммуникации не равна, так как не все из них размещают на своей странице свое изображение, предоставляют личные данные о себе. Каждый из пользователей социальной сети может сформировать информационное наполнение своей страницы в соответствии с собственными интересами или инициировать создание сообщества для обсуждения какой-либо интересующей его проблемы. Пользователи активно участвуют в такой деятельности: поисковые запросы о сообществах «ВКонтакте» позволяют оценить востребованность той или иной проблематики. Например, 15.08.2019 г. на запрос «Ислам» была получена выдача объемом более 6 000 сообществ. Анонимность и возможность активной социальной, пропагандистской деятельности открывают путь для создания информационных ресурсов и сообществ экстремистского типа, где размещаются различного

¹ Вся статистика Интернета на 2019 год.

² Зильберман Н.Н., Мишанкина Н.А. Указ. соч.

рода фото- и видеоматериалы, содержащие информацию, попадающую под ст. 282 УК РФ.

Теория и практика лингвокриминалистической экспертизы такого материала и выступает объектом нашего описания.

О.Е. Зеленина и П.Е. Сулонов рассматривают вопрос установления факта наличия признаков экстремизма в спорном материале как вопрос о его смысловом содержании, «способном генерировать отрицательную эмоциональную установку по отношению к группе или индивиду, побуждая к действиям против индивидов или группы, нарушая их права и свободы, нанося им ущерб»¹. Исследователи предлагают учитывать следующие параметры:

- истинность приводимых фактов;
- наличие в тексте фактов сознательного искажения представлений о специфике национальных или религиозных групп;
- наличие в тексте языковых структур, выражающих эмоциональную оценку, оскорбление религиозных и национальных святынь;
- наличие выражений, пропагандирующих исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;
- экспликация адресата текста;
- экспликация объекта описания – указание на конкретную национальную, религиозную, расовую, половую, языковую или социальную группу, в адрес которой приводятся высказывания;
- наличие установки на принципиальное противоречие, несовместимость социальных, национальных, религиозных групп;
- нарушение логической структуры аргументации;
- наличие в тексте особых языковых средств эстетического воздействия: художественных образов и символов;
- доказательство факта публичности распространяемых материалов².

Соглашаясь в целом с приведённым списком, внесем некоторые уточнения методологического характера и расставим акценты относительно значимости приведенных параметров, сформулированные

¹ Зеленина О.В., Сулонов П.Е. Методика выявления признаков экстремизма. Процессуальные исследования (экспертизы) аудио-, видео- и печатных материалов: научн.-практ. пособие. Екатеринбург, 2009. С. 42.

² Зеленина О.В., Сулонов П.Е. Указ. соч.. С. 42–52.

на основе практики экспертизы спорных в аспекте экстремизма материалов.

Полагаем, что первым и наиболее значимым параметром должно стать *доказательство факта публичности* распространяемых материалов. Именно факт публичности, открытой доступности материалов делает их потенциальную аудиторию неограниченной – ознакомиться и получить информацию, содержащуюся в них, может любой человек, в том числе личностно незрелый, не несущий ответственности за свои социальные действия.

Ресурсы, лицензированные как средства массовой информации (в том числе и электронные, сетевые), берут на себя и соответственно несут ответственность за публичное распространение информации. Поэтому контент таких ресурсов тщательно отбирается также и в отношении его правовой корректности. Размещение информации в социальных сетях только в последнее время стало рассматриваться как публикация, т.е. размещение в публичном открытом пространстве. Одним из критериев при оценке степени публичности электронного ресурса стала статистика посещений и подписчиков. Таким образом, факт размещения материалов в открытом доступе на странице пользователя или сообщества социальной сети считается доказательством факта публичности распространяемых материалов. Полагаем, кроме того, что при анализе видеоматериалов следует обратить внимание не только на факт публичного размещения материалов, но и на *характер их использования*. В частности, если учитывать среду функционирования размещённых материалов как целостного коммуникативного образования (Интернет – сфера массовых коммуникаций), то можно утверждать, что они начинают выполнять *агитационную, пропагандистскую функцию*, так как представляют собой «распространение среди широкого круга лиц идей, взглядов, представлений или побуждений к действиям, направленным на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды»¹, даже в том случае, если они не относятся к жанру призыва².

¹ Савельев А. Методические рекомендации о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды. Экстремистские преступления в общей картине преступности в России // Национальная газета. 2002. № 8–12 (58–62).

² Призыв – это «речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем говорящий и адресат являются политическими субъектами или их представителями, а сам

Следующий по значимости параметр – указание в тексте на личность, в адрес которой приводятся высказывания, ее принадлежность к конкретной национальной, религиозной, расовой, половой, языковой или социальной группе, или *экспликация объекта описания*. Выполнение этого условия, по нашему мнению, должно быть столь же обязательным, что реализовано далеко не во всех экспертных исследованиях. В работе Е.И. Галяшиной¹ особое внимание уделяется вопросу о «фантомных», имплицитных смыслах, выявляемых экспертом при анализе текста. Эта проблема в целом остро стоит перед каждым исследователем-лингвистом и филологом, но особое значение она имеет в экспертной деятельности. Именно поэтому постоянно дискутируется вопрос о методах, которые могут быть применены исследователем-экспертом, и особое значение имеет объективированность текстовой информации – материальное, знаковое выражение тех или иных смыслов. В том числе обозначение объекта, того, в отношении которого осуществляется экстремистская деятельность: «призывы и стремление к насилию, возбуждение ненависти, вражды или унижение достоинства в связи с принадлежностью к определенной группе (национальной, религиозной, социальной). Деяние в данном случае рассматривается как целенаправленное речевое изложение мысли и иные формы передачи информации языковыми или изобразительными средствами»².

В качестве иллюстрации может быть приведен анализ целого ряда видеофайлов, размещенных ранее на странице сообщества «N...» в социальной сети «ВКонтакте»³.

Спорные материалы содержали разные данные для лингвистического анализа. Каждый из роликов представлял собой довольно стандартный видеоряд: сцены физического нападения молодого мужчины (или пары молодых мужчин) на людей. Как правило, это действие осуществлялось на улице при довольно слабом освещении, лиц нападавших, а также лиц их жертв не было видно. Как правило, видеоряд сопровождали краткие письменные и устные высказывания. Приведем в качестве иллюстрации тексты одной из таких видеозаписей.

речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации» [6. С. 420].

¹ Галяшина Е.И. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р.С. Белкина) // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12, № 3. С. 33–39.

² Зеленина О.В., Суслинов П.Е. Указ. соч. С. 7.

³ В настоящее время ресурс заблокирован.

Видеозапись первая (продолжительность 00.02.20).

Первый кадр, на котором мужчина в маске произносит следующий текст: *В это раз посылаю привет вам от «N...». (неразборчиво) Валера Садчиков, будь верен своей идее, двигайся только вперед, носи ножички в кармане (неразборчиво) не попадайся мусорам, все будет зиг хайль!*

Надпись: «N... *Sibiria*». *Угар и насилие. 2017.*

И еще разочек.

Данный молодой человек, получив два удара, в воспитательных целях, за то, что гулял в нетрезвом виде, решил нас проучить и полез в карман за «ништяками». В итоге получил в е... и словил колото-режущее под ребро ☺

Еще подарили немного радости персонажу, который прилег поспать у нас на глазах и не хотел просыпаться.

Надпись: Мам, мне ко второй.

Надпись: *Уже в твоём городе. «N... Сибирь». 2017.*

В данном случае, как и во всех приведенных материалах, безусловно, содержалась информация об агрессивных намерениях, фактах применения насилия по отношению к другим людям: *Наступило лето, а это значит, что будет больше насилия, вандализма и разных шалостей; А тут туп летит с 6 ступенек головой в асфальт; Данный молодой человек, получив два удара, в воспитательных целях, за то, что гулял в нетрезвом виде, решил нас проучить и полез в карман за «ништяками». В итоге получил в е... и словил колото-режущее под ребро.* Но без уточнения признаков пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно по принадлежности к какой-либо социальной группе. Именно поэтому они не могли быть рассмотрены как материалы, содержащие информацию об экстремистской деятельности в лингвистическом аспекте.

Только два ролика «N... – Начало» и «N... – тик-так» – содержали вербальные единицы инвективного характера¹, которые могли бы быть проинтерпретированы как оценочные, выражающие негативную оценку человека или группы лиц по признаку расы, нацио-

¹ *Инвективная лексика* – «бранная речь – лексика, употребление которой содержит намерение оскорбить или унижить адресата речи или третье лицо. К инвективной лексике относятся прежде всего слова и выражения, употребление которых в общении нарушает нормы общественной морали. Это могут быть как слова жаргонные, диалектные, просторечные, так и слова, относящиеся к собственно литературному языку (употребление литературных слов типа *подлец*, *мерзавец* в конкретной ситуации общения противоречит нормам общественной морали в неменьшей степени)» [43. С. 25].

нальности, языка, происхождения. Приведем их вербальную составляющую для иллюстрации.

Видеозапись вторая.

«N... – **Начало**» (продолжительность 00.01.40) содержит следующую вербальную информацию.

Надпись: «N...».

Первый кадр, на котором молодой мужчина произносит следующий текст: *Аллах (неразборчиво) акбар. N..., зиг хайль.*

Видеоряд: сцены разбивания видеокамер.

Надпись: *По пути на тренировку встретили местных обывал и решили одарить их весенним настроением ☺*

Надпись: *Помогли **чурке** дойти до подъезда*

Надпись: *А этому гражданину пожелали «сладких снов».*

Надпись: *На этом наша дружелюбная деятельность заканчивается... Ну, почти ☺*

В кадре два мужчины: молодой и более взрослый.

Молодой обращается к взрослому с текстом: *Сюда смотри, я сказал!*

Делает указательный жест рукой по направлению к камере, затем резко ударяет его по лицу.

Надпись: **Sibirian. Offender.**

«N... – **тик-так**» (продолжительность 00.01.47).

Первый кадр, на котором представлен фрагмент городской улицы, звучит текст: *N..., привет! Из Новосибирска.*

Надпись: N...

Надпись: *Пистолет УДАР М-2*

Надпись: *Уничтожать камеры – правильно, а камеры **хачевских** ломбардов – правильно вдвойне!*

Видеоряд: сцены уничтожения видеокамер, сцены физического нападения молодого мужчины (или пары молодых мужчин) на людей. Лиц не видно.

Надпись: **Сибирь: 2017. N...**

Прокомментируем эти видеозаписи. Тексты на заставках файлов «N... – **Начало**» (00.00.35), «N... – **тик-так**» (00.00.51) содержат негативную оценку человека или группы лиц по признаку национальности. Выражена эта оценка номинациями «чурка», значение которой зафиксировано в толковом словаре русского языка как инвективное: «З. Грубо. Презрительное наименование выходца с Кавказа,

Закавказья или Средней Азии»¹, и «хачевский», значение которой не зафиксировано в словаре, но является производным от слова «хачик» – метонимического варианта имени собственного (Хачик – уменьшительный вариант от имени Хачатур), традиционного для армянской культуры и используемого в качестве оценочной номинации. Таким образом уничижительно-презрительно именуются люди, принадлежащие к кавказским и закавказским этносам. Эта лексическая единица представлена в Национальном корпусе русского языка именно как инвективная, выражающая резко отрицательную оценку:

Чартерный спецрейс. Впереди сидел хачик. Падла в грязных ботинках [Вадим Месяц. Лечение электричеством // Урал. 2002].

Ви, русские, хотите, чтобы я, хачик, знал свое место. [Мария Трещанская. Лабиринт. На московском рынке кто-то находит нужные вещи, а кто-то – теряет себя // Известия. 2001. 8 дек.].

Обе эти номинации в коннотативной зоне содержат негативную оценку, являются инвективными (оскорбительными), и в соответствии с этим высказывание может быть расценено как **содержащее** негативную оценку человека или группы лиц по признакам национальности.

Полагаем, что экстремистские смыслы (связанные с негативной оценкой и побуждением к враждебным (насильственным, деструктивным) действиям одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношению к религии, а равно по принадлежности к какой-либо социальной группе) могут возникнуть вследствие имплицативных выводов на основе информации, полученной при рассмотрении всех видеороликов как целостного информационного массива, однако такой подход рассматривается в литературе как весьма спорный². В вербальном компоненте, если рассматривать его изолированно, таковые смыслы не эксплицированы.

С объективированностью экстремистской информации связан следующий значимый параметр анализа – **выявление наличия / отсутствия в текстах видеоматериалов высказываний, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической и экстремистской деятельности, либо высказываний, оправды-**

¹ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года [Электронный ресурс]. <http://gramota.ru/slovari/dic/?bts=x&ag=x&ab=x&dv=x&az=x&pe=x&word=%D1%87%D1%83%D1%80%D0%BA%D0%B0>

² Галишина Е.И. Указ. соч.

вающих их осуществление. Материал, безусловно, может быть квалифицирован как экстремистский, если таковые высказывания присутствуют в вербальном компоненте видеоролика. «Существенным здесь является насильственный характер действий или призывов к таким действиям. К таковым относятся **призывы к убийству, избиению или выселению** лиц определенной национальности или вероисповедания, организация, совершение или подстрекательство к таковым действиям. Подобные действия должны носить публичный характер и быть направлены на соответствующую религиозную, национальную или социальную группу. Поэтому данный признак не имеет отношения к межличностным конфликтам на бытовой почве, когда стороны в качестве средства оскорбить друг друга используют этнические или иные личные характеристики»¹. Подобные материалы были размещены на уже упомянутом выше ресурсе социальной сети «ВКонтакте». Рассмотрим, каким образом реализована данная коммуникативная интенция в вербальной составляющей видеороликов «Кто мы? ВОЛКИ!», «Адольф Гитлер, человек, который пошел против банка», «Гори, гори, гори, жидяра», «RGD 88-Тимур, мы помним тебя нам похуй на антифа».

Видеоролик «**Кто мы? ВОЛКИ!**» (продолжительность 00.00.27) представляет собой бытовую видеозапись и содержит высказывания, напрямую соотносимые с жанром призыва:

Видеоряд: на экране молодой человек с обнаженным торсом, говорит в камеру:

Снимать? Отчизну Руси! Мочи хачей! Зиг хайль! Зиг хайль! Зиг хайль!

Одновременно делает жест, характеризующий его принадлежность к нацистскому движению.

Задаёт вопрос: *Кто мы?*

Отвечает женский голос: *Волки!*

Что нам надо?

Крови!

Троекратно повторяют: *Зиг хайль! Зиг хайль! Зиг хайль!*

Мужчина кричит нечленораздельно.

Вербальная составляющая данного файла позволяет заключить, что в нем напрямую выражено побуждение, призывающие к враждебным (насильственным, деструктивным) действиям русских по отношению к представителям кавказских и закавказских этносов.

¹ Зеленина О.В., Сулонов П.Е. Указ. соч. С. 9.

Этот призыв вербально реализован в высказывании «*Мочи хачей!*», содержащем повелительную форму (призыв, побуждение) грубо-просторечного, жаргонного глагола *мочить*, представленного в словарях русского языка следующим образом: МОЧИТЬ, мочу, мочишь; 4. Жарг. Убивать. *Когда его м. будем?*¹. Таким образом, данное высказывание можно расценивать как призыв к убийству лиц, принадлежащих к кавказской и закавказской этнокультуре. Кроме того, в номинации «хачи», которое является производным от слова «хач» / «хачик» (см. пояснение выше), объективирована негативная вербальная оценка человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии – кавказской национальности. Об это свидетельствует использование слова «хачи».

Файл «**Адольф Гитлер, человек, который пошел против банка**» достаточно значителен по продолжительности – 06 мин 13 с. Он представляет собой микрофильм, имеющий сюжет, логическую структуру и композицию.

В данном случае в качестве высказывания может быть рассмотрен письменный текст титров, который содержит негативную оценку человека или группы лиц по признакам национальности и отношения к религии, а равно по принадлежности к какой-либо социальной группе (профессиональной), а также содержит **призывы** к враждебным (насильственным, деструктивным) действиям одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам национальности, отношения к религии, по принадлежности к профессиональной группе. Такой группой, судя по тексту, объявлены люди, имеющие национальность «еврей», финансисты, принадлежащие к религиозной конфессии иудаизма. Об этом свидетельствует активное использование символа, маркирующего принадлежность к иудаизму, – шестиконечной звезды Давида, а также многочисленные вербальные маркеры: *Jude; Евреи!; Эти евреи привыкли смеяться над этим; борьба против евреев; и так, всемогущее еврейство объявило нам войну.*

Кроме того, текст титров представляет собой высказывание, в рамках которого формируется негативная оценка людей еврейской национальности, формируется представление о том, что они угрожают безопасности жителей Европы.

¹ Большой толковый словарь русского языка.

*Согласились ли вы, чтобы вас грабили?
Достаточно ли вы глупы, чтобы тихо стоять и смотреть, как
вас грабят?*

Евреи!

*Это небольшая, безродная международная клика
Которая направляет людей друг против друга и не желает
им мира*

они могут подавить нас!

Они могут убить нас, если хотите!

они могут подавить нас!

Эти евреи привыкли смеяться над этим

Дьявольская сила

Захватила всю нашу страну

*Заняла не только ключевые позиции нашей интеллектуальной и
духовной жизни*

Но и политической и экономической жизни

*На этих ключевых позициях она смогла **управлять и манипули-**
ровать всей страной*

... и так, всемогущее еврейство объявило нам войну

В тексте содержится открытый призыв к враждебным (насилен-
ным, деструктивным) действиям лиц европейского происхожде-
ния по отношению к лицам, объединенным по признакам расы, на-
циональности, языка, происхождения, отношения к религии – евре-
ям.

Титры: ***Европа** поднимется*

И мы сделаем это снова

Поднимитесь белые люди

*Объединитесь **против еврейской тирании***

И сражайтесь за свой народ!

Я пошел против ~~банки~~ евреев!

*Пожалуйста, загружайте и делитесь этим видео на блогах и
каналах*

Сделайте правду эпидемией

Призыв к уничтожению евреев реализован в открытой форме
(хотя и в несколько ином жанре) в видеоролике «**Гори, гори, гори,
жидяра!**» (продолжительность 02 мин 28 с), представляющем быто-
вую видеозапись исполнения песни группой людей. Интерес для
лингвистического анализа представляет текст песни, который в от-
крытой форме содержит высказывания, выражающие негативную

оценку лиц с точки зрения их национальной принадлежности – евреев. Слово «жид» представлено в словарях русского языка, приводим его значение: ЖИД, -а; м. Разг.-сниж. Презрительное название еврея¹. От него образовано производное «жидяра», имеющее еще более негативную коннотацию. Данная единица не представлена в словарях, но обращение к Национальному корпусу русского языка позволило выявить целый ряд контекстов употребления этого слова. Контексты употребления свидетельствуют о наличии коннотативной зоны, которая содержит негативную оценку, за счет чего лексема является инвективной (оскорбительной) и в соответствии с этим высказывание может быть расценено как **содержащее** негативную оценку человека или группы лиц по признаку национальности.

В тексте выражается положительная оценка действий лиц, направленных на осуществление враждебных действий по отношению к лицам еврейской национальности:

С нами вождь в одном строю.

*Он **спасает** родину мою!..*

Нам, товарищ, повезло:

Мы сжигаем мировое зло!

Такова наша судьба,

Такова борьба!

В тексте содержится прямой призыв к уничтожению лиц еврейской национальности путем сожжения. Информация эта содержится в многократно повторяемых (10 повторов) фразах припева песни:

Ты гори, гори, гори, жидяра! Йо-хо-хо!

Ты гори, гори, гори, еврей!

Таким образом, вербальная составляющая данного файла позволяет заключить, что в нем объективирована в конкретных языковых единицах негативная оценка человека или группы лиц по признаку национальности (**жидяра**), положительная оценка враждебных действий одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признаку еврейской национальности (**Мы сжигаем мировое зло!**), содержатся побуждения, призывающие к враждебным (насильственным, деструктивным) действиям одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединенных по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, – еврейской национальности.

¹ *Большой толковый словарь русского языка.*

Публичные призывы к осуществлению террористической и экстремистской деятельности либо высказывания, оправдывающие их осуществление, могут быть не прямыми, но выступать в комплексе с другими смыслами, приводящими в итоге к идее экстремистской деятельности. И в данном случае необходимо обращать внимание на языковые выражения, связанные с передачей информации об исключительности, превосходстве либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, установки на принципиальное противоречие, несовместимость социальных, национальных, религиозных групп. Зачастую такая информация связана с сознательным искажением представлений о специфике национальных или религиозных групп, негативной эмоциональной оценкой культурных традиций и обычаев, оскорблением религиозных и национальных святынь. Рассмотрим материал, в котором лингвистический анализ позволил выявить такой косвенный призыв.

На исследование был представлен видеофайл *«За нашу свободу и вашу»* (продолжительность 2 мин 44 с), размещенный пользователем А. на персональной странице социальной сети «ВКонтакте» в 2010 г. (описание «Амир ИК Докку абу Усман и Абу Суфьян Осень 2010. Отрывок» содержит обращение членов бандподполья, действующих на территории Северо-Кавказского региона). Там же были опубликованы видеофайлы «Ислам победит» (описание: «Социальное видео, запрещенное к показу на ТВ»), «Шахид». Видеоролик «За нашу свободу и вашу» содержал бытовую запись выступления немолодого человека в военной форме перед вооруженными людьми в камуфляжной одежде и масках. Текст данного видеосюжета представляет собой монологическое высказывание указанного мужчины. Жанр данного монолога может быть определен как обращение, содержащее призыв. Жанр призыва обозначается самим говорящим уже в первой фразе обращения: *Я призываю вас к серьезному полноценному труду, призываю вас к терпению*. Но здесь же присутствует указание на ту деятельность, к которой автор сообщения призывает его адресата: *труд, терпение*, без уточнения какого рода труд имеется в виду. Вместе с тем визуализация адресатов текста – молодых мужчин в военное форме и с оружием – позволяет говорить о том, что имеется в виду именно военная деятельность (см. *ратный труд*). Далее в тексте появляются уточнения, дающие возможность предполагать именно такую интерпретацию: *Потому, что враг, который*

противостоит нам, он очень коварный, очень грязный и очень подлый. Лексема «враг» актуализирует фреймовую структуру «война».

В целом смысловое содержание монолога представляет собой трехчастную структуру. Первая часть обращения направлена на определение отношений между адресатами сообщения, между адресатами и эмиром: *Особенно к терпению друг друга и не искать ошибки друг у друга, а тем более у эмира своего. Подчиняться ему во всем. Слушаться его и трудиться.* Эмир – исторически владетельный княжеский титул в некоторых мусульманских странах Востока, так как слово происходит от араб. «повелитель», то имеет еще одно значение – повелитель, предводитель¹. Отсюда мы можем сделать вывод, что речь идет о некотором социальном образовании, социальной группе, имеющей иерархическую структуру. И слушающие, адресаты текста, и говорящий, его адресант, принадлежат к этой группе, о чем свидетельствует последовательное употребление местоимений в форме 1-го лица множественного числа: *нам, мы, наши* и т.п.

Необходимость подобного типа взаимодействия объясняется в основной части монолога. Пояснительная функция этой части маркируется союзом *потому, что...* Обоснованием типа отношений в социальном образовании является характер объединения – противостояние врагу. Дальнейший текст посвящен описанию этого *врага*. В первом предложении формируется образ врага на основании прямого указания его свойств (*очень коварный, очень грязный и очень подлый*). Языковые единицы, использованные для номинации свойств, относятся к группе оценочной лексики, маркирующей негативную оценку: *КОВАРНЫЙ* – обладающий коварством. *КОВАРСТВО*, -а, ср. Злонамеренность, прикрытая показным доброжелательством; *ПОДЛЫЙ*, -ая, -ое; подл. -а, -о. Низкий в нравственном отношении, бесчестный. *П. человек. П. поступок; ГЯЗНЫЙ*, -ая, -ое; -зен, -зна, -зно, -зны. 1. Покрытый грязью, запачканный, нечистый. *Г. двор. Г. пол. Грязное бельё. Грязно* (нареч.) *писать. На улице грязно* (в знач. сказ.). 2. перен. Безнравственный, аморальный. *Грязная личность. Г. анекдот. Грязно* (нареч.) *говорить о женщинах. Грязная игра* (недостойные интриги). *Грязная война* (агрессивная и позорная)².

¹ Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М., 2006.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2000.

Но при этом напрямую референт лексической единицы «враг» не обозначен в тексте. Формируется только его образ через систему указаний на его свойства, отношение к нему других людей, его действия и локализацию:

– отношение к нему других людей: *Не только вы его не любите, его не любит собственный народ* – данное высказывание позволяет уточнить, что референт лексемы «враг» имеет **иную** этническую принадлежность, нежели автор сообщения и его адресаты. Отношение «не любите», таким образом, обусловлено не только и не столько этнической разницей, но чем-то другим, так как этнически близкие *врагу* люди относятся к нему так же – *не любят*;

– отношение и локализация: *В России его не любят, но ничто не могут сделать* – следующее высказывание позволяет уточнить территориальную локализацию и этническую (государственную?) принадлежность *врага* – это *Россия*. В данном высказывании присутствует указание на то, что народ России не только его не любит, но при этом желает изменить существующую ситуацию, но лишен этой возможности.

В следующей синтаксической структуре содержится информация, поясняющая ситуацию, описываемую в предыдущей: *потому, что они силой сели на них, эксплуатируют их, унижают их, убивают их – и так они держаться у власти*. Стоит обратить внимание на то, что если ранее референт лексемы «враг» выступал как единичный объект (*враг, он*), то в этом предложении объект становится множественным (*они*). Вследствие этого создается смысловая неопределенность, нечеткая референция: *потому, что они силой сели на них, эксплуатируют их, унижают их, убивают их – и так они держаться у власти*. Однако указание на причинно-следственные связи двух ситуаций (*потому, что*) позволяют восстановить логическую структуру выражения: *народ России не любит врага, потому что враг силой сел на них, эксплуатирует их, унижает их, убивает их – и так держится у власти*. Данные действия *врага* оцениваются негативно. Кроме этого, в тексте содержится упоминание о прошедших трагических событиях, связанных с террористическими актами в Норд-Осте и Беслане. При этом именно *врагу*, но уже как множественному объекту (*они*) приписывается деструктивное действие, связанное с лишением жизни множественного объекта *народ России*, выражаемое глаголом *убивать*: *Ведь они убивали их в Бислане, они убивали их в Норд-Осте, они убивали...*

В данном случае представлена иная интерпретация трагических событий, связанных с террористическими актами, нежели описанная российскими СМИ. Автор сообщения в качестве объекта, ответственного за эти трагические события, виновного в гибели множества людей, выдвигает референт, обозначенный ранее в тексте лексемой «враг», несмотря на то, что официально ответственность за названные теракты была возложена на террористические организации. При этом автор сообщения вносит уточнение в отношении характера действий объекта «враг»: *они провоцировали тех, которые сражались за свои земли, чтоб те появились там, в Москве и в Бислане. А потом они убивали своих и чужих и всех подряд. Вот они – убийцы настоящие*. Таким образом, автор, с одной стороны, определяет реального субъекта террористических действий (*тех, которые сражались за свои земли*), но при этом смещает фокус ответственности на множественный объект «враг», определяя характер его действий как провокацию (*они провоцировали тех, которые сражались за свои земли*) и убийство (*А потом они убивали своих и чужих и всех подряд. Вот они – убийцы настоящие*).

Итак, проведенный анализ позволил сделать выводы о смысловом содержании текста, интенциях автора и наличии экстремистского призыва. Коммуникативная цель автора сообщения – обращение с целью призыва, агитации к террористической деятельности. Коммуникативная цель видеосюжета в целом – публичный (в силу размещения на интернет-сайте) призыв к террористической деятельности. В тексте данного видеосюжета содержатся публичные призывы к осуществлению террористической и экстремистской деятельности в форме призыва к освобождению народа России от *врага* – российских властей и реализации возможностей для мусульман исповедовать чистый ислам. Кроме того, в тексте данного видеосюжета содержатся высказывания, оправдывающие осуществление террористической и экстремистской деятельности, так как здесь дается резкая негативная характеристика свойствам и деятельности российских властей. На них возлагается ответственность за трагические события, связанные с террористическими актами в Беслане и Норд-Осте. В тексте содержатся призывы к силовому вмешательству в деятельность российских властей, во внутреннюю политику России, что является отступлением от соблюдения основных норм и принципов Конституции РФ.

В то же время в тексте нет высказываний, направленных на пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их национальной, социальной, расовой, религиозной или языковой принадлежности. Напротив, автор сообщения указывает на общность между представителями разных этнических групп в связи с ситуацией насильственных действий со стороны российских властей (*нас любят и те, которые любят свою страну, пусть, Россию. И те, кто любит быть хорошим добрым соседом. Они точно как мы оккупированы, унижены*). В тексте активно формируется негативный образ российских властей посредством использования различных языковых средств: прямого оценивания свойств – использования оценочных прилагательных, реализующих резкую негативную оценку (*коварный, грязный, подлый*); указания на характер действий – использования для описания действий глаголов, имеющих деструктивный характер (*силой сели на них, эксплуатируют их, унижают их, убивают их, держаться у власти. Ведь они убивали их в Бислане, они убивали их в Норд-Осте, они убивали... они провоцировали тех, которые сражались за свои земли, чтоб те появились там, в Москве и в Бислане. А потом они убивали своих и чужих и всех подряд*). Использование данных языковых средств в целях формирования негативного образа российских властей приводит к выводу о том, что в действительности ответственными за террористические акты и деятельность в целом представляются российские власти, а не люди, эту деятельность ведущие. В противоположность образу российских властей формируется позитивный образ террористических образований как освободительных по отношению к простым людям. Это, безусловно, оказывает воздействие на предполагаемого адресата в силу того, что существует архетипическая модель освободительной войны, которая имеет устойчивую позитивную оценку. Данный видеоматериал является агитационным по жанру: обращение с целью призыва. Текст, произносимый мужчиной в военной одежде, является агитационным обращением. Кроме того, размещение видеосюжета в рамках интернет-сайта может быть приравнено к публикации и позволяет данным видеоматериалам выполнять агитационную функцию в системе массовой коммуникации.

На пропаганде исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их национальной, социальной расовой, религиозной или языковой принадлежности базируется экстремистское содержание другого видеоматериала, размещенного на

указанном выше ресурсе. «Термин национальная, религиозная, расовая исключительность или превосходство означает преобладание по каким-либо признакам одной группы людей над другими в силу несовершенства последних, т.е. якобы их природной, биологической, социальной, нравственной ущербности или порочности»¹. Видеоматериал *«Ислам победит»* представляет собой микрофильм продолжительностью 1 мин 21 с, который содержит обращение к русской нации на чеченском языке с профессиональным синхронным переводом на русский. Видео ряд фильма выглядит как смена сцен, демонстрирующих социально негативные ситуации с участием людей европеоидной внешности. Текст видеосюжета представляет собой обращение к предполагаемому множественному адресату, конкретно не определенному ни этнически, ни социально. Данный текст квалифицируется нами как относящийся к жанру обращения на том основании, что первая фраза текста начинается с языковой единицы, маркирующей адресата сообщения, того, к кому обращаются с сообщением – местоимение и глагол 2-го лица мн. числа (*Вы думаете...*). Эта единица далее повторяется практически в каждом предложении текста (*...вы слабые, вы боитесь...; Вы давно отошли...; Вы жените...; Вы с американцами раздавали...*). Косвенным способом определения адресата может служить использование обращения на русском языке, соответственно на этом основании мы можем считать, что предполагаемым адресатом сообщения выступают носители русского языка, принадлежащие к русскому этносу. Однако далее в тексте есть высказывание: *Поэтому мы победим вас, как вы когда-то победили Рим*. Приведенная аналогия создает оценочную отсылку к культурной ситуации в древнем Риме, закончившуюся его падением и крахом этой цивилизационной и культурной модели. Поэтому можно предположить, что адресат сообщения – это не только русский этнос, но сообщество людей, принадлежащих к европейской культуре в целом. В данном утверждении наличествует модель противопоставления «вы – мы», как, в первую очередь, культурного противопоставления исламской и европейской культуры и модель преемственности культурного развития: *мы победим вас, как вы когда-то победили...*

Тематическое содержание текста может быть определено следующим образом. Первая часть текста содержит ряд утверждений о наличии у предполагаемого адресата определенных интеллектуальных состояний и мыслей (*Вы думаете, что весь мир должен подчи-*

¹ Савельев А. Указ. соч.

няться...), личностных свойств (*вы слабые...*), совершаемых им действий и намерений (*Вы с американцами раздавали нам оружие, учили нас воевать, думая, что мы будем вашими цепными псами...*). Названные в тексте параметры адресата могут быть расценены как негативная характеристика, так как, во-первых, адресату приписывается определенное содержание мыслей, связанное с идеей мирового господства на основе военного преимущества (*Вы думаете, что весь мир должен подчиняться вам только потому, что у вас есть атомная бомба*). Данный образ мыслей регулярно получает в мировой общественно-политической практике негативную оценку в силу своего деструктивного характера. Во-вторых, подчеркивается отсутствие у адресата значимых в мировой культуре признаков «сила» и «смелость». Для этого в данном случае используются языковые единицы, маркирующие отсутствие желательного признака: *вы слабые...*, номинирующие психоэмоциональное состояние, получающее негативную оценку в русской и многих других культурах: *вы боитесь*.

Далее в тексте дана оценка культурного состояния с точки зрения несоответствия религиозным идеалам (*Вы давно отошли от заветов даже вашего Иисуса; устраиваете концерты в ваших храмах*) и несоответствия принятой культурной модели межполовых взаимодействий: (*позволяете вашим женщинам продавать свое тело. Вы жените гомосексуалистов*). Приведенная оценка состояния адресата, его свойств, не отвечающих, по мнению автора, определенным требованиям, приводит его к выводу: *Поэтому мы победим вас, как вы когда-то победили Рим*. Первая часть данного утверждения содержит указание на намерение автора, выраженное глаголом «победить»: одержать победу над кем-чем-н. *П. врага. Наши спортсмены победили. Победа* – успех в битве, войне при полном поражении противника. *Одержать победу*¹. Однако автор не указывает, каким образом он достигнет поражения противника – адресата сообщения. Полагаем, что данная информация может быть установлена на основании анализа видеоряда, на фоне которого звучит текст. Далее в тексте следует утверждение, которое должно выполнять функцию аргумента по отношению к сделанному ранее: *Бедные и голодные всегда побеждают сытых и богатых, если у голодных есть вера, а у сытых ее нет*. Однако данный аргумент имеет априорный характер и содержит апелляцию к некоторому общему опыту, воспроизводимому регулярно. При этом оппозиция «вы – мы» до-

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч.

полняется признаковой оппозицией, уточняющей основания противопоставления: «мы бедные, голодные – вы сытые, богатые». Данная оппозиция детализируется еще одним оценочным признаком: *Мы воюем за нашу веру, а вы воюете за бензин в вашем бензобаке*. В данном случае актуализируется культурно значимое противопоставление ценностей: ценности духовные (*вера*) – ценности материальные (*бензин*). Финал текста представляет собой цепь утверждений, относящихся к предполагаемому множественному автору (*мы*) и связанных с указанием на его свойства (*мы не псы*), состояние (*мы готовы умереть за Аллаха*) и намерения (*Мы вас победим*). Таким образом, в тексте проводится сопоставительная характеристика двух множественных субъектов (*вы – мы*), при этом точная референтная отнесенность этих субъектов не известна, имеются лишь косвенные указания на то, к какому типу культур относится субъект *вы* (европейская, христианская культура), а к какому *мы* (мусульманская, исламская культура). При этом дается негативная характеристика субъекту *вы* и делается утверждение о намерениях субъекта *мы*.

В тексте данного видеосюжета отсутствуют высказывания, содержащие прямые публичные призывы к осуществлению террористической и экстремистской деятельности. В данном тексте вообще не представлен данный тип речевого акта. С другой стороны, в тексте данного видеосюжета присутствуют языковые средства, направленные на формирование негативных характеристик в адрес носителей европейской культурной традиции: языковые единицы, маркирующие несоответствие норме по признаку «сила»: *слабые*, единицы, номинирующие психоэмоциональное состояние, получающее негативную оценку в отношении мужского типа поведения в русской и многих других культурах: *вы боитесь*. Текст содержит высказывания, дающие негативную оценку культурной модели и состояния культуры, к которой принадлежит адресат, с точки зрения несоответствия религиозным идеалам (*Вы давно отошли от заветов даже вашего Иисуса, устраиваете концерты в ваших храмах*), ценностных ориентаций (*Мы воюем за нашу веру, а вы воюете за бензин в вашем бензобаке*) и принятой культурной модели межполовых взаимодействий: *позволяете вашим женщинам продавать свое тело. Вы жените гомосексуалистов*. Использование подобных характеристик может повлиять на формирование негативного образа субъекта *вы* за счет того, что использованные языковые единицы (*слабые, боитесь*) выражают отрицательную оценку как не соответ-

ствующую норме по признаку сила, смелость. Другие утверждения, касающиеся культурных моделей, не несут устойчивой отрицательной оценки либо ее необходимо проверять в ходе психолингвистического эксперимента.

Кроме того, в тексте присутствуют и повторяются языковые единицы, указывающие на намерения автора (*Мы вас победим*). Данное высказывание, помещенное в рамки видеосюжета, имеет своей коммуникативной целью выражение угрозы в отношении предполагаемого адресата, т.е. носит очевидно агрессивный характер. В тексте отсутствует указание на характер агрессии либо тип действий, в которых она может быть проявлена. Однако эта информация может быть получена при анализе видеоряда. При этом формирование негативного образа адресата может служить основанием для оправдания подобной агрессивной позиции и осуществления террористической и экстремистской деятельности.

Наличие в тексте особых языковых средств эстетического воздействия: художественных образов и символов, направленных на романтизацию экстремизма и дискредитацию объекта описания, — еще один аспект, в котором может быть рассмотрен спорный текст. Однако в этом случае наличие в тексте языковых средств, указывающих на объект описания, обязательно. Для иллюстрации этого положения рассмотрим вербальную составляющую видеоролика «Тимур Муцураев – Шахид», размещенного на ресурсе, указанном выше. Этот видеоматериал представляет собой клип на песню «Эй, шахид» Тимура Муцураева и выступление мужчины на русском языке с субтитрами. Приведем текст песни с параллельными включениями:

Эй, шахид, твой священный чистый лик вдруг улыбка озарит, в этот миг что увидел ты?

Эй, шахид, может райские сады? В наслаждении любви вечно длятся твои дни. Эй, шахид... шахид.

Когда сгустится ночь над нами, и будет слышен муэдзин. Никем не слышимым порханьем душа шахида прилетит.

Параллельное включение прозаического текста: устное звучание на русском языке и графическое дублирование.

Текст песни	Текст включения
<i>И нам прошепчет: «не печальтесь и будьте тверды до конца»</i>	<i>Всевышний воздаст каждому за их деяния и долю участия, которые они приняли в этом Газавате...</i>

Сражаться на пути Аллаха – у нас у всех одна судьба.

Эпоха зла, насилия, горя, где жизнь теряет всякий смысл.

Народы все друг с другом в ссоре – мир погибает, оглянись!

О, брат, пойми, настало время к Аллаху обратить свой лик и лишь джихад душой и телом – воистину, Аллах велик!

Эй, шахид, твой священный чистый лик вдруг улыбка озарит, в этот миг что увидел ты?

Эй, шахид, может райские сады? В наслаждении любви вечно длятся твои дни. Эй, шахид... шахид.

Взгляни, мой брат, весь мир пред нами: он так ничтожен и уже с зеленым знаменем ислама пройдемся мы по всей земле.

И возродим мы справедливость – Аллах поможет нам в бою. Он ниспошлет нам свою милость и будем вечно мы в раю.

Эй, шахид, твой священный чистый лик вдруг улыбка озарит, в этот миг что увидел ты?

Эй, шахид, может райские сады? В наслаждении любви вечно длятся твои дни. Эй, шахид... шахид.

Параллельное включение прозаического текста: устное звучание на русском языке и графическое дублирование.

Текст песни	Текст включения
<i>Вот скрылось солнце за горами (незарбочиво)</i>	<i>Мы будем считать, что цель нашей борьбы достигнута, лишив права Россию в дальнейшем безнаказанно убивать наш народ.</i>

А души братьев – они с нами, свой совершают джамагат.

О, сколько их, друзей сердечных с улыбкой полегло в бою.

И дай Аллах, чтоб став шахидом, мы вновь увиделись в раю.

Эй, шахид, твой священный чистый лик вдруг улыбка озарит, в этот миг что увидел ты?

Эй, шахид, может райские сады? В наслаждении любви вечно длятся твои дни. Эй, шахид ... шахид.

Завершающее включение прозаического текста: устное звучание не по-русски с письменным переводом:

*Мы верим, что Всевышний приготовил нам место в Раю. Всем тем, кто стоит на истинном пути. Я прощаюсь, мир вам. Не переживайте, Аллах поможет **нашим бойцам** и их не покорить **врагу**, в этом нет сомнения! Аллах акбар. Аллах акбар. Аллах акбар.*

Представленный к анализу вербальный компонент видеосюжета является сложной композицией речевых произведений двух жанров: песни «Шахид» и прозаических включений – высказываний утвердительного характера. Это соединение создает сложную смысловую модальность, поэтому для решения поставленных задач считаем необходимым проанализировать смысловое содержание этих текстов отдельно друг от друга, а затем определить, какие смыслы создаются при их соединении. Главная тема текста песни – героико-религиозная рефлексия образа шахида. Начало текста представляет собой обращение к шахиду и содержит его базовые характеристики. Данные словарей позволяют сделать вывод о том, что «шахид» (араб. شهيد *šahīd*, множественное число شهداء *šuhadā'*; происходит от араб. شهادة *šahāda* шахада, буквально «свидетельствование») в переводе с арабского означает «свидетель».

Исламский энциклопедический словарь дает следующее определение: «Шахид – свидетель. Во мн. числе шухада. В Исламе этот термин применяется как в отношении свидетеля на суде, так и в отношении верующих, принявших мученическую смерть на войне против врагов, сражаясь во имя Аллаха, защищая свою веру, родину, честь, семью. Причем не имеет значения, были ли они убиты врагом, или смерть наступила в результате несчастного случая, или их нашли убитыми после боя и неизвестна причина их смерти. Также нет разницы, были на них следы крови или нет, они умерли сразу или оставались живыми на некоторое время, а потом умерли из-за ранения. О шахидах упоминается во многих аятах Корана, например, в аятах: “Не считай же покойниками тех, которые были убиты [в сражении] во имя Аллаха. Нет, живы они и получают удел от Господа своего, радуясь тому, что Аллах даровал им [в раю] по милости Своей, радуясь тому, что нет причин для страха и печали у тех, которые еще не присоединились к ним. Они радуются милости и щедрости Аллаха, тому, что Аллах не оставит верующих без награды, которую они заслужили, тех [верующих], что вняли Аллаху и Посланнику, после того как их поразили бедствия [при Ухуде]. Тем из них, которые вершили добрые дела и были богобоязненны, уготовано великое вознаграждение...”¹.

Близкое ко второму значению толкование дает и «Словарь иностранных слов русского языка»: «...у мусульман: пожертвовавший собой за веру, погибший мученической смертью. Ш. не нуждается в

¹ Али-заде А. Ансар. Исламский энциклопедический словарь. 2007. С. 169–172.

омовении перед погребением, ему прощаются все земные грехи; он попадает в рай, минуя испытания в чистилище. Позже таковыми стали считаться все погибшие насильственной смертью»¹. Таким образом, *шахид* – это обозначение человека, ведущего активную религиозную деятельность, борца за ценности Ислама. Аналогом в православной или шире – христианской религиозной традиции может считаться образ святого-воина. Принадлежность шахида к классу святых подчеркивается характеристикой (*Твой священный чистый лик*). Осуществляется деятельность шахида в форме *джихада* (*газавата*) – священной войны за ценности Ислама. Ср.: «священная война мусульман против неверных, т.е. немусульман. Иначе – ДЖИХАД»², «У мусульман – священная война против христиан»³. Однако джихад не предполагает открытых военных действий, хотя таковые и могут иметь место. Контексты употребления, включенные в Национальный корпус русского языка, позволяют сделать такой вывод: *В одном из интервью Хаттаб говорил: «Газават показал свою силу, и сила не в оружии»* [Герман Садулаев. Шалинский рейд (2009) // Знамя. 2010]. Это скорее позиция противостояния, отстаивание собственных ценностей и неприятие чужих. Данные Национального корпуса русского языка позволяют сделать вывод о том, что семантика слов *джихад* и *газават* в русском языке расширяется до обозначения некоторого конфликтного противостояния. Ср.: *Поддерживаем призыв Х. Карзая «объявить джихад» наркопроизводству в Афганистане* [Лавров С.В. Выступление на презентации Всемирного доклада ООН по наркотикам // Дипломатический вестник. 2004. 27 июля]; *Дня не проходит, чтобы тот или иной мастер культуры не объявил в прямом эфире телевидения, а также радио вендетту или джихад тому или иному критику* [Юрий Богомолов. Классика любовного треугольника. Колонка обозревателя // Известия. 2002. 27 дек.]; *Она даже не заметила, что подъезд ей объявил газават* [Галина Щербакова. Актриса и милиционер (1999)]; *Тут вообще очень много людей, объявивших спортивный газават своему организму* [Александр Зильберт. Физкультура // Столица. 1997. 11 нояб.]. Полагаем, что общая семантика лексических единиц *шахид*, *джихад*, *газават* может быть сформулирована следующим образом: шахид – мученик за веру, религиозный деятель, пропове-

¹ Комлев Н.Г. Указ. соч.

² Там же.

³ Большой словарь иностранных слов. М.: ИДДК, 2007.

дующий Ислам; джихад (газават) – священная война, активное распространение ценностей Ислама, религиозная экспансия.

В тексте песни данная семантика разворачивается в описании религиозно-мистических переживаний встречи с душой шахида (*Когда сгустится ночь над нами, и будет слышен муэдзин. Никем не слышимым порханьем душа шахида прилетит. И нам прошепчет: «не печальтесь и будьте тверды до конца Сражаться на пути Аллаха – у нас у всех одна судьба»*), рефлексии состояния окружающего мира как неудовлетворительного, далекого от религиозного идеала (*Эпоха зла, насилия, горя, где жизнь теряет всякий смысл. Народы все друг с другом в ссоре – мир погибает, оглянись!*); риторическом обращении к единоверцам с целью побуждения религиозного чувства (*О, брат, пойми, настало время к Аллаху обратиться свой лик. И лишь джихад душой и телом – воистину, Аллах велик!... Взгляни, мой брат, весь мир пред нами: он так ничтожен и уже С зеленым знаменем ислама пройдемся мы по всей земле. И возродим мы справедливость – Аллах поможет нам в бою. Он ниспослет нам свою милость И будем вечно мы в раю*). Вместе с тем употребление в тексте лексических единиц «сражаться», «бой» актуализирует в тексте понятие «война» в его конкретном физическом проявлении.

Мы можем говорить о том, что данный текст представляет собой художественное произведение, отражающее религиозно-мистическое переживание состояния мира автором и интенцию к его изменению на основе образа шахида. Автор выражает в тексте свое субъективное состояние и личную религиозную позицию.

Другая текстовая составляющая этого видеосюжета представляет собой прозаический текст, состоящий из трех фрагментов, встроенных композиционно в текст песни. Последний фрагмент завершает видеосюжет. Приведем эти фрагменты:

1-й фрагмент: *Всевышний воздаст каждому за их деяния и долю участия, которые они приняли в этом Газавате...*

2-й фрагмент: *Мы будем считать, что цель нашей борьбы достигнута, лишив права Россию в дальнейшем безнаказанно убивать наш народ.*

3-й фрагмент: *Мы верим, что Всевышний приготовил нам место в Раю. Всем тем, кто стоит на истинном пути. Я прощаюсь, мир вам. Не переживайте, Аллах поможет нашим бойцам и их не поко-*

речь врагу, в этом нет сомнения! Аллах акбар. Аллах акбар. Аллах акбар.

Именно эти фрагменты, рассмотренные как самостоятельный текст комментария, уточнения, привносят смыслы экстремистского характера. Первый фрагмент комментирует текст песни, поясняя то, какое значение имеет личная религиозная позиция предполагаемого адресата для его дальнейшей жизни (*Всевышний воздаст каждому за их деяния и долю участия*). Автор актуализирует значимость выраженной религиозной позиции и личный контроль высших сил относительно этой позиции. Вместе с тем текст комментария не может быть проинтерпретирован вне общей организации видеосюжета, так как прерывает видеоряд, сопровождающий исполнение песни. В этой связи можно говорить о том, что данное прозаическое включение в виде утвердительного высказывания связывает общую модальность песни с видеорядом и представляет собой опосредованное обращение к адресату – слушателю / зрителю видеоклипа. Комментарий заостряет семантику песенного произведения относительно личной позиции каждого адресата, обращая внимание на его личную ответственность за религиозную позицию перед высшими силами.

Текст второго фрагмента также представляет собой прозаическое включение в виде утвердительного высказывания. Его основная тема – цель борьбы адресата сообщения. При этом из вербального контекста неизвестно то, о какой борьбе в данном случае идет речь. Вероятно, эта информация может быть получена путем анализа других компонентов видеосюжета. Вербализированная в тексте цель – **лишить права Россию в дальнейшем безнаказанно убивать наш народ**. Таким образом, в тексте второго фрагмента содержится presupпозитивное утверждение о том, что **Россия безнаказанно убивает народ, к которому принадлежит автор сообщения**. В данном случае мы имеем дело с манипулятивным обобщением: автор намеренно вводит метонимическую модель *отдельный представитель* → *сообщество (отдельные представители государства, этноса* → *Россия, отдельные представители народа* → *народ*) для создания эффекта обязательности и регулярной повторяемости деструктивного действия – *убивать*, субъектом которого выступает Россия, безусловно, оцениваемого в большинстве культурных практик как преступное, асоциальное.

Этот прием может быть оценен как манипулятивная тактика навязывания пресуппозиции¹, когда неаргументированное обвинение в преступлении включается в высказывания в качестве исходной посылки. Прием обобщения в данном случае позволяет автору применить тактику непрямого обвинения России как сообщества в преступлении – убийстве, что, безусловно, является негативной характеристикой по отношению к России и формирует образ России как образ **врага**. Автор сообщения выражает намерение лишить права Россию и в дальнейшем совершать подобные действия, но не указывает, каким именно способом он собирается это намерение реализовать. Вследствие этого данное высказывание может быть признано базирующимся на ложной пресуппозиции, и соответственно интенция автора может быть признана не соответствующей реальному положению дел. Поэтому данное высказывание может быть квалифицировано как порочащее в отношении России.

Последний фрагмент представляет собой прозаическое включение, содержащее утверждение религиозного характера об оценке деятельности автора сообщения и субъектов, включенных в его личную сферу, высшими силами и соответственно о значимости и правильности избранной предполагаемыми адресатами религиозной позиции. В тексте данного высказывания используются лексические единицы «боец» и «враг», вновь актуализирующие понятие «война» в базовом значении. Кроме того, в контексте предыдущего сообщения лексема «враг» может конкретизироваться и сужать круг предполагаемых номинатов до одного – России. Однако последнее предположение носит гипотетический характер и должно быть проверено экспериментально.

Совмещение двух текстовых форм в видеосюжете создает дополнительную смысловую модальность, безусловно, оказывающую воздействие на предполагаемого адресата в аспекте его религиозно-патриотической ориентации. Видеоролик направлен на активное внедрение исламистских ценностей, на поэтизацию и героизацию фигуры шахида как настоящего мусульманина и настоящего патриота. Соединение двух жанровых форм (песня и прозаическое включение) создает эффект отождествления реальных адресатов с поэтизированным образом мученика за ценности Ислама.

При этом текст видеоролика содержит языковые средства (использование метонимической модели *отдельный представитель* →

¹ Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001. С. 218.

сообщество; приписываемое России преступное действие, выраженное глаголом *убивать*), направленные на формирование негативных характеристик Российского государства. Данное языковое средство способствует формированию в сознании адресата негативного образа России как вражеского, на борьбу с которым и могут быть направлены патриотические интенции.

Вместе с тем нельзя утверждать, что текст видеоролика содержит высказывания, содержащие прямые публичные призывы к осуществлению террористической и экстремистской деятельности. То же можно сказать и в отношении высказываний, непосредственно оправдывающих осуществление террористической и экстремистской деятельности. Текст видеоролика не содержит публичных призывов отступления от соблюдения основных норм и принципов Конституции РФ, а также не содержит высказываний, направленных на пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их национальной, социальной, расовой, религиозной или языковой принадлежности.

С другой стороны, формирование в тексте негативного образа России как субъекта, осуществляющего преступные деструктивные действия (*убийство*) по отношению к массовому субъекту, с которым отождествляет себя автор сообщения, является косвенным оправданием противодействия, осуществляемого по отношению к России. Однако в тексте нет непосредственного указания на то, что объектом этого противодействия выступает именно Россия.

Заключение

Итак, определяя значимость критериев при анализе спорных в отношении экстремизма текстов, можно выстроить их следующую последовательность.

Первый и наиболее значимый – **доказательство факта публичности** распространяемых материалов в отношении материалов, размещенных в сети Интернет, связан с тем, что социальные сети включены в систему массовой коммуникации, поэтому размещение материалов может быть приравнено к публикации и позволяет данным видеоматериалам выполнять агитационную функцию.

Второй по значимости параметр – указание в тексте на личность или социальную группу, в адрес которой приводятся высказывания, ее принадлежность к конкретной национальной, религиозной, расо-

вой, половой, языковой группе, или **экспликация объекта описания**. Отсутствие такого указания означает отсутствие факта экстремизма, так как экстремистская деятельность – «призывы и стремление к насилию, возбуждение ненависти, вражды или унижение достоинства **в связи с принадлежностью к определенной группе** (национальной, религиозной, социальной)». Возбуждение ненависти, вражды – коммуникативный акт, целью которого является формирование негативных, агрессивных установок среди некоторой группы людей **по отношению к одному человеку или к группе лиц**, объединенных по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии. Таким образом, человек или группа лиц обязательно должны быть названы в тексте, номинация при этом может быть непрямая (метонимическая или метафорическая), но должна быть возможность установления референции между номинацией и объектом (хачик – человек, этнически принадлежащий народам, населяющим Кавказ и Закавказье, или «лицо кавказской национальности»).

Третий параметр анализа – выявление наличия / отсутствия в текстах видеоматериалов высказываний, содержащих публичные **призывы к осуществлению террористической и экстремистской деятельности**, либо высказываний, оправдывающих их осуществление. Это могут быть **призывы к убийству, избиению или выселению** лиц определенной национальности или вероисповедания, организация, совершение или подстрекательство к таковым действиям.

Как дополнительные факторы могут быть рассмотрены следующие: наличие в тексте языковых структур, выражающих эмоциональную оценку, оскорбление религиозных и национальных святынь, наличие выражений, пропагандирующих исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, наличие установки на принципиальное противоречие, несовместимость социальных, национальных, религиозных групп.

Литература

1. Barnes J.A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. № 7. P. 39–58.
2. *Cybercultures. Critical concepts in media and cultural studies* / ed. by D. Bell. Vol. 3. New York; London: Routledge, 2008. 471 p.
3. Али-заде А. Ансар. Исламский энциклопедический словарь. 2007.

4. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 7–44.
5. Бажин Д.А. К вопросу о понимании публичности в уголовном праве // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 162–168.
6. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2007.
7. Баранов А.Н. Методы и методики в лингвистической экспертизе текста // Язык. Право. Общество: сб. статей IV Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. О.В. Барабаш, Т.В. Дубровской, А.К. Дятловой, Н.А. Павловой. 2016. С. 119–122.
8. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
9. Баранов А.Н. Скрытое (имплицитное) утверждение в лингвистической экспертизе текста // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 314–326.
10. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000.
11. Бельская Н.С. Речежанровые стратегии не прямой коммуникации в судебной лингвистической экспертизе по делам, связанным с противодействием исламскому экстремизму // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 4 ч. Ч. IV. Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54). С. 36–38.
12. Большой словарь иностранных слов. М.: ИДДК, 2007.
13. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.
14. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009.
15. Бринев К.И. Лингвистическая теория и лингвистические экспертные исследования: проблема взаимосвязи юридической и теоретической лингвистики / Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов // <http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-45>
16. Бринев К.И. Лингвистическая экспертиза: справочные материалы. Барнаул; Кемерово, 2009.
17. Вежбицка А. Речевые жанры / пер. В.В. Дементьева // Жанры речи: сб. науч. статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1.
18. Вся статистика Интернета на 2019 год – в мире и в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/>
19. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам. М., 2006.
20. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
21. Галяшина Е.И. Специальные методы судебной лингвистической экспертизы и экспертные фантомы (размышления после прочтения криминалистических работ Р.С. Белкина) // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12, № 3. С. 33–39.
22. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. Вып. 23. С. 153–211.
23. Дейк Т.А. ван. Принципы критического анализа дискурса // Перевод и лингвистика текста. М., 1994. С. 169–217.
24. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
25. Денисенко В.Н., Чеботарева Е.Ю. Современные психолингвистические методы анализа речевой коммуникации: учеб. пособие. М.: РУДН, 2008.
26. Зеленина О.В., Суслонов П.Е. Методика выявления признаков экстремизма. Процессуальные исследования (экспертизы) аудио-, видео- и печатных материалов: науч.-практ. пособие. Екатеринбург, 2009.
27. Зильберман Н.Н., Мишанкина Н.А. «Советское» в рефлексии пользователей социальных сетей // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 39–56.

28. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. М.: Галерея, 2001.
29. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006.
30. Кинцель А.В. Психолингвистические механизмы речевого воздействия // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Вып. № 2 (78), т. 2. С. 150–154.
31. Киселева Л.А. Язык как средство воздействия. Л., 1971.
32. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М., 2006.
33. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис, 2001.
34. Краткий психологический словарь / Л.А. Карпенко, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. Ростов н/Д: ФЕНИКС, 1998.
35. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
36. Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 118–126.
37. Левонтина И. Буква и закон. Судебная лингвистическая экспертиза // Отечественные записки. 2005. № 2 (23).
38. Матвеева О.Н. Функционирование конфликтных текстов в правовой сфере и особенности его лингвистического изучения (на материале текстов, вовлеченных в юридическую практику): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
39. Методические рекомендации «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды», утвержденные заместителем Генерального прокурора РФ М.Б. Катышевым 29.06.1999 г.
40. Мишанкина Н.А. Контент-анализ в гуманитарных исследованиях: учеб.-метод. комплекс [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Томск, 2009. Режим доступа: http://ido.tsu.ru/tsu_res/res54/
41. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2000.
42. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульты / под ред. М.В. Горбаневского. М.: Медя, 2004. 104 с.
43. Плотникова А.М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики. Екатеринбург; Москва: ТХТ, 2017. 197 с.
44. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / авт.-сост.: А.А. Леонтьев, В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин. М., 1997.
45. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ. 2-е изд. М.: Медя, 2004.
46. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А.К. Симонова, М.В. Горбаневского. М., 2004.
47. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». М.: Право и закон; Юрайт-издат, 2002.
48. Савельев А. Методические рекомендации о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды. Экстремистские преступления в общей картине преступности в России // Национальная газета. 2002. № 8–12 (58–62).
49. Словарь основных терминов судебных экспертиз. М., 1980.
50. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарий лингвистов / под ред. М.В. Горбаневского. М.: Престиж, 2005. 200 с.
51. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.

52. *Стернин И.А.* Ментальные схемы как инструмент выявления скрытого смысла высказывания (по материалам лингвистической экспертизы текста) // Жизнь языка. Жизнь в языке: матер. Всерос. науч. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. В.В. Щеулина. 2013. С. 34–41.

53. *Теория и практика судебной экспертизы: сб. / сост. А.В. Пахомов.* СПб.: Питер, 2003.

54. *Трофимова Г.Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты) / Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, Общество любителей российской словесности. 2-е изд., испр. и доп. М.: РУДН, 2009. 436 с.

55. *Цена слова:* Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2002.

56. *Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи.* М.: Наука, 1991.

Глава 7

МЕТОДЫ ДИЗАЙН-МЫШЛЕНИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ: ИЗУЧАЕМ ВОЗМОЖНОСТИ

Во всех сферах жизни нашего общества происходят кардинальные преобразования, которые заметнее всего отражаются на самой «подвижной» демографической группе – молодежи. Именно в молодежной среде можно наблюдать возрастание проявлений негативных явлений, возникающих на ломке традиционных моральных устоев, на искажении жизненных ориентаций. Представители молодежной среды испытывают на себе прессинг тотальной регламентации действий, отчужденности при решении глобальных и локальных вопросов своей жизни, что вызывает «конфронтацию» с органами государственной власти. Все это накладывается на проблемы социализации в меняющихся политических и социально-экономических условиях и вызывает рост молодежного деструктивного поведения, проявляющегося в развитии наркомании, экстремизма и т.д.

Экстремизм и терроризм сегодня являются глобальной, а также национальной угрозой для большинства стран мира. Именно в молодежной среде за счет большей подверженности деструктивному влиянию, общения в Интернете как неотъемлемой части их жизни легче формируются радикальные убеждения [1]. Экстремизм вырос за десятилетия, и для эффективного решения проблемы необходимы дополнительные исследования и практические применения. На сегодня не существует «единого списка» всех существующих методов противодействия экстремизму, как и нет списков «правильных» и «неправильных» методов. Соответственно становятся востребованными поиск и исследование новых стратегий выявления и противодействия экстремистским идеологиям. С этой точки зрения нам

представляется эффективным использовать комбинацию традиционных и проектных методов исследования для решения указанных проблем [2]. В результате признания, что проблемное поле экстремизма и терроризма имеет сложную динамическую и взаимозависимую систему, можно констатировать, что в данном случае решение отдельных проблем не будет эффективным. Это, в свою очередь, порождает необходимость понимания и изучения взаимозависимых динамических систем, свойств обратной связи, возникающих особенностей и неожиданностей, оценки воздействия, использования рефлексивных практик в проблемном поле экстремизма [3–5].

Как видим, проблемное пространство выходит за рамки предметно-ориентированного анализа и требует более инклюзивного подхода, основанного на социологии, экономике, политологии, гуманитарных науках в области разработки методов противодействия экстремизму [6. Р. 35].

Авторы публикаций по данной тематике прибегают к медицинским аналогиям и метафорам и часто называют проблемы экстремизма и терроризма «эпидемиологической моделью», упоминая о том, что экстремизм и терроризм являются «вирусом», «мутацией», проводя параллели с медицинскими подходами в изучении болезней и состояний здоровья и отмечая при этом, что при решении вопросов здоровья часто встречается разрозненный подход, а не подход с учетом признания множества взаимодействующих факторов [7]. Другими словами, обращаясь за помощью к врачу одной специальности, человек получает лечение в этой узкой направленности и с течением времени улучшения состояния не происходит. Системный подход требует анализа системы взаимодействия множества взаимосвязанных причин и следствий [8]. Продолжая эту аналогию, исследователи призывают органы здравоохранения улучшить способность прогнозировать и контролировать индивидуальные и популяционные результаты в отношении здоровья. Соответственно необходима целостная структура, которая могла бы объединить разрозненные заболевания в единую платформу [8]. «Если бы мы могли проследить причину сбоев, то болезни не расходились бы как трещины на окне... рассмотрение во взаимозависимости и во взаимосвязи, а не линейные методы анализа помогли бы нам определить, когда и где прекращать искать причины» [9. Р. 95–106]. Таким образом, «целостное изучение взаимосвязей в болезнях позволило использовать подходы проектного мышления для решения проблем волатильности, неопре-

деленности, сложности и неоднозначности в сфере здравоохранения» [10].

Переходя от аналогии со здравоохранением к проблематике экстремизма, отметим, что сегодня проводится большая работа по противодействию ему. Специалисты пытаются понять происхождение и динамику распространения этой проблемы. В частности, исследуются закономерности в отношении географических и социальных контуров, где сосредоточен экстремизм, как он передается, кто более подвержен и восприимчив радикализации этого процесса, а кто «имеет иммунитет» и почему. Действительно, эти проблемы редко имеют единичный или линейный характер, это больше похоже на «сеть», сплетенную из прямых и косвенных факторов. По аналогии с системой здравоохранения мы предлагаем «эпидемиологическую модель» использовать как метафору для разработки стратегии борьбы с терроризмом методами дизайн-мышления. Другими словами, рассмотреть дизайн-мышление как концептуальную основу и методологический подход к поиску новых инструментов в профилактике и противодействии экстремизму.

Можно встретить разное объяснение, что такое дизайн-мышление. На наш взгляд, наиболее полным является определение Interaction Design Foundation:– это многократный процесс, который направлен на то, чтобы понять пользователя, посмотреть предположения с разных сторон, переосмыслить проблему для того, чтобы найти альтернативные неочевидные решения. Дизайн-мышление (англ. design thinking) – это метод решения проблем, направленный на преодоление «болевых точек», которые не имеют правильного или неправильного решения, оно нацелено на преодоление непосредственных границ проблемы. Исследования и процесс дизайн-мышления направлены на интересы человека, т.е. его основу составляет принцип антропоцентризма. Как было указано, основная цель дизайн-мышления – выйти за пределы привычных способов решения проблемы и существующих стереотипов. В оригинале дизайн-мышление обозначается как *thinking outside the box* и переводится дословно как «думать вне коробки» [11].

Метод дизайн-мышления состоит из основных пяти этапов: эмпатия, фокусировка, генерация идей, прототипирование, тестирование.

1-й этап. Эмпатия – основа дизайн-мышления, поскольку именно она позволяет отстраниться от своих предложений и убеждений

и посмотреть на проблему глазами пользователя, т.е. погрузиться в опыт и переживания пользователя. Проявлять эмпатию по отношению к кому-либо – значит представлять себя этим человеком и понимать его положение, чувства, мотивы.

2-й этап. Фокусировка. Всю информацию, полученную на этапе эмпатии, необходимо систематизировать, проанализировать, на основе этого выделить главные обнаруженные проблемы, т.е. необходимо сформулировать вопрос, ответ на который будет искаться дальше.

3-й этап. Генерация идей. Когда выделена главная проблема, необходимо найти как можно больше решений. На данном этапе лучше отказаться от критического мышления, чтобы не «отбрасывать» идеи, здесь следует опираться на дивергентный тип мышления, направленный на количество. Далее необходимо отобрать «жизнеспособные» идеи, используя конвергентный тип мышления, направленный на качество.

4-й этап. Прототипирование. На данном этапе необходимо создать бюджетный прототип с функциями, которые помогут решить обозначенные проблемы. Важность этого этапа в том, что если прототип удачный, то есть возможность заметить недостатки и устранить их. Если прототип неудачный, то вернуться ко второму этапу и попытаться по-новому сформулировать проблему. Дивергентный тип мышления.

5-й этап. Тестирование. Лучший прототип будет выявлен в ходе тестирования и получения обратной связи от пользователя. Поскольку дизайн-мышление – итерационный процесс, то с помощью прототипа и обратной связи можно решать и другие задачи. Подчеркнем, что дизайн-мышление не метод моментального решения «эврика», он требует тщательного планирования, организации, анализа и тестирования для решения конкретной проблемы.

В ходе прохождения данных этапов используется следующий арсенал методов: анкетирование, автобиографические дневники, онлайн-этнография, бодисторнинг, карта эмпатии, карта путей пользователя, раскадровка, рефрейминг. Это неполный перечень методов, которые делают процесс дизайн-мышления мощным инструментом в пространственном поле противодействия экстремизму.

Чтобы проиллюстрировать, как дизайн-мышление может применяться для разработки методологий анализа и стратегий вмешательства для профилактики и противодействия экстремизму, представ-

лена практическая часть нашего исследования. В марте–апреле 2019 г. в Томском политехническом университете были проведены курсы повышения квалификации «Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма», в рамках которых прошли обучение более 60 человек [12]. Программа является уникальной и мобильной, поскольку помимо традиционных аспектов, таких как анализ видов и направлений экстремистских группировок, правовых и политических вопросов, её содержание можно менять в зависимости от категории слушателей (представители предприятий, педагоги, сотрудники режимных отделов и т.д.). Такая программа позволяет расширить навыки профилактики и противодействия экстремизму, особенно в молодежной среде. Также уникальность программы подчеркивает её интегративная модель взаимодействия правовых органов, научного сообщества, практического опыта высококвалифицированных специалистов.

В рамках данной программы автором была разработана тема «Прототипирование деструктивных сообществ», в рамках которой был апробирован метод дизайн-мышления. Как было указано выше, в данном методе используется большой арсенал технологий, в данном случае мы апробировали «карту эмпатии» для прототипирования деструктивных сообществ. Создателем данной карты является основатель компании XPLANE, автор книг по визуальным практикам мышления Дейв Греем. Карта эмпатии помогает выйти за границы только демографических характеристик пользователя и лучше понять его поведение, среду, переживание, боли. Карта дает возможность мыслить за пределами нормативов, прочувствовать ситуацию и предложить нестандартные решения. Карта представляет собой шаблон, в центре которого размещается субъект, относительно которого выстраивается эмпатия. Вокруг размещаются блоки, которые подразделены на внешние и внутренние. Пример такой карты представлен на рис. 1.

Технология составления карты заключается в последовательном заполнении определенных блоков [13]. Размер шаблона определяется в зависимости от числа участников группы (если она 6–12 человек, то шаблон можно делать на ватмане). Заполнять карту начинаем с постановки целей: кто наш субъект, что он должен сделать, по нашему мнению? Здесь присутствует риск «уйти» в поле «что мы хотим, чтобы он сделал», а нам важно понять «что он собирается делать».

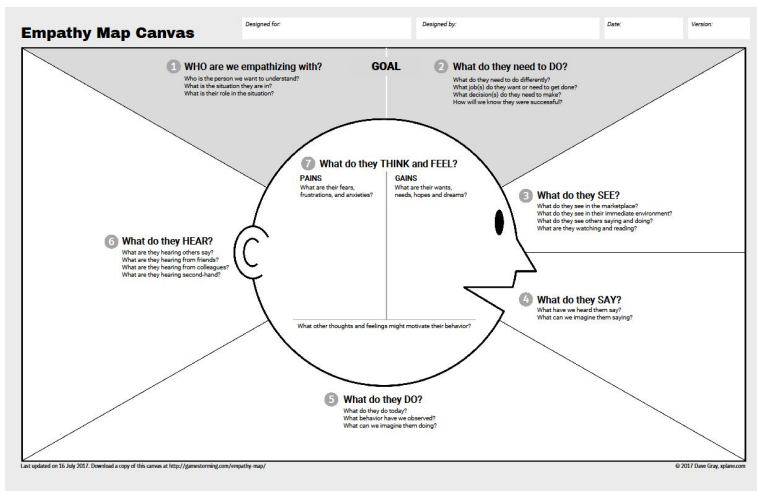

Рис. 1. Карта эмпатии

В нашей практической части слушатели программы «Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма», были разбиты на группы 8–10 человек. Каждой группе был определен субъект, для которого было необходимо составить карту эмпатии. В качестве субъектов были определены представители различных радикальных сообществ, например: «Far right», «Far left», «Islamist», «Single issue» и т.д.

Вначале были заполнены внешние блоки: «Видит», «Говорит», «Делает» и «Слышит». Заполняя блок за блоком, мы систематизируем ключевые характеристики субъекта в стройную систему: окружение, проблемы, стремления, опыт, страхи, переживания, ожидаемые действия и т.д.

- «Видит» – это внешнее окружение субъекта, круг его общения; кого он считает лидером; к чьему мнению готов прислушаться; что видит из того, что происходит вокруг; что смотрит и читает и т.д.

- «Говорит» – в данном блоке необходимо сосредоточиться на том, что мы слышали из его речей; какие ключевые слова по волнующей нас теме можно выделить.

- «Делает» – здесь необходимо зафиксировать конкретные действия субъекта сегодня, в прошлом; какие действия мы можем представить в будущем.

- «Слышит» – на чем он фокусируется в речах других людей; что ему передают с чужих слов.

После того как внешние блоки заполнены, приступаем к внутренним блокам: «Боли», «Выгоды». Эти блоки отражают внутренний мир субъекта. На этом этапе анализируем, какие мысли и чувства влияют на его поведение.

- «Боли» – какие страхи его окружают, опасения, расстройства.
- «Выгоды» – какие потребности, желания, мечты возникают у субъекта.

Для того чтобы была возможность составить карту эмпатии, необходимо собрать информацию об опыте субъекта, и тогда возникает вопрос: где её взять? Источниками данных для составления карты могут служить: наблюдения; интервью; качественные профильные СМИ; комментарии под публикациями; обсуждения на тематических площадках, форумах, сообществах и т.д.

Апробация показала, что метод «Карта эмпатии» имеет следующие возможности: помогает глубоко погружаться в причины действий и поведения людей, смысловые схемы вовлечения в радикальные группировки; позволяет выделить основные маркеры той или иной аудитории; соответственно предугадать «следующие шаги» в действии представителя аудитории.

Таким образом, сочетание использования традиционных и проектных методов для решения проблем профилактики и предотвращения экстремизма, на наш взгляд, будут производить больший эффект, чем применение только традиционных методов. Использование методов дизайн-мышления, таких как карта эмпатии, карта пользовательского пути, автобиографические дневники и др., помогут расширить поиск подходов, чтобы более четко понять природу проблемного поля экстремизма и терроризма и изучить её всесторонне.

Литература

1. *Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде*: матер. Всерос. форума (Москва, 24–25 сентября 2018 г.). М.: МГИМО Университет, 2018 [Электронный ресурс]. <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskoe-dvizhenie-v-sisteme-protivodeystviya-ekstremizmu-i-ideologii-terrorizma-v-obrazovatelnyh-uchrezhdeniyah> (дата обращения: 10.04.2019).
2. Greenemeier L. Пентагон платит техникам, чтобы они думали как террористы // Научный американец. 2016. 11 марта. http://www.scientificamerican.com/article/pentagon-paying-techies-to-think-like-terrorists/?WT.mc_id=SA_SP_20160314 (дата обращения: 09.04.2019).

3. Masys A.J., Ray-Bennett N., Shiroshita H., Jackson P. High impact/low frequency extreme events: enabling reflection and resilience in a hyper-connected world // 4th international conference on building resilience, 8–11 September 2014, Salford Quays, United Kingdom. Proc Econ Finan. 2014. Vol. 18. P. 772–779.
4. Masys A.J. (ed). Applications of systems thinking and soft operations research in managing complexity. Springer Publishing Google Scholar, 2015. 322 p.
5. Qi Liao, Lei Shi, Chen Wang. Visual analysis of large-scale network anomalies // IBM Journal of Research and Development. J. Res Dev. 2013. Vol. 57. P. 1–13.
6. Pourdehnad J., Wexler E.R., Wilson D.V. Системное и дизайнерское мышление: концептуальная основа для их интеграции. Рабочий документ № 11-03. Университет Пенсильвании. 2011. http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1009&context=od_working_papers (дата обращения: 30.08.2019).
7. Stares P.B., Yacoubian M. Terrorism as a disease: an epidemiological model for counter-ing Islamist extremism. 2007. <http://www.isn.ethz.ch/DigitalLibrary/Publications/Detail/?lang=en&id=46161> (дата обращения: 30.08.2019).
8. Pourbohloul B., Kieny M.-P. Complex systems analysis: towards holistic approaches to health systems planning and policy // Bull World Health Organ. 2011. P. 242.
9. Dekker S.W.A. Illusions of explanation: a critical essay on error classification. Int J Aviat Psychol 13(2). MathSciNetCrossRefGoogle Scholar 11. Urry J. 2003. Global complexity. Polity Press, Cambridge, UKGoogle Scholar. P. 95–106.
10. Тим Браун. Дизайн-мышление в бизнесе. От разработки новых продуктов до проектирования бизнес-моделей / пер. с англ. Владимир Хозинский. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 256 с.
11. Придумай. Сделай. Сломай. Повтори. Настольная книга приемов и инструментов дизайн-мышления / Мартин Томич, Кара Ригли, Мейделин Бортвики др. / пер. с англ. Елизаветы Пономаревой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 208 с.
12. ТПУ вновь запустил антитеррористическую учебную программу // Новости. <https://news.tpu.ru/news/2019/03/19/34508/> (дата обращения: 14.09.2019).
13. Empathy Map. <https://gamestorming.com/empathy-mapping/> (дата обращения: 30.08.2019).

Глава 8

ПСИХОПРОФИЛАКТИКА И ПСИХОКОРРЕКЦИЯ РАДИКАЛИСТСКИХ УСТРЕМЛЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

Эпоха цивилизационных разломов, глобализации, персонализации и неопределенности, время талантов и уникальности (А.Г. Асмолов) представляет неперенную апелляцию к человеческому потенциалу [4–5]. Другая сторона столь стремительного этапа цивилизационного развития, усиления неопределенности, хаотизация социальной реальности, возрастающей нестабильности и неустойчивости функционирования всех социальных систем – это потеря личностью себя, своей идентичности, вектора саморазвития и самореализации, неудовлетворенность экзистенциальных установок на самоактуализацию и самореализацию, на свободу творчества, поэтому на основе всегашнего возрастного радикализма возможно формирование экстремистской направленности личности.

В наших исследованиях, проведенных с позиций междисциплинарного подхода в русле системной антропологической психологии (В.Е. Клочко), были установлены базовые факторы формирования экстремистской направленности личности с учетом внешних (социальных, культурных, средовых, правовых) и внутренних (психологических, мотивационных, смысловых, ценностных) факторов, обуславливающих нереализованную самоактуализацию – высшую потребность личности. В феноменологию экстремизма было включено рассмотрение понятий базового доверия к миру, самоопределения, самоосуществления, жизненного пути и пр., что приблизило нас к пониманию проблемы перехода от «возможного» к «императивному», «пребывающему в потенции» [12]. Концепция исследования

базировалась на синтезе компонентов проблемного поля феномена экстремизма и жизнеосуществления человека в условиях социальной неопределенности, рисков современности, деформации общественных ценностей и правосознания. Выявленные причины экстремизации молодежи (потеря смысла жизни и потребность в его поиске, рост агрессивности и склонности к насилию, потребность к радикальному обновлению своей жизни, потребность в самоутверждении, идеологический вакуум, юношеское бунтарство и т.п.) обусловили структуру и содержание модели нашего исследования, согласующуюся с априориями ведущих отечественных психологов [3]. В дальнейшем разработка поисковой комплексной модели базовых технологий психопрофилактических интеракций радикалистских настроений студенческой молодежи базируется на синтезе идей позитивной психологии М. Салигмана [32] и позитивной транскультуральной психотерапии Н. Пезешкиана [24] в духе персонологической интеграции Я как «науки синтеза» по Е. Старовойтенко [34].

Названия вышеназванных теорий Салигмана–Пезешкиана происходят от разных значений латинского прилагательного «positivus, a, um». И если происхождение термина «позитивная психология» происходит от дополнительного перевода этого прилагательного как «положительная», т.е. позитивная, то термин «позитивный» используется Н. Пезешкианом в первом его значении: «условный, произвольный» как производный от латинского прилагательного «positum» – «реальный», «фактический», «имеющийся в наличии». Различная этимология и семантика названий этих направлений у М. Селигмана и Н. Пезешкиана обуславливают интенциональное сходство, но предметное различие этих психолого-психотерапевтических дисциплин.

Позитивная психология американского психолога Мартина Селигмана – наука, изучающая положительные стороны человеческой психики. Истоки этого учения уходят корнями в психологию гуманистической направленности А. Маслоу, Г. Олпорта и К. Роджерса [18, 21, 30]. Согласно одной из точек зрения впервые термин «позитивная психология» в своей книге «Мотивация и личность» применил А. Маслоу (1954). Он и другие представители в работах 1950–1960-х гг. призывали психологов больше обращать внимание на гуманистическую психологию, на стимулирование психического здоровья, чем на лечение болезней и патологий. Позитивная психология в сравнении с привычной психотерапией направлена не на

борьбу с патологией, а исследует пути достижения счастья. М. Селигман призывал своих коллег «восстановить равновесие» и предложил три основных направления для будущих исследований: положительные эмоции и субъективное ощущение счастья (например, наслаждение, удовлетворение жизнью, чувство близости, конструктивные мысли о себе и своём будущем, оптимизм, уверенность в себе, наполненность энергией, «жизненной силой»); позитивные черты характера человека (мудрость, любовь, духовность, честность, смелость, доброта, творчество, чувство реальности, поиски смысла, прощение, юмор, щедрость, альтруизм, и т.д.); социальные структуры, способствующие счастью и развитию людей (демократия, здоровая семья, свободные средства массовой информации, здоровая среда на рабочем месте, здоровые локальные социальные сообщества).

В Центре позитивной психологии в США была создана классификация сильных сторон и положительных черт индивида (по аналогии с «классификацией патологий», которой является нозологическая система DSM-IV). В 2004 г. был опубликован список из 24 положительных черт человека, разделённых на 6 групп. Добродетели мудрости и знания: креативность, любопытство, открытость, любовь к обучению, перспектива. Добродетели смелости: храбрость, усердие, целостность, жизнеспособность. Добродетели человечности: любовь, доброта, социальный разум. Добродетели справедливости: гражданственность, справедливость, лидерство. Добродетели воздержания: милосердие, умеренность, умение предвидеть, самоконтроль. Добродетели трансценденции: умение ценить красоту, благодарность, надежда, чувство юмора, духовность. Разумеется, эти ценности отличаются в различных культурах и религиях. Следует отметить, что с момента своего появления это учение регулярно подвергается критике за искажение, например, реальности благодаря позитивным иллюзиям, за упрощенный подход и убежание от проблем вместо их решения. Тем не менее позитивная психология прочно вошла в идеи мирового научного сообщества, имея целый ряд преимуществ и рациональных «зерен». К главным темам относятся несколько масштабных сфер: эмоции, приносящие ощущение счастья (оптимизм, наслаждение, уверенность в своих силах, удовлетворенность, доверие); позитивные черты характера (доброта, юмор, духовность, альтруизм, мудрость); внешние факторы, положительно влияющие на людей (гуманизм, признание, система ценностей, социальная среда). Согласно мнению сторонников позитив-

ной психологии, положительные эмоции дают человеку большую конкурентоспособность, улучшают качество его жизни, расширяют социальные связи. В совокупности эти факторы значительно дополняют инструментарий человека в преодолении трудностей на пути достижения успеха. По принципу обратной связи позитивное мышление притягивает в жизнь человека хорошие события и удачу [33, 41].

Что касается «*позитивной психотерапии*» немецкого психолога и психотерапевта Н. Пезешкиана, то в психолого-психотерапевтическом контексте она выступает, с одной стороны, в качестве системы психологической помощи, ориентирующейся на целостное представление о человеке в интегральной совокупности всех его поведенческих свойств, с другой – как психотерапия в межкультурной проекции. Что касается идей позитивной психотерапии Н. Пезешкиана, то она привлекает внимание в связи с гуманистическим подходом к человеку, уязвимому в отношении психического здоровья – как психотического, так и невротического и преневротического уровня. Ценным является то, что позитивная психотерапия преследует следующие цели: лечение (психотерапевтический аспект), воспитание и профилактика (педагогический аспект), развитие межкультурного сознания (транскультурально-социальный аспект). Разработанная Н. Пезешкианом *позитивная психотерапия* (первоначальное название *дифференциальный анализ*) может быть обозначена как гуманистический метод, интегрирующий в себе аналитические, глубинно-психологические и поведенческие элементы [23, 24].

Гуманистические и экзистенциальные теории А. Маслоу, В. Франкла, К. Роджерса, Г. Олпорта и Э. Фромма, порой различающиеся структурно или этимологически, но не интенционально, рассматривающие человека во всей его целостности и индивидуальной уникальности, сыграли фундаментальную роль в развитии психологии личности, представлений о самом себе, о сближении реального и потенциального Я, в потребности самоуважения, что составляет суть самоактуализации и самореализации. Нами приемлется главная мысль этих исследований – центральная роль отводится мотивам, обеспечивающим не приспособление (адаптация) к социуму, а рост конструктивного начала самореализующегося человеческого Я [18, 21, 30, 35, 37].

Проблема самоактуализации и самореализации, так актуальная в настоящее время в отечественной и зарубежной психологии, является достаточно традиционной, она волновала многих древних философов. Приняв за исходную точку анализа платоновский диалог «Алкивиад», Мишель Фуко рассматривает античную «культуру себя» I–II вв. н.э. как философскую аскезу, или ансамбль практик, сложившихся под знаком древнего императива «заботы о себе». Дальний прицел такой установки – полная «генеалогия» новоевропейского субъекта, восстановленная в рамках заявленной Фуко «критической онтологии нас самих». Речь идет об истории субъекта, который в гораздо большей степени учреждает сам себя, прибегая к соответствующим техникам себя, санкционированным той или иной культурой, чем учреждается техниками господства (Власть) или дискурсивными техниками (Знание), в связи с чем вопрос нашего нынешнего положения – это не проблема освобождения, но практика свободы [38].

Но как таковая проблема самоактуализации и самореализации начала изучаться лишь в начале XX в. З. Фрейдом [10, 17, 36]. Термин «самореализация» был введен К. Гольдштейном для обозначения мотива «осознать все свои потенциальные возможности» [29]. Что касается отечественных психологов, то о начале исследований по данной проблематике можно говорить только с недавнего времени, хотя предпосылки имелись уже в начале 80-х гг. (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и др.) [28].

В зарубежных персоналистских теориях самореализация и самоактуализация предстают в разных, но родственных по экзистенциальному критерию ипостасях. Самореализация как результат компенсации чувства неполноценности охарактеризована в теории А. Адлера [2], как конечная жизненная цель исследована в работах К. Юнга [40], как высшая потребность описана в теории А. Маслоу [18], как личностная тенденция проанализирована у К. Роджерса [30] и как средство осуществления смысла – в работах В. Франкла [35] и пр.

Описаны концептуальная схема и конкретные психотехники, составляющие основу психопрофилактического процесса. В отношении такого исследовательского контингента, как студенческий, о самореализации и самоактуализации можно говорить только относительно, так как их студенческий статус уже свидетельствует о наличии в той или иной мере этих личностных свойств, не важно, само-

стоятельно ли они сделали такой профессиональный выбор или он был обусловлен влиянием родителей. Поэтому о становлении экстремистских мотиваций у студентов с радикалистской настроенностью можно говорить при низком уровне их самореализации и самоактуализации. Поэтому психокоррекция низкого уровня самоактуализации и самореализации личности, которые на базе молодежного радикализма как естественного онтогенетического феномена могут привести к формированию экстремистской направленности личности, базируется соответственно на практических работах вышеназванных персонологов: индивидуальной психокоррекции А. Адлера [2], клиент-центрированном подходе К. Роджерса [30], логотерапии В. Франкла [35], гештальттерапии Ф. Перлза [25] и арттерапии как средстве самопознания и самопринятия [20].

К основным составляющим комплексной интегративной модели психопрофилактических интеракций радикалистских настроений студенческой молодежи относятся:

1) Социально-психологический тренинг в многочисленной группе Петрушина согласно его теории резонансности и феномена самоэффективности А. Бандуры.

В комплексной интегративной модели психотерапевтической помощи базируется на дополненном и несколько видоизмененном в феноменологическом направлении резонансном подходе С.В. Петрушина (2013) как методе, ориентированном не на рациональные подходы, которые направлены на адаптацию человека к социуму, а связанные с использованием переживаний как основного пути изменений отношений человека с миром его развития, коррекции (если необходимо) и становления [26]. Его новизна заключается в том, что это психолого-психотерапевто-центрированное направление, т.е., по сути, поиск решения проблемы человека можно искать и в нем, и в переживаниях самого психотерапевта. В основе предлагаемого метода резонансного консультирования лежит не отстройка от состояния другого человека, как, например, борьба с контрпереносом в психоанализе. Наоборот, происходит перестройка отношений в диаде «психолог – клиент» в единую «гиперличность». С помощью специальных техник осуществляется неотожествленное слияние субъективных реальностей психолога и клиента. Если психотерапевтическое взаимодействие рассматривать как некую целостность, то в этом случае логично предположить, что клиента в этой «гиперличности» можно рассматривать как фигуру (т.е. как сознательную

часть психики), а психотерапевта – как фон (т.е. как отражение бессознательного клиента). Наблюдая за своим душевным состоянием во время общения с клиентом, психотерапевт получает прямой доступ к его проблеме. Это соприкосновение с болью души другого возможно только в условии снятия границ и вхождения в глубокий эмоциональный резонанс. Вместо «объектного» подхода к консультированию (где психолог пытается воздействовать на клиента) возможно использование «пространственного» подхода, который позволяет снять дистанцию и психологические границы в паре (тогда возможны действительное взаимодействие, взаимопонимание, взаимоотношения). Для осуществления резонанс-консультирования необходимо овладение, наряду с психотерапевтическими средствами (формирование и анализ переноса и сопротивления, способность к деидентификации с профессиональной ролью и созданию нулевой Я-концепции, быть «здесь и теперь», уход из «средней зоны») и специальными методиками построения глубинного общения. С.В. Петрушину принадлежит не только оригинальная концепция резонансности, но и оригинальная методика развития личности в общении в группах с любым, даже многочисленным количеством участников. С ее помощью за короткое время можно качественно изменить восприятие себя, психологическую атмосферу и межличностные отношения в группе от 40 до 100 человек.

Дополняемая концепцией самоэффективности А. Бандуры, она относится к умению людей осознавать свои способности выстраивать поведение, соответствующее специфической задаче или ситуации. То, как человек оценивает собственную эффективность, определяет расширение или ограничение возможности выбора деятельности, усилия, которые ему придется приложить для преодоления препятствий и фрустраций, настойчивость, с которой он будет решать какую-то задачу. Самооценка эффективности, таким образом, влияет на формы поведения, мотивацию, выстраивание поведения, которое будет либо благоприятствовать, либо препятствовать самореализации личности. По мнению Бандуры, люди, осознающие свою самоэффективность, прилагают больше усилий для выполнения сложных дел, чем люди, испытывающие серьезные сомнения в своих возможностях. В свою очередь, высокая самоэффективность, связанная с ожиданием успеха, обычно ведет к хорошему результату и, таким образом, способствует самоуважению. Напротив, низкая са-

мозффективность, связанная с ожиданием провала, обычно приводит к неудаче и снижает самоуважение [6].

Бандура предположил, что приобретение самоэффективности может происходить любым из четырех путей.

1. Способность выстроить поведение. Ученый считает, что наиболее важным источником эффективности является прошлый опыт успеха или неудач в попытке достичь желаемых результатов: успешный личный опыт порождает высокие ожидания, а предыдущие неудачи порождают низкие ожидания. Однако если человеку с низкой эффективностью дать какой-то стимул сделать то, чего он боится, его самоэффективность повысится.

2. Косвенный опыт. Наблюдение за другими людьми, успешно выстраивающими поведение, вселяет в человека надежду на самоэффективность и уверенность в том, что с подобной деятельностью вполне можно справиться.

3. Вербальное убеждение в том, что человек обладает способностями, необходимыми для достижения цели. Важно, чтобы вербальное убеждение соответствовало реальным возможностям человека, в противном случае результат будет отрицательным. Кроме того, данный способ будет действенным только в том случае, если вербальное убеждение исходит от авторитетного лица.

4. Эмоциональный подъем. Так как люди сверяют уровень эффективности с уровнем эмоционального напряжения перед лицом стрессовых или угрожающих ситуаций, любой способ, понижающий возбуждение, повысит прогноз эффективности. Как показывает практика, люди с большей вероятностью добиваются успеха в самоэффективности и самоосуществлении, если они не напряжены и эмоционально спокойны [15].

Социально-психологический тренинг может протекать в двух формах по критерию наполненности группы: в многочисленной поточной студенческой группе и в отдельной студенческой группе [5, 25]. Новизна данного способа развития компетентности в общении посредством социально-психологического тренинга заключается в расширении представления участников тренинга о мире общения и коррекции эмоционального опыта общения через сильные позитивные переживания.

2) Структурированная беседа как метод индивидуальной психотерапии и психокоррекции в малой группе (3–4 человека).

Структурированная беседа – диагностический метод, который позволяет установить прямой контакт с испытуемым, получить информацию о его субъективном мире, о мотивах его деятельности и поведения [8]. Метод беседы используется наряду с другими методами (анкетирование, наблюдение и эксперимент). Но в практической работе ряда ведущих психологов мира беседа использовалась как самостоятельный метод исследования («клиническая беседа» Ж. Пиаже, «психоаналитическая беседа» З. Фрейда). Беседа является методом получения информации на основе ответов собеседника на вопросы, поставленные психологом при прямом контакте. В ходе беседы исследователь выявляет особенности поведения и психического состояния собеседника. Полезную информацию во время беседы дают внешнее поведение испытуемых, их мимика, жесты, интонация речи. Беседа позволяет мысленно моделировать любые нужные психологу ситуации. При соблюдении требований и надлежащих предосторожностей беседа позволяет получить не менее надежную, чем в наблюдении или при психологическом анализе документов, информацию о событиях прошлого, настоящего или планируемого будущего. Однако во время беседы необходимо отделять личные отношения от содержания беседы [39]. Достоинством метода беседы является то, что она базируется на личном общении, что устраняет некоторые отрицательные моменты, возникающие при использовании вопросника. Беседа дает и большую уверенность в правильном понимании вопросов, так как исследователь имеет возможность детально объяснить вопрос. Предполагается и большая достоверность ответов, ибо устная форма беседы, которую ведут лишь два лица, создает предпосылки того, что ответы на вопросы не будут оглашены.

3) Групповая дискуссия по А. Адлеру как метод социально-психологического исследования и разновидность фокус-групп.

В социологических исследованиях применяется метод фокус-групп, и основным звеном этого метода является групповая дискуссия, а это уже метод, относящийся к психологическим методам исследования. Фокус-группа относится к качественным методам социально-психологических исследований и заключается в глубинном интервьюировании представителей целевой аудитории. Она пред-

ставляет собой групповое, фокусированное (полустандартизированное) интервью, проходящее в форме групповой дискуссии и направленное на получение от ее участников «субъективной информации» о том, как они воспринимают различные виды практической деятельности или продукты этой деятельности, например: материалы средств массовой коммуникации, рекламу и др. Впервые метод фокус-групп был использован социологами Р. Мертоном и П. Кендалл в 1944 г. Они издали учебник «Фокусированное интервью», не утративший актуальности и по сей день и расширивший свое применение до социально-психологических исследований. Во время интервьюирования от аудитории исследователи получают субъективные мнения об объектах исследования. В широком смысле термин «фокус-группа» означает сам метод исследования, а в узком – группу людей-респондентов. Количество участников фокус-группы варьируется между 2–10 [7, 16]. Основным методическим приемом фокус-группы можно считать групповую дискуссию, а групповая дискуссия по определению принадлежит любому образовательному знанию, в том числе и социально-психологическому. Предметно используемая в данном исследовании дискуссия базируется на представлении А. Адлера о стремлении человека к жизни посредством свободы выбора, обретения смысла жизни и стремления к самореализации [1]. Главное препятствие на пути к самореализации – базисное чувство неполноценности, в преодолении которого состоит личностное развитие. Основной упор в психологической работе Адлер делает на внутриличностные проблемы, а не на межличностные. По его предположению, у человека имеется ошибочное восприятие действительности, из-за которого у него и возникают проблемы в межличностных отношениях. Возможны четыре типа ошибок: недоверие, себялюбие, нереалистические амбиции, недостаток уверенности. В отличие от Фрейда, акцентировавшего роль *бессознательного* и *сексуальности* как детерминант человеческого поведения, Адлер вводит в объяснение социальный фактор: характер человека складывается под воздействием его *«жизненного стиля»*, т.е. сложившейся в детстве системы целенаправленных стремлений, в которой реализуется потребность в достижении превосходства, самоутверждении как компенсации *«комплекса неполноценности»*. Развитие личности, согласно воззрениям Адлера, зависит от того, каким образом этот комплекс будет компенсироваться. В патологических случаях человек может пытаться скомпенсировать свой комплекс неполноценно-

сти за счёт стремления к власти над другими (*компенсаторная теория власти*). Главные ключевые принципы его теории можно разделить на следующие составляющие: чувство неполноценности и компенсация; стремление к превосходству; стиль жизни; социальный интерес; творческое Я; порядок рождения; фикционный финализм. Задача психолога – найти ошибку в «картине мира» участника групповой дискуссии и помочь ему скорректировать свои взгляды на себя и на мир для успешной самореализации в жизнеосуществлении. Цели групповой дискуссии: снижение чувства неполноценности; развитие социального интереса; коррекция целей и мотивов с перспективой изменения стиля жизни на пути к самореализации [22].

4) Клиент-центрированное индивидуальное консультирование по К. Роджерсу.

К. Роджерс обосновал принципиально новый недирективный подход к проблеме работы с испытуемыми. Он считал, что психологический рост динамичен. Препятствовать ему могут условные ценности, которые представляют собой отрицание, намеренное игнорирование, избегание некоторых аспектов «самости» ради получения награды для себя. Психотерапевтическое воздействие должно быть направлено на разрушение условных ценностей, их пересмотр и отказ от них [30]. Цель работы с психологом состоит в выработке у человека большего самоуважения и способности предпринимать действия, необходимые для приведения его «Я-реального» в соответствие с его личным опытом и глубинными переживаниями. С самого начала внимание концентрируется не на проблемах человека, а на нем самом, на его «Я», поэтому задача, которая ставится и решается в рамках взаимодействия с психологом, – это помощь в личностном росте и развитии, благодаря которому человек самостоятельно решает свои проблемы. А второстепенная задача – создание соответствующего психологического климата и соответствующих отношений. Роджерс полагает, что позитивные силы, направленные к здоровью и росту, естественным образом присущи организму, что в каждом из нас есть стремление становиться компетентным и способным настолько, насколько это возможно для нас биологически, стремление становиться целостным, полным, самоактуализирующимся человеком. Отсюда вытекает, что основная задача педагогики, психотерапии и искусства управления состоит в том, чтобы пробудить эти внутренние силы роста и развития, которые сами приведут человека к успеху [30].

5) Индивидуальная письменная нарратизация как практика индивидуальной работы согласно логотерапии Франкла по нахождению смысла жизни.

В практике психологической помощи, в холистических видах психологической психотерапии тестирование не популярно, так как разобщает клиента и психолога, переводит клиента из личностной в объектную позицию, занимает много времени, требует расщепления, которое противоречит духу холистического подхода, поэтому предлагается письменное консультирование – «Сочинение истории о себе. В чем я вижу мой смысл жизни?» с последующим логотерапевтическим анализом по критериям В. Франкла. Франкл как основатель логотерапии видит основную задачу своего направления – оказать помощь человеку в обретении смысла жизни, который может быть утрачен человеком при сильных психотравмирующих событиях либо еще не сформирован, например, в подростковом возрасте в силу недостаточного знания и опыта. Уникальный смысл жизни (или обобщенные ценности) может быть найден человеком в одной из сфер жизни: творчестве, эмоциональных переживаниях, сознательном принятии тех обстоятельств, которые человек не в силах изменить. Центральное место Франкл при этом отводил творчеству [35]. Согласно Франклу, логотерапия основывается на трех составляющих: свободе воли, воле к смыслу и смысле жизни. Концепция логотерапии утверждает, что движущей силой человеческого поведения является стремление найти и реализовать существующий во внешнем мире смысл жизни. Одним из ключевых человеческих свойств, по мнению Франкла, является воля к смыслу, которую Франкл считал фундаментальной мотивационной силой в человеке, когда же стремление к смыслу фрустрировано, возникает апатия, скука. Состояние человека, когда у него фрустрировано стремление к смыслу, Франкл называет экзистенциальным вакуумом, о котором писали философы-экзистенциалисты. Экзистенциальный вакуум, согласно логотерапии, может вести к ноогенному неврозу (неврозу, который возникает вследствие фрустрации стремления к смыслу), клинической симптоматике. С точки зрения Франкла, смысл не есть что-то чисто субъективное, человек не придумывает его, а находит в окружающем мире. Франкл называет три пути, идя по которым, человек может сделать свою жизнь осмысленной: созидание; получение нового опыта или встреча с кем-то на жизненном пути; нахождение смысла в жизни, в том числе в страданиях. Франкл подчёр-

кивает, что третий путь – путь нахождения смысла в страданиях – нужно использовать, только если недоступны первые два. Третий путь Франкл открыл для себя, будучи в концлагере во время холокоста, и этот путь помог ему вынести ужасные муки.

Нарративный подход в сфере психотерапии, психологической помощи и работы с сообществами, использующий метафору нарратива, возник на рубеже 1970–1980 гг. Непосредственными авторами данного подхода принято считать австралийца Майкла Уайта и новозеландца Дэвида Эпстона. Цель нарративной психотерапии и консультирования – создание вокруг клиента пространства для развития историй, которые дадут ему возможность почувствовать себя способным повлиять на ход течения собственной жизни, стать непосредственно автором своей истории и воплотить её, привлекая «своих» людей для повышения чувства заботы и поддержки. У истоков нарративного подхода стоят идеи, разработанные в различных областях научного знания: в психологии (Дж. Брунер, Т. Сарбина, Л.С. Выготский и др.), в этнографии (К. Гирц, Э. Брунер, В. Тернер), этнографии и теории литературы (В.Я. Пропп, М.М. Бахтин, Н. Фрай), истории систем познания (М. Фуко, К. Герген), биологии и теории систем (Г. Бэйтсон, У. Матурана) [11, 13].

6) Техники групповых игр и экспериментов согласно гештальттерапии Ф. Перлза.

Метод, созданный американским психологом Ф. Перлзом под влиянием идей гештальтпсихологии, экзистенциализма, психоанализа, получил большую практическую популярность. Основная идея метода заключается в том, что человек находится в равновесии с самим собой и окружающим миром. Нарушение такого равновесия приводит к ослаблению процесса саморегуляции организма, как следствие возникает агрессия, неудовлетворенность собой и жизнью. Происходит такое нарушение в том случае, когда человек хронически препятствует удовлетворению собственных потребностей, отказывается от реализации собственного «Я». Целью гештальткоррекции является снятие блокировок, пробуждение потенциально существующих в человеке естественных ресурсов, способствующих его личностному росту, достижению ценности и зрелости, полной интеграции личности клиента и его самореализации. Данная цель реализуется в результате выполнения следующих основных задач: обеспечение полноценной работы актуального самосознания; смещение локуса контроля вовнутрь; поощрение независимости и само-

достаточности; обнаружение психологических блоков, препятствующих росту, и изживание их [25].

7) Психологическая и психотерапевтическая помощь в ракурсе позитивной психотерапии по Н. Пезешкиану.

Использование метода позитивной психотерапии Пезешкиана и его принципов не ограничивается одной лишь психотерапией или консультированием, но распространяется также и на другие области и применяется в образовании, управлении персоналом, бизнесе, профилактике здоровья, проведении всевозможных *тренингов*, а также в коучинге. Идея метода говорит о том, что положительное представление о человеке проистекает из того, что любой человек с самого рождения имеет две основные способности: способность к познанию и способность к любви. Обе они тесно взаимосвязаны друг с другом: развитие одной способствует процессу развития другой и облегчает его. Это и является главным утверждением, на котором в позитивной психотерапии строится представление о человеке. По своей природе человек является добрым и подсознательно стремится к добру. Также позитивная психотерапия Пезешкиана базируется на вере в то, что все люди наделены всем необходимым, чтобы жить счастливой жизнью. У каждого есть доступ к неисчерпаемому источнику жизни, который можно использовать для своего индивидуального раскрытия и личностного роста. Преимущества метода Пезешкиана для настоящего проекта: универсален, прост, применим к любым проблемам, интернационален, человек рассматривается в нем как целостная система, испытуемый принимает в терапии активное участие, ориентирован на будущее человека, характерны обучение самопомощи, системный подход и простота языка. Позитивную психотерапию можно рассматривать как указатель для человека на верный путь гармонизации его чувств и мыслей. Ещё одним существенным достоинством метода является его нацеленность на будущее, ведь он позволяет формировать будущее посредством принятия ситуаций в настоящем. Каждый человек, приняв на себя полную ответственность за свою жизнь, способен изменить свою реальность. Другими словами, если человек хочет иметь то, чего никогда не имел, он должен делать вещи, которых никогда не делал. Важным принципом психотерапии Пезешкиана является принцип уникальности личности. Он гласит, что в жизни не может быть стандартов, а многообразие источников счастья человека в том, что быть счастливым можно в моменте «сейчас», имея то, что есть, не грезя о том,

«что было бы, если бы», и т.п. Способность человека узреть в настоящем то, что сделает его счастливым и придаст силы на пути к новым свершениям, наделяет его мудростью и делает создателем своего собственного «Я». Но изменить текущее состояние к лучшему можно только постепенно, а для этого необходимо обладать терпением. Позитивная психотерапия помогает человеку мобилизовать свои скрытые резервы для осуществления положительных перемен. Она учит человека не противостоять окружающему миру, а принимать его таким, каков он есть. Итогом же станет позитивное миро- и самовосприятие, а также позитивное восприятие жизни и окружающих людей [23–24].

8) *Арт-терапия как средство самообщения, самопознания и самопринятия.*

Арт-терапия – направление, основанное на применении для терапии искусства и творчества. Термин «арт-терапия» (буквально: лечение искусством) ввел в употребление художник Адриан Хилл в 1938 г. при описании своей работы с туберкулезными больными в санаториях. В узком смысле слова под арт-терапией обычно подразумевается терапия изобразительным творчеством, имеющая целью воздействие на психоэмоциональное состояние человека. Главная цель арт-терапии состоит в гармонизации психического состояния через развитие способности самовыражения и самопознания. Ценность применения искусства состоит в том, что с его помощью можно на символическом уровне выразить и исследовать самые разные чувства и эмоции. Методика арт-терапии базируется на убеждении, что содержание внутреннего «Я» человека отражается в зрительных образах всякий раз, когда он рисует, пишет картину или лепит скульптуру, в ходе чего происходит гармонизация состояния психики через концентрирование внимания на ощущениях и чувствах. С точки зрения психоанализа, основным механизмом арт-терапии является сублимация. Важная задача арт-терапии в представленном исследовании – дать социально приемлемый выход агрессии и другим негативным чувствам, проработать подавленные мысли и чувства, развить самоконтроль и творческие способности, повысить самооценку. Арт-терапия – это специфическая форма психологических (психотерапевтических) интеракций, основанная на искусстве, в первую очередь изобразительном, и творческой деятельности. Любая творческая деятельность человека является важным

элементом его развития, она позволяет человеку увидеть себя с иной стороны, понять себя, открыть в себе потенциал, чтобы впоследствии реализовать его, изменить взгляд на окружающих и наладить с ними отношения. Основная цель арт-терапии, таким образом, состоит в гармонизации развития личности через развитие способности самовыражения и самопознания [9, 14, 31].

В представляемом исследовании испытуемым предлагается нарисовать автопортрет. Для консультирующего психолога это одновременно и психодиагностика, и арт-терапия [19]. Проективный рисуночный тест «Автопортрет» применяется в целях диагностики бессознательных эмоциональных компонентов личности (самооценка, актуальное состояние, невротические реакции тревожности, страха, агрессивности). Проективные рисуночные тесты человека первоначально использовались для диагностики уровня интеллектуального развития детей и подростков, затем возможности данной методики были расширены для интерпретации специфических личностных особенностей человека, его социальных взаимодействий и адаптации (Machover, 1949). По определению автопортрет – это изображение человека, созданное им самим. Изображая себя, человек воссоздает основные черты собственных телесных нужд и внутренних конфликтов. Богатая проекция личностной динамики, проявляющаяся в рисунке, открывает для метода возможность анализа достоинств и конструктивных потенций, равно как и анализа нарушений. В процессе интерпретации «схемы тела» можно судить, полностью ли соответствует полученная графическая продукция физическим и психологическим переживаниям человека, какие органы тела несут определенный смысл, каким образом соматически закреплены и обозначены желания человека, его конфликты, компенсации и социальные установки.

Выводы

1. В настоящем исследовании осознается и транслируется идея необходимости применения в моделировании психопрофилактических интеракций подходов и методов, достаточно гибких, культурально-сенсibilизированных, психологически экологических и соответствующих духу времени.

2. Представлены комплексная модель, концептуальная схема, базовые технологии и конкретные психотехники профилактических

интеракций радикалистских настроений студенческой молодежи, составляющие основу психопрофилактического процесса.

3. Теоретическая интеграция модели основана на идеях представителей позитивной психологии и позитивной транскультуральной психотерапии М. Селигмана и Н. Пезешкиана в духе персонологии «Я» как «науки синтеза» по Е. Старовойтенко.

4. Агрегированием компонентов психопрофилактических интеракций послужили взаимодополняемые научно-практические разработки представителей различных психологических направлений.

5. Цель применения моделируемых интеракций – психокоррекции низкого уровня самореализации и самоактуализации личности у радикалистски настроенных студентов с учетом установленных ранее базовых факторов их формирования.

6. Основные принципы, на которых строится система психопрофилактики: вариативность содержания, форм, методов, персонализация, учет возраста и его самоценности.

7. Сборка модели психопрофилактических интеракций осуществляется с учетом следующих ценностно-смысловых линий: специфика работы со студенческой аудиторией различной наполненности, соблюдение теоретической цельности в агрегированной модели психопрофилактики, гибкость применения различных базовых технологий для соответствующих задач психопрофилактики.

8. В представляемой модели предполагаются следующие формы психопрофилактики: групповые на уровне студенческого потока, групповые на уровне студенческой группы и индивидуальные.

Таким образом, основными компонентами теоретически интегративной комплексной модели агрегированных психологических и психотерапевтических интеракций низкого уровня самореализации личности как предиктора формирования экстремистской направленности личности у радикалистски настроенной молодежи явились следующие: социально-психологический тренинг в многочисленной группе согласно теории и практике резонансности Петрушина и феномена самоэффективности по А. Бандуре; структурированная беседа по Пиаже и Фрейду как метод индивидуальной психотерапии и психокоррекции в малой группе; групповая дискуссия по Адлеру как метод обнаружения внутриличностных проблем и развития социального интереса; клиент-центрированное индивидуальное консультирование в плане развития навыков взаимодействия по Роджерсу; индивидуальная письменная нарратизация как практика индивиду-

альной работы по нахождению смысла жизни согласно логотерапии Франкла; групповые игры и эксперименты формирования целеполагания согласно гештальттерапии Перлза; психологическая помощь в ракурсе позитивной психотерапии по Пезешкиану; арт-терапия как средство самообщения, самопознания и самопринятия по Хиллу.

Литература

1. Адлер А. Понять природу человека. СПб.: Академический проект, 1997. 256 с.
2. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии / пер. с англ. А. Боковой. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2015. 240 с.
3. Асмолов А.Г. Что такое жизнь с точки зрения психологии: историко-эволюционный подход к психофизической проблеме // Вопросы психологии. 2016. № 2. С. 3–23.
4. Асмолов А.Г., Гусельцева М.С. Психология как ремесло социальных изменений: технологии гуманизации и дегуманизации в обществе // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2016. № 4 (88). С. 14–28.
5. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–26.
6. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
7. Белановский С.А. Метод фокус-групп. М.: Магистр, 1996. 272 с.
8. Гусев А.Н., Измаилов Ч.А., Михалевская М.Б. Измерение в психологии: общий психологический практикум. 2-е изд. М.: Смысл, 1998. 286 с.
9. Дженнингс С., Минде А. Сны, маски и образы. Практикум по арт-терапии / пер. с англ. И. Динерштейн. М.: Эксмо, 2003. 384 с.
10. Егорычева И.Д. Самореализация как деятельность: исторические и социокультурные проблемы самореализации // Мир психологии. 2005. № 3. С. 11–32.
11. Жорняк Е.С. Нарративная психотерапия: от дебатов к диалогу // Консультативная психология и психотерапия. 2001. № 3. С. 91–124.
12. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005. 174 с.
13. Кутузова Д.А. Введение в нарративную практику // Журнал практического психолога / ред. А.Г. Лидерс. 2011. № 2. Март–апрель. С. 23–41.
14. Лебедева Л.Д. Практика арт-терапии. Подходы, диагностика, система занятий. СПб.: Речь, 2003. 256 с.
15. Левин К., Бандура А. Гештальт-психология и социально-когнитивная теория личности. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 125 с.
16. Левинсон А.Г., Стучевская О.И. Фокус-группы: эволюция метода (обзор дискуссии на конференции ESOMAR). М., 2003. № 1 (63). С. 46–55.
17. Марцинковская Т.Д. История психологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Академия, 2001. 544 с.
18. Маслоу А.Г. Мотивация личности. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
19. Методика «Автопортрет» Большая энциклопедия психологических тестов / автор-сост. А. Карелин. М.: Эксмо, 2006. 416 с.
20. Оганесян Н.Т. Библиотерапия: самоактуализация психических состояний через поэзию. М.: Ось, 2002. 272 с.

21. Олпорт Г. Леонтьев Д.А. Океанариум–Оясио. М.: Большая российская энциклопедия, 2014. С. 128.
22. Осипова А.А. Групповая дискуссия как метод групповой работы. Общая психокоррекция: учеб. пособие. М.: Сфера, 2000. 510 с.
23. Пезешкиан Н. Торговец и попугай. Восточные истории и психотерапия / пер. с нем.; общ. ред. А.В. Брушлинского, А.З. Шапиро; предисл. А.В. Брушлинского, коммент. А.З. Шапиро. М.: Прогресс, 1992. 240 с.
24. Пезешкиан Н. Психотерапия повседневной жизни: тренинг разрешения конфликтов. СПб.: Речь, 2001. 288 с.
25. Перлз Ф. Гештальт-семинары / пер. с англ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2007. 352 с.
26. Петрушин С.В. Использование резонансного подхода в консультировании и психотерапии [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электр. науч. журн. 2013. № 1(18). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 13.04.2019).
27. Петрушин С.В. Психологический тренинг в многочисленной группе. М.: Академический проект, 2000. 256 с.
28. Психология личности в трудах отечественных психологов: хрестоматия / сост. Л.В. Куликова. СПб.: Питер, 2002. 480 с.
29. Ребер А. Большой психологический словарь / под ред. А. Ребер. М.: АСТ, 2001. 559 с.
30. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. 480 с.
31. Рудестам К. Групповая психотерапия. СПб.: Питер Ком, 1999. 384 с.
32. Салигман М. Как научиться оптимизму: Измените взгляд на мир и свою жизнь. М.: Альпина Паблишер, 2013. 338 с.
33. Стайл Ш. Позитивная психология. Что делает нас счастливыми, оптимистичными и мотивированными / пер. с англ. М. Чомахидзе-Доронина; науч. ред. Т. Базаров. М.: Претекст, 2013.
34. Старовойтенко Е.Б. Персонология: жизнь личности в культуре. М.: Академический проект, 2015. 431 с.
35. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 366 с.
36. Фрейд З. Психология бессознательного. СПб.: Питер, 2008. 282 с.
37. Фромм Э. Бегство от свободы = Die Furcht vor der Freiheit (1941) / пер. Г.Ф. Швейника. М.: АСТ, 2011. 288 с.
38. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
39. Фурман Б., Ахола Т. Психотерапевтическое консультирование. Беседа, направленная на решение. СПб.: Речь, 2001. 160 с.
40. Юнг К.Г. Матрица безумия / К.Г. Юнг, М. Фуко. М.: Алгоритм, 2007. 383 с.
41. Seligman, Martin E. The Optimistic Child. Houghton Mifflin Company, 1995.

ОБ АВТОРАХ

Карелин Дмитрий Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

Ларионова Анастасия Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета, доцент кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники

Мещерякова Эмма Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологической экспертизы, профессор кафедры генетической и клинической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета

Мишанкина Наталья Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор отделения русского языка Национального исследовательского Томского политехнического университета, профессор кафедры гуманитарных проблем информатики, профессор кафедры телерадиожурналистики Национального исследовательского Томского государственного университета

Молчанова Елена Павловна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития личности факультета психолого-педагогического и специального образования Томского государственного педагогического университета

Орлова Вера Вениаминовна – доктор социологических наук, доцент, директор научно-образовательного центра «Социогуманитарные технологии», профессор кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники

Писарев Олег Михайлович – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы, полковник внутренней службы Федерального казенного учреждения дополнительного профессионального образования Томского института повышения квалификации работников ФСИН России

Родионова Елена Викторовна – кандидат философских наук, доцент отделения социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета, магистрант факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета

Фахретдинова Александра Павловна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры английского языка физико-математических и естественнонаучных факультетов факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета, магистрант факультета иностранных языков Томского государственного педагогического университета

Оглавление

От редакции	3
<i>Глава 1. Детерминации молодежного экстремизма как деструктивного способа самореализации (Э.И. Мещерякова, А.В. Ларионова).....</i>	<i>8</i>
<i>Глава 2. Правовой нигилизм молодежи: некоторые аспекты междисциплинарного изучения проблемы (Д.В. Карелин)</i>	<i>21</i>
<i>Глава 3. Контексты молодежного экстремизма в социологии и социальной психологии: водоразделы и слияния (В.В. Орлова)</i>	<i>43</i>
<i>Глава 4. Особенности смысловых установок осужденных за экстремизм (О.М. Писарев, Е.П. Молчанова).....</i>	<i>59</i>
<i>Глава 5. Особенности этноидентичности молодежи в контексте национального экстремизма (А.В. Ларионова, А.П. Фахретдинова).....</i>	<i>81</i>
<i>Глава 6. Теория и практика анализа экстремистского видеоряда социальных сетей (Н.А. Мишанкина).....</i>	<i>98</i>
<i>Глава 7. Методы дизайн-мышления в противодействии экстремизму: изучаем возможности (Е.В. Родионова)</i>	<i>133</i>
<i>Глава 8. Психопрофилактика и психокоррекция радикалистских установлений молодежи (Э.И. Мещерякова).....</i>	<i>141</i>

Научное издание

**МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ:
ИНТЕГРИРОВАННЫЙ
ПОДХОД С ПОЗИЦИИ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Редактор В.Г. Лихачева
Компьютерная верстка Т.В. Дьяковой

Подписано в печать 25.10.2019.
Формат 60х84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 10,3; усл. печ. л. 9,5; уч.-изд. л. 10,5. Тираж 500. Заказ 463.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1